

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2025

Том 16
Vol.

№ 2

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА: PRAGMALINGUISTICS:
В ПОИСКАХ СИНТЕЗА IN SEARCH OF SYNTHESIS

Издательство Immanuel Kant
Балтийского федерального Baltic Federal University
университета им. Иммануила Канта Press
2025

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2025
Том 16
№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2025.
240 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия) — главный редактор; Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; Наталия Сергеевна Автономова, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); Наталия Михайловна Азарова, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); Хенрик Баран, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); Томас Венцлова, профессор, Йельский университет (США); Димитр Веселинов, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); Ив Гамбье, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия); Игорь Николаевич Данилевский, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); Валерий Закиевич Демьянков, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); Вера Ивановна Заботкина, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); Николай Николаевич Казанский, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); Максим Анисимович Кронгауз, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); Александр Васильевич Лавров, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); Иван Борисович Микутумов, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); Владимир Александрович Плунгян, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); Джеймс Расселл, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); Игорь Витальевич Силантьев, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); Игорь Павлович Смирнов, профессор, Констанцкий университет (Германия); Питер Стайнер, профессор, Университет Пенсильвании (США); Су Кван Ким, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); Цзиньлин Ван, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); Татьяна Владимировна Черниговская, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, а также индексируется в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядре РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 15.05.2025 г.

© БФУ им. И. Канта, 2025

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2025
Vol. 16
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2025.
240 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Editorial office

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia) – Editor-in-Chief;
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy); Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia); Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silant'yeo*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

© Immanuel Kant Baltic
Federal University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	6
<i>Демьянков В.З.</i> Прагматика эпистемических гарантий реального, возможного и вероятного в дискурсе.....	13
<i>Рахилина Е.В., Гюласарян С.М., Бычкова П.А.</i> Прагматика в цифровую эпоху: база данных «Рутиникон»	28
<i>Добровольский Д.О., Зализняк Анна А.</i> «Риторический вопрос» в лингвистике и в речи	53
<i>Янко Т.Е.</i> Прагматика и просодия: ориентация на звучащую речь как принцип лингвистической прагматики.....	71
<i>Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A.</i> Speech and gesture regulations in expressing vague reference in expository dialogue.....	93
<i>Шаронов И.А.</i> Тимиологические реакции и их роль в диалоге	107
<i>Ларина Т.В.</i> Эмотивная вежливость в лицеугрожающих речевых актах: кросс-культурный аспект	118
<i>Труцелёв П.Н., Горбачева А.В.</i> Прагматическая модель и принципы развертывания объяснения в учебном тексте	136
<i>Ли Юэчуань, Маркасова Е.В.</i> Вопрос «Кто я? / Что я?» как маркер поиска идентичности	158
<i>Шулятьева Д.В.</i> Ты, ты, ты: «ты-повествование» в романе «Невидимый» Пола Остера (2010)	177
<i>Костенков И.А.</i> Вербализация коммуникативных стратегий во внешнеполитическом дискурсе (на примере статей — обращений президента России к международной аудитории).....	189
<i>Прасолова О.Д., Павлина С.Ю.</i> Интенциональная недосказанность в кино-аннотации: прагматический аспект.....	208

CONTENTS

<i>From the editors</i>	10
<i>Demyankov V.Z.</i> Pragmatics of epistemic warrants of the real, the possible and the probable in discourse	13
<i>Rakhilina E. V., Gyulasaryan S.M., Bychkova P.A.</i> Pragmatics in the digital age: the Routinikon database	28
<i>Dobrovolskij D.O., Zalizniak Anna A.</i> "Rhetorical question" in linguistics and speech	53
<i>Yanko T.E.</i> Pragmatics and prosody: the analysis of oral speech as a principle of linguistic pragmatics	71
<i>Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A.</i> Speech and gesture regulations in expressing vague reference in expository dialogue	93
<i>Sharonov I.A.</i> Thymiological reactions and their role in dialogues	107
<i>Larina T.V.</i> Emotive politeness in face-threatening speech acts: cross-cultural perspectives	118
<i>Trushchelev P.N., Gorbacheva A.V.</i> Functional specificity of explanation in expository texts: a pragmatic model and elaboration principles	136
<i>Li Yuechuan, Markasova E. V.</i> The question "Who am I? / What am I?" as a marker of identity search	158
<i>Shulyatyeva D. V.</i> You, you, you: second-person narrative in the "Invisible" by Paul Auster (2010)	177
<i>Kostenkov I.A.</i> Verbalization of communicative strategies in foreign policy discourse: a case study of the Russian President's addresses to the international audience	189
<i>Prasolova O.D., Pavlina S. Yu.</i> Pragmatics of intentional omission in a film synopsis	208

ОТ РЕДАКЦИИ

Термин «прагмалингвистика»¹ используется достаточно широко и имеет уже сравнительно давнюю традицию, однако его понимание все еще остается достаточно разнородным. Если основываться на данных Оксфордского словаря, он впервые появился в (Althaus, Henne, 1971), где авторы, исходя из различных аспектов реализации языка посредством социально значимых действий и коммуникации, предложили разграничить в лингвистике три новых направления: психолингвистику, социолингвистику и прагмалингвистику. Авторы исходили из хомскианского разграничения компетенции и перформации, но парадоксальным образом никак не упоминали исследования, уже интенсивно развивавшиеся в свете теории речевых актов и импликатур, причем даже саму статью Чарльза Морриса.

Как это часто бывает, дальнейшее развитие прагмалингвистики шло в направлении, радикально отличавшемся от того, которое предполагали создатели термина. Как известно, в семиотике понятие прагматики развивается после выделения ее в особый аспект семиозиса и, соответственно, отдельную ветвь семиотических исследований. Что касается лингвистики, то ее сосредоточенность на изучении языка как системы предполагала, что ее объект — это синтактика, взаимоотношения знаков внутри системы, а не взаимодействие субъекта и знаковой системы между собой. В философии языка огромный потенциал прагматики был раскрыт в работах Людвиг Витгенштейна последнего периода. Хотя он и не употреблял термина «прагматика» в моррисовском смысле, его подход к значению как употреблению послужил основой для развития теории речевых актов и перформативов. Но и в этом случае роль лингвистики оставалась неясной: традиционный подход к языку как системе плохо согласовывался с описанием его как инструмента для исполнения внелингвистических — социальных — функций.

Вместе с тем развиваемые в русле философии языка и логического анализа языка теории (речевых актов, перформативов, импликатур, прагматических пресуппозиций) настоятельно требовали анализа лингвистических форм их осуществления. Важной вехой было предложенное в (Leech, 1983) разграничение между прагмалингвистикой и социопрагматикой. Предполагалось, что прагмалингвистика ориентирована на грамматику и изучает ресурсы, которые данный язык предоставляет для передачи прагматического значения, в то время как социопрагматика ориентирована на социологию и связывает прагматическое значение с социальной иерархией интерлокуторов, социальными правилами и нормами языкового сообщества, дискурсивными практиками и формами приемлемого речевого поведения (Marmaridou, 2011).

¹ В российской и в следующей в ее русле лингвистике можно встретить также термин «лингвапрагматика».

Впрочем, это методологическое различие при всей его, казалось бы, очевидности, оказывается весьма трудно соблести. При этом выяснилась и невозможность каким-либо образом сузить границы прагмалингвистики: она активно вбирает методы и результаты, достигнутые в риторике, стилистике, теории текста и дискурса. Особую востребованность прагмалингвистическим исследованиям придают исследования процессов функционирования языка в коммуникативных контекстах, что позволяет перейти к решению актуальных задач (массовая коммуникация, *public relations*, медиа, речевой этикет, критический дискурс и т. д.).

Начиная с 1970-х годов появляются монографии: это не потерявшая актуальности (Pragmalinguistics, 1979; переиздана в 2017) и важная для понимания развития прагмалингвистики в социалистических странах того времени (Prucha, 1983). Вместе с тем возникают новые задачи. Им, в частности, посвящена недавно вышедшая в авторитетной серии *Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology* в издательстве Springer коллективная монография (New frontiers..., 2024), свидетельствующая об актуальности и многообразности современной прагмалингвистики. Таким образом, нынешний выпуск журнала «Слово.ру: балтийский акцент» продолжает обсуждение проблем в русле мировых тенденций развития прагмалингвистики. Он сосредоточен на ключевой точке прагмалингвистики — это синтез прагматического подхода к языку как к деятельности и лингвистического инструментария описания системности ее манифестации. В публикуемых статьях уже нет непосредственного обращения к философии языка и теории речевых актов, то есть к собственно прагматике, но есть их развитие и насыщение новыми методами. В этом мы видим синтез двух фундаментальных подходов к языку — рассмотрения его как целеполагающей деятельности и в то же время описания его как системы.

Однако есть и определенное своеобразие в предлагаемых исследованиях. Эти проблемы обсуждались на конференции «Язык — дискурс — корпус: в поисках прагматики», прошедшей в Институте языкознания РАН 6–7 сентября 2024 года. Часть докладов этой конференции публикуется в настоящем выпуске (это статьи В.З. Демьянкова, Т.Е. Янко, И.А. Шаронова, Е.В. Рахилиной и ее соавторов, С.М. Гюласарян и П.А. Бычковой, Д.О. Добровольского и Анны А. Зализняк). Прежде всего это проблема субъекта, практически не затронутая в европейской прагмалингвистике. Она может рассматриваться как основная для прагматического измерения языка, как это было предложено в (Степанов, 1981). Такое дополнение в свою очередь требует новых уточнений. Последнее время в связи с возросшей ролью компьютерных технологий в лингвистике и в других гуманитарных науках отмечается переход от антропоцентрической парадигмы (говорящий индивид как основной объект изучения) к датацентризму (в фокусе внимания обработка больших данных, отвлеченных от индивидуальных особенностей говоря-

щего). Как при этом меняется «проблема субъекта»? Одной из целей стало обсуждение современного состояния исследований по прагматике во взаимодействии с актуальными и перспективными областями лингвистики. В связи со стремительной цифровизацией языковых данных и распространением новых технологий перед лингвистикой возникают новые задачи, решение которых приводит к формированию ряда междисциплинарных направлений — корпусной прагматики, экспериментальной прагматики, когнитивной прагматики, мультимодальной лингвистики и т. д. По-новому осмысляются и традиционные вопросы лингвопрагматики: оценка, модальность, дейксис, дискурсивные слова, речевые акты и др.

В публикуемых статьях поднимается ряд фундаментальных проблем, связанных с новыми подходами к разграничению лингвистической семантики и прагматики на фоне новых направлений в области прагматических исследований отдельных классов или категорий языковых единиц, а также отдельных языковых явлений. Налицо необходимость создания новых методов изучения прагматической обусловленности или зависимости языковых процессов с привлечением больших массивов данных разных языков благодаря широким техническим возможностям, предоставляемым современной «цифровой» эпохой. Все эти вопросы исследуются на репрезентативных выборках языкового материала, источниками которых являются национальные и авторские корпуса текстов. В статьях представлены результаты исследования языковых средств эпистемической модальности, стратегий и тактик их манипулятивного воздействия на аудиторию и используемых при этом коммуникативных техник. В ходе анализа осуществляется разработка таких ключевых понятий эпистемической прагматики, как «эпистемическая модальность», «эпистемическая гарантия», «эпистемический дефолт», «эпистемическое маневрирование». Детально обсуждаются принципы создания и возможности использования базы данных «Рутикон». Эта база определяется авторами как цифровой инструмент описания рутин — класса формульных фразеологических единиц, представляющих собой реакции на стандартные. Это лишь часть проблематики, затронутой в предлагаемом выпуске.

В связи с большим интересом к тематике число статей превысило допустимый объем номера, вследствие чего редакция вынуждена была перенести ряд статей в следующий. Кроме того, некоторые материалы вышеназванной конференции готовятся к публикации в журнале «Критика и семиотика» (предположительно в первом номере за 2025 год).

С. Т. Золян,
приглашенные соредакторы
В. В. Фещенко,
И. В. Зыкова,
О. В. Соколова

Список литературы

Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, №4. С. 325–326.

Althaus H.P., Henne H. Sozialkompetenz und Sozialperformanz. Thesen zur Sozialkommunikation // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 1971. Bd. 38, №1. S. 1–15.

Leech G.N. Principles of pragmatics. L., 1983.

Marmaridou S. Pragmalinguistics and sociopragmatics // Foundations of pragmatics / ed. by W. Bublitz, N.R. Norrick. Berlin ; N. Y., 2011. P. 77–106. <https://doi.org/10.1515/9783110214260.77>.

New frontiers in Pragmalinguistic Studies / ed. by A. Capone, R. Graci, P. Perconti. Cham. 2024. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-65502-9>.

Pragmalinguistics: Theory and practice / ed. by J.L. Mey. The Hague, 1979.

Prucha J. Pragmalinguistics. East European approaches of pragmalinguistics. Amsterdam ; Philadelphia, 1983. <https://doi.org/10.1075/pb.iv.5>.

FROM THE EDITORS

The term *pragmalinguistics*¹ has been widely used and has a relatively long-standing tradition, already its interpretation remains quite diverse. According to the Oxford Dictionary, the term first appeared in *Althaus & Henne (1971)*, where the authors, considering various aspects of language realization through socially significant actions and communication, proposed distinguishing three new branches in linguistics: psycholinguistics, sociolinguistics, and pragmalinguistics. Their approach was based on Chomsky's distinction between competence and performance. Paradoxically, however, they did not refer to the research already developing intensively in light of speech act theory and implicature, nor did they mention Charles Morris's seminal article.

As is often the case, the subsequent development of pragmalinguistics took a trajectory radically different from what its originators had envisioned. In semiotics, the concept of pragmatics emerged as a distinct aspect of semiosis, forming a separate branch of semiotic research. In linguistics, the focus on language as a system implied that its primary object of study was syntax – the relationships between signs within the system – rather than the interaction between the subject and the sign system. In the philosophy of language, the vast potential of pragmatics was revealed in Ludwig Wittgenstein's later works. Although he did not use the term *pragmatics* in Morris's sense, his approach to meaning as use laid the foundation for the development of speech act and performativity theories. Yet even in this context, the role of linguistics remained unclear: the traditional view of language as a system was poorly aligned with its description as an instrument for performing extralinguistic – social – functions.

At the same time, theories developed within the philosophy of language and logical analysis of language – such as speech act theory, performativity, implicature, and pragmatic presuppositions – called for an analysis of the linguistic forms through which they are realized. A significant milestone in this regard was *Leech (1983)*, which introduced a distinction between pragmalinguistics and sociopragmatics. Pragmalinguistics was thought to be grammar-oriented, studying the linguistic resources available for conveying pragmatic meaning, whereas sociopragmatics was sociology-oriented, linking pragmatic meaning to interlocutor hierarchies, social rules and norms, discourse practices, and acceptable communicative behavior (Marmaridou, 2011).

However, despite its apparent clarity, this methodological distinction has proven difficult to maintain. Moreover, it has become evident that narrowing the scope of pragmalinguistics is nearly impossible: it actively incorporates methods and findings from rhetoric, stylistics, text theory, and discourse analysis. Pragmalinguistics gains particular relevance in studies on

¹ In Russian linguistics and related scholarly traditions, the term 'linguapragmatics' is also used.

language functioning in communicative contexts, allowing for the resolution of pressing issues in mass communication, public relations, media studies, speech etiquette, and critical discourse analysis.

Since the 1970s, several key monographs have shaped the field. Notably, *Pragmalinguistics* (1979), which remains relevant and was reissued in 2017, and *Prucha* (1983), which provided crucial insights into the development of pragmalinguistics in socialist countries. More recently, new challenges have emerged, as reflected in the collective monograph *New Frontiers...* (2024), published in the prestigious *Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology* series by Springer. This underscores the ongoing relevance and diversity of modern pragmalinguistics.

In this context, the current issue of *Slovo.ru: Baltic accent* continues the global discussion on pragmalinguistics. It focuses on a key point: the synthesis of the pragmatic approach to language as activity and the linguistic tools for describing the systematic nature of its manifestations. The articles presented in this issue no longer directly engage with the philosophy of language or speech act theory – i.e., with pragmatics in its strictest sense – but rather extend and enrich these frameworks with new methodologies. This issue, therefore, represents a synthesis of two fundamental perspectives on language: as goal-oriented activity and as a structured system. However, this volume also presents a unique perspective on this field of research. The topics were discussed at the conference *Language – Discourse – Corpus: In Search of Pragmatics*, held at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences on September 6–7, 2024. Some of the conference papers are included in this volume, featuring contributions by V.Z. Demyankov, T.E. Yanko, I.A. Sharonova, E.V. Rakhilina and co-authors, S.M. Gyulasaryan and P.A. Bychkova, D.O. Dobrovolskij and Anna A. Zalizniak.

One of the key themes explored is the problem of the subject, which remains largely unaddressed in European pragmalinguistics. It can be considered fundamental to the pragmatic dimension of language, as proposed in Stepanov (1981), and its inclusion necessitates further refinements. Recently, with the increasing role of computational technologies in linguistics and the humanities, there has been a shift from an anthropocentric paradigm (where the speaker is the primary object of study) to a data-centric approach (focused on processing large datasets independent of the speaker's individual characteristics). This raises important questions: How does this transformation affect the 'problem of the subject'? How can contemporary pragmatic research engage with emerging and future linguistic fields?

With the rapid digitization of linguistic data and the proliferation of new technologies, linguistics faces new challenges, leading to the formation of interdisciplinary fields such as corpus pragmatics, experimental pragmatics, cognitive pragmatics, and multimodal linguistics. Traditional topics in linguistic pragmatics – evaluation, modality, deixis, discourse markers, and speech acts – are being reconsidered in this new light. The articles in this issue address several fundamental questions, including novel approaches to distinguishing linguistic semantics from pragmatics and emerging directions in pragmatic studies of specific linguistic categories and phenomena. The

need for new methodologies to examine the pragmatic conditioning of linguistic processes is evident, particularly with the vast amounts of multilingual data now available through modern digital resources. These studies are conducted using representative linguistic corpora, including national and author-specific text corpora. The contributions explore epistemic modality, strategies and tactics of manipulative influence on audiences, and the communicative techniques employed in these processes. The analysis also develops key concepts in epistemic pragmatics, such as epistemic modality, epistemic warrants, epistemic default, and epistemic maneuvering. A detailed discussion is dedicated to the design and application of the *Routicon* database – a digital tool for describing ‘routines’, a class of formulaic phraseological units that serve as standardized responses.

These articles represent only a fraction of the themes covered in this issue. Due to significant interest in the subject, the number of submissions exceeded the permissible volume, leading the editorial board to move several articles to the next issue of the journal. Additionally, some materials from the aforementioned conference are being prepared for publication in *Kritika i Semiotics*, scheduled for the first issue of 2025.

Suren T. Zolyan

Guest editors:

Vladimir V. Feshchenko

Irina V. Zykhova

Olga V. Sokolova

References

- Althaus, H.P. and Henne, H., 1971. Sozialkompetenz und Sozialperformanz. Thesen zur Sozialkommunikation. *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, Bd. 38 (1), S. 1–15.
- Capone, A., Graci, R. and Perconti, P., eds., 2024. *New frontiers in Pragmalinguistic Studies*. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-65502-9>.
- Leech, G.N., 1983. *Principles of pragmatics*. London.
- Marmaridou, S., 2011. Pragmalinguistics and sociopragmatics. In: W. Bublitz and N.R. Norrick, eds. *Foundations of pragmatics*. Berlin; New York, pp. 77–106, <https://doi.org/10.1515/9783110214260.77>.
- Mey, J.L., ed., 1979. *Pragmalinguistics: Theory and practice*. The Hague.
- Prucha, J., 1983. *Pragmalinguistics. East European approaches of pragmalinguistics*. Amsterdam; Philadelphia, <https://doi.org/10.1075/pb.iv.5>.
- Stepanov, Yu.S., 1981. In search of pragmatics (the problem of the subject). *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series], 40 (4), pp. 325–326 (in Russ.).

ПРАГМАТИКА ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ РЕАЛЬНОГО, ВОЗМОЖНОГО И ВЕРОЯТНОГО В ДИСКУРСЕ

В. З. Демьянков

Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 09.10.2024 г.
Принята к публикации 15.01.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-1

Лингвистическая прагматика — раздел языкознания, исследующий языковые единицы под углом зрения их употребления. А прагматика конкретного языка — прагматические средства, не только меняющие мир, но и сами модифицирующиеся по ходу дискурса. «Прагматический поворот» 1970-х годов в лингвистике проявился как резко возросший интерес к употреблению языка как к действию, при котором слова приобретают свой актуальный смысл, часто небуквальный и радикально отличный от внеконтекстного словарного значения. Исследование вклада, который делают языковые средства эпистемической модальности в значение дискурса, представляет предмет эпистемической прагматики и имеет большой прикладной потенциал. В статье рассматриваются линии разграничения лингвистической семантики и прагматики, а также направления исследований в области эпистемической прагматики, включая употребление эпистемических модальностей в тексте. Особую роль играют стратегии и тактики манипулятивного воздействия на аудиторию при подаче эпистемических гарантий, сказывающиеся на эпистемической кредитной истории коммуникантов и иногда приводящие к эпистемическому же дефолту. Анализируются некоторые коммуникативные техники, используемые при этом: апелляция к гаранту истины и достоверности (авторитету), когнитивно-коммуникативное маневрирование (лавирование при сверхгибкой подаче мнения), тумблерные слова в текстах СМИ и др.

Ключевые слова: прагматика vs. семантика, прагматизм, семантика возможных миров, эпистемическая модальность, эпистемическая гарантия, эпистемический дефолт, эпистемическое маневрирование, тумблерное слово

1. Прагматика утраченная и ожидаемая

Название недавно с большим успехом прошедшей конференции «В поисках прагматики» содержит презумпцию, что у нас нет в руках предмета с именем *прагматика*. Еще нет (ожидаемая прагматика) или уже нет (утраченная прагматика).

Но это первая интерпретация, с которой конкурирует другая, оптимистичная: прагматика есть, она бродит среди нас, но под другим именем или без имени вовсе, и наша задача — снять с нее шапку-невидимку и/или определить, какой из знакомых предметов иногда или обычно называется прагматикой. Или мог бы так называться, но не хочет.

Типовой подход в прагматике состоит в том, чтобы выявить спектр реальных значений языкового выражения, установив, как слова обычно и/или всегда употребляются в конкретных контекстах и как они никогда не употребляются. А на основании полученных данных выяснить актуальный смысл слов в конкретном месте текста. То есть мы имеем дело с герменевтической процедурой прояснения смысла текста. Эта же процедура приложима и к выяснению смысла термина *прагматика*.

В поисках же «правильного» предмета и/или имени для него идут разными путями:

— ищут среди кандидатов предмет с данным или схожим именем, устанавливая по иным признакам, а уж не искомый ли это предмет; так по дизайну обложки упорно ищут в шкафу книгу, спокойно лежащую на столе;

— создают новый предмет на свой страх и риск и называют его данным именем, не боясь того, что «правильный» предмет когда-нибудь в жизни столкнется с тезкой.

Идентифицируя прагматику, философы языка испробовали оба пути, и литература по этому вопросу обширна.

Идя первым путем, при случае не забывают напоминать, что в обыденной речи, за пределами лингвистики, *прагматичность* ассоциируется с философским направлением «прагматизм», или «прагматицизм», основанным Ч. С. Пирсом. Сам английский термин *pragmatics* в значении «раздел науки» создал Ч. У. Моррис, последователь этого течения, со значением «область прагматических научных изысканий» (“Morris coined the term *pragmatics* with explicit reference to pragmatism or pragmatism, the current of American philosophy that started with Peirce and in which Morris was working”) (Nerlich, Clarke, 1996, p. 5). Задолго до XX века *pragmatic(al)* встречаем в английских текстах, как и *pragmatisch* в немецких и *pragmatique* во французских. Они намекают на *pragmatique sanction*, правило престолонаследия в Священной римской империи: когда совсем нет наследников мужского пола, можно-таки короновать женщину. Т. Карлейль (1795—1881) обронил слово *pragmatics* как переводной эквивалент немецкого *Pragmatik*, пересказывая Р. Уолпола (премьер-министра Великобритании, жившего в 1676—1745 годах): «Какое нам дело до кайзера и его немецких луж? — спрашивает Уолпол. — Если избавить Пруссию от него, кайзер, вероятно, успокоится и оставит мир и нас свободными от его прагматики, санкций и владений» (“Why bother with the Kaiser and his German puddles? asks Walpole: Once detach Prussia from him, the Kaiser will perhaps sit still, and leave the world and us free of his *Pragmatics* and his *Sanctions* and *Apanages*” (Thomas Carlyle. History of Friedrich II. of Prussia. Vol. 2, book 7) (Carlyle, 1859, p. 142)).

Прозрачна эта линия истолкования прагматики как смиренной вынужденности, в частности, у И. Канта. В работе «Антропология в прагматическом отношении» читаем: «Систематически составленное учение о познании человека (антропология) может быть таковым в физиологическом или в прагматическом отношении. — Физиологическое человекопознание направлено на изучение того, что природа делает из

человека, прагматическое — на то, что он, как свободно действующее существо, делает из самого себя или может и должен делать» (“Eine Lehre von der Kenntniß des Menschen, systematisch abgefaßt (Anthropologie), kann es entweder in physiologischer oder in pragmatischer Hinsicht sein. — Die physiologische Menschenkenntniß geht auf die Erforschung dessen, was die Natur aus dem Menschen macht, die pragmatische auf das, was er als freihandelndes Wesen aus sich selber macht, oder machen kann und soll” (Immanuel Kant. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. 1798)) (Кант, 2024, с. 162). Редкое в то время немецкое существительное *Pragmatik* следует толковать с семей «вынужденность», например: *Im Verlauf der Darstellung haben wir gezeigt, wie die phantastische, salbungsvolle, weichherzige Mystik des Redners in die Hartherzigkeit einer kleinlich-pfiffigen Verstandespragmatik und in die Borniertheit eines ideenlosen Erfahrungskalküls umschlägt* («В ходе изложения мы показали, как фантастический, елейный, мягкотелый мистицизм оратора переходит в жестокосердную мелочную **прагматику разума** и ограниченность безыдейного расчета, основанного на опыте» (Karl Marx. Debatten über Preßfreiheit und Publikation der Landständischen Verhandlungen. 1842) (Marx, 1981, S. 55)).

Сегодня под *прагматикой* как разделом семиотики и лингвистики понимается нечто лишь этимологически близкое к именованию философского течения. «Прагматистический» метод состоит в сопоставлении между собой практических следствий разных решений одной и той же задачи далекой от практики (“The pragmatic method is primarily a method of setting metaphysical disputes that otherwise might be indeterminate” (James, 1907, p. 45)). Он требует проследить, что и для кого вытекало бы из каждого решения, если бы правильным был один подход, а не другой. Когда не видно никакой практической разницы («по барабану», как сказал бы тонкий ценитель музыки), такие споры, по мнению «прагматистов», беспредметны. А тот, для кого разногласия принципиальны, пусть покажет разницу для практики (“to try to interpret each notion by tracing its respective practical consequences. What difference would it practically make to any one if this notion rather than that notion were true? If no practical difference whatever can be traced, then the alternatives mean practically the same thing, and all dispute is idle. Whenever a dispute is serious, we ought to be able to show some practical difference that must follow from one side or the other's being right” (Ibid., p. 45–46)).

Ключевая мысль здесь (ср.: Peirce, 1878) такова: «Убеждения — это руководство к действию; <...> чтобы раскрыть смысл идеи, нужно только выявить ее следствия для наших действий: только они значимы» (“beliefs are really rules for action; <...> to develop a thought's meaning, we need only determine what conduct it is fitted to produce: that conduct is for us its sole significance” (James, 1907, p. 46–47)).

Употребление языка при создании текста — тоже действие (ср.: “How to do things with words”, название знаменитой книги (Austin, 1962)). При нем слова «контекстуализируются», приобретают свой актуальный небуквальный смысл, иногда радикально отличный от внеконтекстного «словарного» значения. Такой же перенос совершается и

при интерпретации речи в опоре на слова (Grice, 1975). Прагматика же обслуживает обе задачи, представляя собой средства и для создания текста, и для вычисления небуквальных его смыслов. Чтобы пользоваться языком, мало выучить словарь и грамматические правила, нужно еще овладеть и коммуникативными средствами, прагматикой этого языка, что затрагивает «взаимосвязь языка, ситуации и идентичности, а также форм, процессов и интерпретации действий» (*“Im Rahmen der pragmatischen Wende der 70er Jahre, die im Fremdsprachenunterricht die kommunikative Wende mit sich brachte, wurde der Zusammenhang von Sprache, Situation und Identität sowie von Formen, Abläufen und Interpretationen des Handelns thematisiert”* (Liedke, Knapp-Potthoff, 1997, S. 13)). Надо еще уместным образом начинать высказывание, завершать его, подтверждать или опровергать мнение собеседника и т.д., что не приходит само. В разных культурах эти действия реализуются по-разному. И такой прагматически-прагматистический подход противопоставлен гимназическому освоению самоценных парадигм латинского спряжения и склонения без перспективы сказать пару лично выстраданных латинских фраз Юлию Цезарю.

Итак, если следовать прагматистам, в дискуссии о **значении** термина *прагматика* принципиально важно определить, в чем **предназначение** прагматики. В частности, каковы средства прагматики конкретных языков.

Находя истоки лингвистической прагматики в XVIII веке (Nerlich, Clarke, 1996, p. 6), имеют в виду роли, которые слова играют не как изолированные независимые знаки, а взаимодействуя между собой, в практике использования языка (*“The main interest in analysing words cannot therefore be one of examining words as isolated independent signs and discovering the relations between them but, rather, has to refer to language use and to address the question: What is the role words play in language use?”* (Weigand, 1996, p. 151)). Прагматику интересует, как слова употребляются не сами по себе, а в дискурсе, ср.: *Есть речи — значенье / Темно иль ничтожно, / Но им без волненья / Внимать невозможно* (М. Ю. Лермонтов. «Есть речи — значенье...» 1840).

В ходе прагматического поворота 1970-х годов и позже к прагматике стали обращаться с жалобами на «чистую» семантику, которая те значения, которые сама объяснить не может или не хочет, обзывает «нелингвистикой», «мусорным ведром» языкознания, в лучшем случае — теорией текста, но не языка. К ведению прагматики стали относить учет речевого и невербального контекстов языковых выражений, встраивание языковых единиц в общую окружающую обстановку по ходу и в результате коммуникации (*“Einbettung in die gesamte umgebende Situation, die in der Kommunikation stattfindet”* (Hinrichs, 1989, S. 4)), восхождение от чисто языковых феноменов (языка-системы, сосюрговской *langue*) к психолингвистическим и социолингвистическим вершинам употребления языка (*langage, discours*).

И тогда возникает замкнутый круг: языком называют тот инструмент (абстрактный предмет, структуру которого языковеды выявляют

по проявлениям в тексте), с помощью которого осуществляется коммуникация, а коммуникацией — то, что происходит в результате употребления языка. Этот круг присущ и «функциональному» подходу к языку и коммуникации в сочетании с когнитивистским поворотом 1980-х годов, произошедшим после прагматического. В итоге наблюдаем усиление «психологизирующих» линий объяснения языковых явлений (“ein verstärktes Interesse an psychologischen Erklärungsversuchen von sprachlichen Prozessen” (Kaindl, 1995, S. 16)), составляющих «психологическую реальность» человеческой деятельности.

Важнейшим уточнением понятия прагматики стало включение в ее сферу индивидуального и неповторимого в интерпретации языковых выражений, заключающегося в «присвоении себе языка в момент — и на момент речи» (Степанов, 1985, р. 224). Это вытекает из соотношения языка с говорящим субъектом (*homo loquens*). Подобно инструменту, который в момент употребления становится частью тела и духа человека, язык при таком присвоении расширяет и/или суживает, раскрепощает и/или сужает возможности коммуникантов, а при этом сам принаправляется к особенностям говорящего и его адресата. Иногда кряхтя неуклюжими фразами, позорящими язык как стройную систему.

2. Прагматика вновь обретенная. Эпистемическая прагматика

Если последовать призыву Джеймса в практике описания языка, что же означает этот прагмати(сти)ческий уклон для нашей науки? И чем прагматика отличается от остальных лингвистических дисциплин (в частности, семантики), тоже исследующих языковые значения?

По мнению известного глоссария лингвистической терминологии (Cruse, 2006, р. 136), типовую семантику интересуют те аспекты значения языковых выражений, которые:

- связаны с истинностью или ложностью высказываний,
- видны и без учета контекста,
- конвенциональны, закреплены по молчаливому согласию: значения составных частей выражений заранее заготовлены и хранятся в ку-бышке «ментального лексикона»; а значение целого выражения (в словообразовательной и синтаксической семантике) выводится продук-тивным «композиционным» путем на основе конструкции и значения составных частей. Например, суффикс *-ик* привносит семантику умень-шительности в слово, его содержащее, ср. *домик*, *столик*.

А прагматика представляет собой «перспективу», приводящую к небуквальным, «некомпозиционным», «креативным» значениям цело-го, не выводимым только из значения составных частей (ср.: Mey, 2009, р. 797). «Некомпозиционные» смысловые переходы связаны не столько со свойствами знаков самих по себе, «в вакууме», сколько с закономер-ностями и случайностями употребления людьми слов и предметов, ими обозначаемых. Например, почему *ручка* — не только маленькая ру-ка (это значение вычисляется композиционно, складываясь из значения корня *рук-/руч-* и уменьшительного суффикса), но и инструмент для

письма? Шариковая ножка (но не шариковая нога, без милой уменьшительности) тоже было бы красиво. Потому что рукой человек пишет гораздо чаще, чем ногой? До этого семантике языка нет дела, это выясняет прагматика, которая исследует:

— стилистический выбор фигур речи (метафор, образов и т.п.), обязательно сказывающийся на истинностной оценке; метафоры и художественные образы «истинны» не в том же смысле, что и «реальность»; но понятие «метафорическая истина», часто упоминаемое лингвистами-эмпириками, отрицается некоторыми философами и логиками, ср.: «строго говоря, нет метафорической истины, отличной от обычной истины. Условия, при которых утверждения, содержащие метафорическое выражение, сообщают истину, таковы же, что и обычные условия истинности, но учитывают еще и небуквальное значение самого этого выражения» (“there is strictly speaking no metaphoric truth as distinguished from normal truth. The truth-conditions of statements containing a metaphoric expression are the same as normal truth-conditions, given the nonliteral meaning of that expression itself” (Hintikka, Sandu, 1994, p. 157));

— социопсихологическое окружение коммуникативных («речевых») событий (контекстно-обусловленные предшествующие и последующие высказывания, участники общения, их взаимоотношения, состав знаний, «практические» цели и т.п.); ср.: «Прагматика — раздел лингвистики, который сосредоточивается на использовании языка в социальных контекстах и исследует, как люди создают и понимают значения с помощью языка» (“Pragmatics is a branch of linguistics that focuses on the use of language in social contexts and the ways in which people produce and comprehend meanings through language” (Kecskes, 2014, p. 6)); влияние «прагматизма» очевидно;

— неконвенциональные значения, отличные от семантики буквального и вводимые *ad hoc*, например при игре словами в нарушение норм, когда *видят подвох своими руками*;

— то, как смыслы высказываний используются в деятельности человека с его неповторимыми «личностными» чертами и в реальном «физическом мире», и в «метафорическом мире», который вслед за Лейбницем называют «возможным миром».

Реальный мир (этимологически: мир предметов) в такой терминологии — всего лишь один из многих «возможных» миров, зато «самый лучший из всех возможных миров» (Вольтер). Такое словоупотребление, правда, расходится с бытовым значением лексической единицы *возможный*: если в ответ на вопрос «Вы умеете плавать?» сказать «Возможно», значит, не умеете или — какой конфуз! — не пробовали. Такая отговорка просто дипломатичнее и вежливее, чем прямолинейное наотмашь «Нет». Фраза *Я вас люблю любовью брата / И, может быть, еще нежней* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин. 1833) еще и поэтому смутила Татьяну.

Типовые предметы прагматики, судя по большому количеству публикаций, — вежливость, референция и дейксис, имплицатуры и рече-

вые акты, зависящие от контекста употребления языка и изучаемые на фоне человеческих коммуникативных намерений (Cruse, 2006, p. 136). Эти же средства прагматики конкретных языков очерчивают и контуры лингвистической прагматики как раздела теоретического языкознания.

Исследователи «логики естественного языка» (напр., Ransom, 1986, p. 29), особенно логики возможных миров, разграничивают пропозициональное содержание предложения (событие, положение дел и т.п., о которых в предложении говорится) и пропозициональную модальность сообщения: как истина, данная от Бога, как частное мнение о возможности или вероятности, как очевидное, пусть и не доказанное всеобщее мнение и т.п. Различают (там же) эпистемическую модальность — высказывание в опоре на мнения и предположения — и информирующую модальность, привязанную к реальному положению дел и лежащую вне мнений и сомнений.

Потребительское отношение «прагматистов» к истине (см. выше) сказывается на той точности, с которой какой-нибудь «ученый малый, но педант», как Евгений Онегин с его «может быть», требует констатировать факты. Разной бывает обязательность говорить правду и только правду, и уместность простодушного правдолюбия. Так, далеко не всем понятно, какая разница, что Великая французская революция случилась в 1789 году, а не в 1790-м. Но законно гордятся знанием бесполезных «точностей», щепетильной прецизионностью «Знатоков». В разговоре о возрасте что для одних — погрешность, для других — откровенная ложь или кокетство. Честолюбивая жажда самоценных знаний противоречит принципу прагматистов, но не их научной практике: тонкие дистинкции Ч. С. Пирса, выдающегося последователя схоластической логики, свидетельствуют об этом.

Эпистемическая модальность в типовом случае — «явно выраженная говорящим оценка правдоподобия того или иного положения дел» (“a speaker’s evaluation of the likelihood of a state of affairs, as expressed in language” (Nuyts, 2001, p. xv)). Это выражение (заметим: средствами какого-либо конкретного языка) оценки степени вероятности того, что некоторое гипотетическое положение дел возникнет или событие произойдет, происходит или имело место в возможном мире (“the linguistic expression of) an evaluation of the chances that a certain hypothetical state of affairs under consideration (or some aspect of it) will occur, is occurring, or has occurred in a possible world” (Ibid.)). Говорящий сообщает оценку, пересказывая, интерпретируя, даже шаржируя с заведомыми и нечаянными искажениями, по незнанию или злокозненно. Эпистемическая модальность придает правдоподобие пропозициональному содержанию, делая мир возможным дискурсным топиком пересказа. Эта оценка вероятности основана на «эпистемической шкале, на одном полюсе которой уверенность в том, что данное положение дел имело место, посередине — нейтральное или агностическое мнение об этом положении дел, а на противоположном полюсе — убеждение, что этого не было» (“And this estimation of likelihood is situated on a scale (henceforth called the ‘epistemic scale’) going from certainty that the state of affairs

applies, via a neutral or agnostic stance towards its occurrence, to certainty that it does not apply» (Ibid., p. 21 – 22)). О такой шкале говорят в терминах совпадений «модального мира» с «фактическим» (Declerck, 2011, p. 33).

«Эпистемическими гарантиями» (epistemic warrants, вслед за (Lyons, 1977, p. 809)), называются гарантии реалистичности и достоверности упоминания событий и предметов в тексте.

В качестве *гарантий* выступают:

— эпистемическая модальность — выражения типа *на самом деле, в действительности, возможно, невероятно* и т.п., укрепляющие или подрывающие уверенность в том, что текст портретирует действительность;

— прямое указание источника и адресата информации («кто кому как сказал»); сам факт сообщения в СМИ и звонок из «компетентных» органов способны поставить на когнитивные колени и не самых наивных обывателей.

Гарантом надежности мнения выступает тот «авторитет», которому мнение приписывается, в разной степени обоснованно. На взаимодействии этих показателей в диалоге основано такое «коммуникативно-когнитивное маневрирование» (полужирным шрифтом помечаем гарантирующие выражения):

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составь протокол! А собаку истребить надо. Немец! Она **наверное** бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, **кажись**, генерала Жигалова! — кричит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! **Должно полагать**, перед дождем... Одного только я **не понимаю: как она могла** тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — **Нешто** она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, **должно быть**, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... **известный народ! Знаю вас**, чертей! (А.П. Чехов. Хамелеон. 1884).

Логично, что у плохого хозяина и собака плохая, а у уважаемого — уважаемая и излечивается от бешенства, когда всего лишь подозревают, что она принадлежит генералу. Причем *кажись* (по форме глагол *казаться* в повелительном наклонении) эпистемически посильнее, чем *оказывается*, а об обоснованном сомнении (*нешто*) говорят как о том, что не поддается пониманию. Высокую, почти максимальную несомненность излучает *должно быть* в сочетании с хамоватой уверенностью *знаю вас*. А *наверное* употребляется архаично в значении «несомненно».

Степень надежности высказываний указывается в тексте прямо и/или вычисляется на основе статуса авторитета. Наиболее «надеж-

ный» авторитет для говорящего — сам говорящий, присваивающий себе на момент речи и язык (его «дектику», по Ю.С. Степанову), и право судить обо всем, что на этом языке можно сказать, определяя, кто прав и кто вряд ли прав. Здесь играет роль семиотика высоты: чем выше авторитет, тем он надежнее, ср. «Мне сверху видно все, ты так и знай!» и «Я начальник, ты дурак».

Узуальность, уместность и действенность (манипулятивность) этих двух классов языковых средств в тексте регулируются стандартами культур дискурса: русских, английских, французских...

Различные такие средства в рамках одного высказывания могут сочетаться между собой, парадоксальным образом отрицая или дублируя друг друга (Демьянков, 2022а).

Так, в большом английском корпусе литературных текстов очень часты сочетания модальных глаголов *can* и *may* с *possibly* / *possible*. Лидируют формы сослагательного наклонения (они же — прошедшего времени), чаще всего *could* без отрицания (8698 примеров), напр.: *It was the most impressive scene one could possibly imagine* букв. «Это была самая впечатляющая сцена, которую **можно было бы возможно** (то есть вполне можно было бы) себе представить» (G.F. Knight. "Brother Bosch": an Airman's Escape from Germany. 1919).

На втором месте *could possibly* / *possible* с отрицанием (6692): *Do you ever seem to remember things that you could not possibly remember?* букв. «Кажется ли вам, что вы когда-нибудь вспоминаете вещи, которые вы **не могли бы возможно** (то есть никак не могли бы) вспомнить?» (H. Lawson. The Rising of the Court. 1910).

И далее (опуская примеры, они даны в вышеуказанной работе): *might possibly* (4130) > *can possibly* (4111) > *may possibly* (3385) > *can* с отрицанием + *possibly* (1391), в следующих вариантах: *can't possibly* (1275); *can not possibly* (116) > *might* с отрицанием + *possibly* (34), в вариантах: *might not possibly* (33); *mightn't possibly* (1) > *may not possibly* (29).

С *impossibly* / *impossible* всего около 30 примеров.

В немецком тексте такое бывает, но реже (Демьянков, 2022б), напр.: *So ein Frauenzimmer kann unmöglich erkennen, was zum Glücke dient* «Такая женщина не может (букв. **может невозможно**) распознать, что приносит счастье» (K. May. Deutsche Herzen, deutsche Helden. 1885—1888).

3. Гаранты и гарантии

Итак, с помощью языковых средств эпистемической модальности дают *гарантию* (надежную или зыбкую), что на то или иное мнение можно положиться. *Гарантом* же надежности мнения выступает носитель этого мнения, тот «авторитет», которому мнение приписывается, по-разному обоснованно, порой спорно. Ср.:

Бобчинский. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э!» — сказали мы с Петром Ивановичем (Н.В. Гоголь. Ревизор. 1836).

Само же мнение, пусть даже «собственноручно высказанное» авторитетом, русская поговорка про старуху и ее неожиданную проруху настойчиво рекомендует проверять. Имеется в виду не только справедливость пропозиционального содержания высказывания, но и аутентичность речи, авторства ее.

Не объявляя свое собственное мнение истиной в последней инстанции и скромно предъявляя всего лишь эпистемические гарантии (напр., *Солнце, как мне кажется, вращается вокруг Земли*), поступают осторожнее, чем выкладывая на стол голую истину во всей ее по-минималистски информирующей простоте (*Солнце вращается вокруг Земли*). Ср.: «Но само наличие в высказывании слов *должен, обязательно, безусловно* и т.д. — свидетельство зависимости того, что мы считаем несомненным, от того, что мы (иногда недостаточно хорошо) знаем. Ведь категоричное утверждение — эпистемически самое сильное» («“But the very fact of introducing *must, necessarily, certainly, etc.*, into the utterance has the effect of making our commitment to the factuality of the proposition explicitly dependent upon our perhaps limited knowledge. There is no epistemically stronger statement than a categorical assertion” (Lyons, 1977, p. 808–809)).

Итак, за одни высказывания ручаются больше, подчеркивая их реальность и непременность, чем за другие (ср. *возможно*), и не столько опровергают пропозициональные содержания сами по себе, сколько низводят с пьедестала авторитеты, выставляя на всеобщее обозрение их подмоченную «кредитную репутацию».

Так, следующий заголовок в СМИ указывает на источник информации как на гаранта: «В ФИФА высказались о возможности участия сборной РФ в следующем ЧМ». Этот заголовок наиболее естественно истолковать как утверждение, что участие в ЧМ возможно: *высказался о* легко спутать со словосочетанием *высказался, что*. Но далее в том же тексте читаем, что это участие только возможно, но не обязательно: «Президент Международной федерации футбола (ФИФА) Джанни Инфантино не исключил возможности участия сборной РФ в следующем чемпионате мира по футболу. Об этом пишет РИА «Новости»¹. Да, самым авторитетным гарантом является тот, от кого зависит разрешение участвовать в указанном событии. Но действенность этой гарантии ограничена тем, что адресат имеет право сомневаться в корректности передачи слов авторитета.

Иногда по ходу изложения гарантия истинности аннулируется, ср. заголовок заметки: «Шольц принял решение по ударам ВСУ вглубь России»². Этот заголовок при первом прочтении толкуется так: Шольц решил, что удары ВСУ вглубь России следует разрешить. Однако по-

¹ Родин И. В ФИФА высказались о возможности участия сборной РФ в следующем ЧМ (21 сентября 2023, 20:23). URL: https://sport.rambler.ru/football/51461439/?utm_content=sport_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 08.10.2024).

² Бородкин Н. Шольц принял решение по ударам ВСУ вглубь России (04 декабря 2024, 15:28). URL: https://news.rambler.ru/world/53855214/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 08.10.2024).

следующий текст опровергает такое прочтение: «Германия не разрешит Вооруженным силам Украины (ВСУ) наносить удары дальнобойным оружием вглубь России и не будет поставлять Киеву ракеты *Taurus*. Об этом заявил канцлер ФРГ Олаф Шольц после своего визита на Украину, пишет ТАСС».

Здесь используются «тумблерные» слов — существительные типа *решение о/по* (означают и «решение за», и «решение против») и *позиция о/по* (то есть «позиция за» и «позиция против»), глаголы *высказаться о/по* (в значении «высказаться за» и «высказаться против»), при которых суждение в разных умах получает диаметрально противоположные толкования. Например, такой заголовок: «Ле Пен **высказалась об** отправке войск на Украину», после чего читаем: «Премьер от *Национального объединения* не допустит отправки войск на Украину. Лидер парламентской фракции *Национального объединения* Марин Ле Пен заявила, что в случае победы на выборах премьер-министр от ее правой оппозиционной партии заблокирует отправку французских войск на Украину» (курсив мой)³. *Высказалась о* невнимательный читатель понимает как *высказалась за*, что приводит к мимолетной панике, и лишь аккуратное и терпеливое прочтение восстанавливает баланс между сообщением и ожиданиями аудитории.

Тумблерные слова подобны минам: незаметно внедренное ими мнение взрывается не сразу, а лишь позже, уже став убеждением. Этой уверенности объявляют эпистемический дефолт со следующим оправданием: «Никто ничего подобного не говорил; все это ваша интерпретация наваяла». Обнаруживая таких «жучков», естественно сделать вывод о ненадежности автора, незаметно их вживившего в текст.

Неподтвержденное эпистемическое ручательство бывает нелегко вычистить из памяти: «ложки найдутся, а осадочек останется», и Шольц и Ле Пен запомнятся как принявшие «решения за».

По тому, как о возможном и действительном говорят в быту, в публичных выступлениях, в художественных произведениях и т.д., можно сделать выводы о *прагматической* культуре *прагматичных* создателей текстов, о том, как поощряются и/или компрометируются в этой культуре мнения лиц «иной идентичности» (ср.: Scheller-Boltz, 2017, p. 13). Отдельный практический интерес представляют тактики выхода из неловкой ситуации, когда пропозициональное содержание, истина которого подпирается самыми сильными гарантиями, вдруг опровергается при появлении еще более сильных гарантий.

Прикладное значение анатомии и физиологии эпистемических гарантий — в том, чтобы создавать тексты, обладающие заданными параметрами воздействия на адресатов, и средства личной «когнитивной гигиены» для интерпретаторов как желанных жертв манипуляции.

³ Премьер от «Национального объединения» не допустит отправки войск на Украину (ТАСС, 05 июля 2024, 16:46). URL: https://news.rambler.ru/world/53041152/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 08.10.2024).

4. Заключение

Итак, лингвистическая прагматика — та область языкознания, в которой анализируется употребление языковых единиц под углом зрения их употребления, «узуса». Прагматика языка — набор средств конкретного языка, значения которых и сами модифицируются по ходу реального и возможного употребления.

Степень эпистемической надежности высказываний называется в тексте прямо, в виде эпистемической модальности, и/или вычисляется, исходя из репутации гаранта. Наиболее «надежный» авторитет для говорящего — сам говорящий, он присваивает себе в момент речи и язык, и право судить обо всем, что на этом языке можно сказать.

По эпистемическим гарантиям, как по мерной линейке, человек сверяет свои слова с реальными и возможными мирами, со своими и с чужими предположениями. Тем ограничивая свое собственное право судить о них и выяснять истину на основании чужих мнений. Эпистемическая модальность высказывания представляет точку на шкале эпистемической надежности, «вычисляемую» на основании кредитной истории автора, которому мнение приписывается в той или иной степени достоверно.

«Эпистемические гарантии» являются предметом теоретической и эмпирической прагматики. А создание систем искусственного интеллекта, способных приводить убедительные объяснения, подбирая весомые гарантии и минимизируя самые невинные сообщения с помощью «тумблерных слов», можно отнести к области прикладной прагматики. Подбор, ранжирование и верификация гарантий таким системам по плечу.

Список литературы

Демьянков В.З. Семантическая редупликация в высказываниях о возможном // Когнитивные исследования языка. 2022а. Вып. 4 (51). С. 39—43.

Демьянков В.З. Категории вероятности и возможности в креативном употреблении языка: невозможная возможность в немецком тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022б. Т. 13, №3. С. 589—607. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-589-607>.

Кант И. Антропология в прагматическом отношении // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах / под ред. Н.А. Дмитриевой (отв. ред.), А.Г. Жаворонкова, А.Н. Круглова, В.А. Чалого. Калининград, 2024. Т. 1 : Сочинения по антропологии. С. 162—396.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

Austin J.L. How to do things with words: (The William James lectures delivered at Harvard University). Oxford, 1962.

Carlyle Th. History of Friedrich II. of Prussia : in 4 vols. 3rd ed. L., 1859. Vol. 2.

Cruse A. A Glossary of Semantics and Pragmatics. Edinburgh, 2006.

Declerck R. The definition of epistemic modality // Cognitive approaches to tense, aspect, and epistemic modality / ed. by A. Patard, F. Brisard. Amsterdam ; Philadelphia, 2011. P. 21—44. <https://doi.org/10.1075/hcp.29.05dec>.

Grice P. Logic and conversation // Speech acts / ed. by P. Cole, J.L. Morgan. N.Y., 1975. P. 41–58.

Hinrichs U. Slavistik – Germanistik – Linguistik // Sprechen und hören: Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums, Berlin 1988 / hrsg. von N. Reiter. Tübingen, 1989. S. 3–13.

Hintikka J., Sandu G. Metaphor and other kinds of nonliteral meaning // Aspects of metaphor. Dordrecht, 1994. P. 151–187.

James W. Pragmatism: A new name for some old ways of thinking: Popular lectures on philosophy by William James. N.Y., 1907.

Kaindl K. Die Oper als Textgestalt: Perspektiven einer interdisziplinären Übersetzungswissenschaft. Tübingen, 1995.

Kecskes I. Intercultural Pragmatics. Oxford, 2014.

Liedke M., Knapp-Potthoff A. Einleitung // Aspekte interkultureller Kommunikationsfähigkeit / hrsg. von A. Knapp-Potthoff, M. Liedke. München, 1997. S. 7–16.

Lyons J. Semantics. Cambridge, 1977.

Marx K. Die Verhandlungen des 6. rheinischen Landtag // Marx K., Engels F. Werke. Berlin, 1981. Bd. 1. S. 28–77.

Mey J.L. Pragmatics: Overview // Concise Encyclopedia of Pragmatics / ed. by J.L. Mey. Amsterdam, 2009. P. 787–797.

Nerlich B., Clarke D. Language, action, and context: The early history of Pragmatics in Europe and America, 1780–1930. Amsterdam ; Philadelphia, 1996.

Nuyts J. Epistemic modality, language, and conceptualization: A cognitive-pragmatic perspective. Amsterdam ; Philadelphia, 2001.

Peirce Ch. S. How to make our ideas clear // Popular Science Monthly. 1878. 12 Jan. P. 286–302.

Ransom E.N. Complementation: Its meanings and forms. Amsterdam ; Philadelphia, 1986.

Scheller-Boltz D. The discourse of gender identity in contemporary Russia: An introduction with a case study in Russian Gender Linguistics. Hildesheim ; Zürich ; N. Y., 2017.

Weigand E. Words and their role in language use // Lexical structures and language use: Proceedings of the International Conference on Lexicology and Lexical Semantics. Münster, September 13–15, 1994 / ed. by E. Weigand, F. Hundsnurscher. Tübingen, 1996. P. 151–167.

Об авторе

Валерий Закиевич Демьянков, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-9331-3708

E-mail: vdemiank@mail.ru

Для цитирования:

Демьянков В. З. Прагматика эпистемических гарантий реального, возможного и вероятного в дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №2. С. 13–27. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-1.

PRAGMATICS OF EPISTEMIC WARRANTS OF THE REAL, THE POSSIBLE AND THE PROBABLE IN DISCOURSE

Valery Z. Demyankov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 Bolshoy Koslovskiy Per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on 09.10.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-1

The 'pragmatics of language' is a set of pragmatic means of a particular language, the meanings of which not only change the world, but also themselves change in the framework of discourse. At the same time, 'linguistic pragmatics' is a branch of linguistics that examines linguistic units from the point of view of their use. The 'pragmatic turn' of the 1970s in linguistics meant an interest in using language as an action in which words acquire their actual meanings, sometimes radically different from their non – contextual dictionary meanings. The study of the contribution that linguistic means of epistemic modality make to the meaning of discourse is a subject of epistemic pragmatics and has great applied potential. The article examines the lines of demarcation between linguistic semantics and pragmatics, as well as research directions in the field of epistemic pragmatics, including the use of epistemic modalities in the text. Strategies and tactics of manipulative influence on the audience play a crucial role in the presentation of epistemic warrants – guarantees that shape the epistemic credit history of communicants and may sometimes result in epistemic default. Some communicative techniques used in this process are analyzed: appeal to the guarantor of truth and reliability (authority), cognitive and communicative maneuvering, toggle words in media texts, etc.

Keywords: pragmatics vs. semantics, pragmaticism, possible – world semantics, epistemic modality, epistemic warrant, epistemic default, epistemic maneuvering, toggle word

References

- Austin, J. L., 1962. *How to do things with words: (The William James lectures delivered at Harvard University)*. Oxford.
- Carlyle, Th., 1859. *History of Friedrich II of Prussia: in 4 vols.* 3rd ed. Vol. 2. London.
- Cruse, A. A., 2006. *Glossary of Semantics and Pragmatics*. Edinburgh.
- Declerck, R., 2011. The definition of epistemic modality. In: A. Patard and F. Brissard, eds. *Cognitive Approaches to Tense, Aspect, and Epistemic Modality*. Amsterdam; Philadelphia, pp. 21 – 44, <https://doi.org/10.1075/hcp.29.05dec>.
- Demyankov, V. Z., 2022a. Semantic reduplication in statements about the possible. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 4 (51), pp. 39 – 43 (in Russ.).
- Demyankov, V. Z., 2022b. 'Probability' and 'Possibility' in Creative Language Use: on Impossible Possibility in German Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (3), pp. 589 – 607, <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-589-607> (in Russ.).
- Grice, P., 1975. Logic and conversation. In: P. Cole and J. L. Morgan, eds. *Speech acts*. New York, pp. 41 – 58.
- Hinrichs, U., 1989. Slawistik – Germanistik – Linguistik. In: N. Reiter, ed. *Sprechen und Hören: Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums, Berlin 1988*. Tübingen, pp. 3 – 13.

Hintikka, J. and Sandu, G., 1994. Metaphor and other kinds of nonliteral meaning. In: J. Hintikka, ed. *Aspects of metaphor*. Dordrecht, pp. 151–187.

James, W., 1907. *Pragmatism: A new name for some old ways of thinking: Popular lectures on philosophy by William James*. New York.

Kaindl, K., 1995. *Die Oper als Textgestalt: Perspektiven einer interdisziplinären Übersetzungswissenschaft*. Tübingen.

Kant, I., 2024. Anthropology in a pragmatic sense. In: N. A. Dmitrieva, A. G. Zavoronkov, A. N. Kruglov and V. A. Chaly, eds. *Sochineniya po antropologii, filosofii politiki i filosofii religii v trekh tomakh. T. 1: Sochineniya po antropologii* [Essays on anthropology, philosophy of Politics and philosophy of religion in three volumes. Vol. 1: Essays on Anthropology]. Kaliningrad, pp. 162–396 (in Russ.).

Kecskes, I., 2014. *Intercultural Pragmatics*. Oxford.

Liedke, M. and Knapp-Potthoff, A., 1997. Einleitung. In: A. Knapp-Potthoff and M. Liedke, eds. *Aspekte interkultureller Kommunikationsfähigkeit*. München, pp. 7–16.

Lyons, J., 1977. *Semantics*. Cambridge.

Marx, K., 1981. Die Verhandlungen des 6. rheinischen Landtag. In: K. Marx and F. Engels, eds. *Werke*. Bd. 1. Berlin. S. 28–77.

Mey, J. L., 2009. Pragmatics: Overview. In: J. L. Mey, ed. *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Amsterdam, pp. 787–797.

Nerlich, B. and Clarke, D., 1996. *Language, Action, And Context: The Early History of Pragmatics In Europe And America, 1780 – 1930*. Amsterdam; Philadelphia.

Nuyts, J., 2001. *Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: a Cognitive – Pragmatic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia.

Peirce, Ch. S., 1878. How to make our ideas clear. *Popular Science Monthly*, 12 Jan., pp. 286–302.

Ransom, E. N., 1986. *Complementation: Its meanings and forms*. Amsterdam; Philadelphia.

Scheller-Boltz, D., 2017. *The Discourse of Gender Identity in Contemporary Russia: an Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics*. Hildesheim; Zürich; N. Y.

Stepanov, Yu. S., 1985. *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow (in Russ.).

Weigand, E., 1996. Words and their role in language use. In: E. Weigand and F. Hundsnurscher, eds. *Lexical structures and language use: Proceedings of the International Conference on lexicology and lexical semantics, Münster, September 13 – 15, 1994*. Tübingen, pp. 151–167.

The author

Prof. Valery Z. Demyankov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-9331-3708

E-mail: vdemiank@mail.ru

To cite this article:

Demyankov V. Z., 2025, Pragmatics of epistemic warrants of the real, the possible and the probable in discourse, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 2, pp. 13–27. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-1.

ПРАГМАТИКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: БАЗА ДАННЫХ «РУТИНИКОН»

Е. В. Рахилина^{1, 2}, С. М. Гюласарян^{2, 4}, П. А. Бычкова³

¹ Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 109028, Москва, Покровский бульвар, 11

³ Университет Любляны,
Словения, 1000, Ljubljana, Конгресни трг, 12

⁴ Университет Ка' Фоскари,
Италия, 30123, Дорсодуро, 3246

Поступила в редакцию 09.09.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-2

Настоящая работа посвящена базе данных «Рутиникон» как цифровому инструменту описания рутин — особого класса формульных фразеологических единиц, которые представляют собой реакции на стандартные экстралингвистические ситуации или комментарии к ним. Например, формула Кого я вижу! — это реакция на ситуацию неожиданной встречи, а Кто там? — стандартная формула-реакция на стук в дверь. Сбор, классификация и исследование единиц такого рода представляет несомненный интерес как с точки зрения теории дискурса и прагматики, так и с точки зрения практики освоения живого разговорного русского языка инофонами. «Рутиникон» является естественным продолжением проектов «Русский Конструктик» и «Прагматикон», заимствуя у проектов-предшественников некоторые принципы сбора и работы с данными. При этом в «Рутиниконе» собраны фразеологические единицы другого типа, нежели в этих базах, и для их описания требуется принципиально иная структура разметки. Рассмотрены принципы и особенности этой разметки, а также ее потенциал для внутриязыковой классификации рутин русского языка и применимость к соответствующему материалу других языков — в перспективе последующих типологических исследований. Для иллюстрации привлечены примеры из собранного авторами материала итальянского языка.

Ключевые слова: прагматика, конструкции, рутины, база данных, русский язык, итальянский язык

1. Введение

Настоящая работа посвящена рутинам как особому типу устойчивых сочетаний. Под рутинами подразумеваются стандартные вербальные реакции на конкретную внеязыковую ситуацию или комментарии к ней. Термин *conversational routines* восходит к работам, в которых рассматриваются в основном выражения, употребляющиеся в рамках определенных социокультурных сценариев (ср. прежде всего: Rasmus Rask..., 1981; Aijmer, 2014). В первую очередь к ним относятся формулы речевого этикета — приветствия, извинения, реакции на подарок или комплимент и др. Наш опыт работы с материалом показывает, что формулы речевого этикета укладываются в более широкий класс, который

можно определить как множество устойчивых языковых выражений формульного типа, реагирующих на стандартные экстралингвистические ситуации. Действительно, приветствия, извинения или комплименты являются реакциями на такие ситуации, как встреча, неловкое действие говорящего по отношению к контрагенту ('наступил на ногу') или чувство восхищения собеседником, однако к ним тесно примыкают и такие формулы, которые выходят за рамки зоны вежливости. Ср., например, формулы (1–4) в русском:

(1) *Так тебе /ему и надо!* — как злорадная реакция на неприятную ситуацию (или рассказ о ней), которая произошла с собеседником или с третьим лицом на глазах говорящего.

(2) *Взяли!* — как призыв к немедленной совместной слаженной деятельности.

(3) *Ну-ка ну-ка (покажи)* — как запрос на получение дополнительной информации о некоторой вещи, которую в данный момент демонстрирует собеседник, но говорящий не может разглядеть.

(4) *На, подавись!* — как неохотная передача объекта, как правило, после долгого выпрашивания.

Задача текущего исследования — системно описать это разнородное множество формул-рутин, собрав их представительный набор в виде базы данных. Для этого необходимо выделить параметры, релевантные для их классификации и типологического сопоставления.

Между тем, как известно, фразеология (а рутины квалифицируются как классические фразеологические единицы, ср. для русского языка прежде всего (Баранов, Добровольский, 2008; 2022)), сложна для классификации. Фразеология богата прагматикой, а область лингвистической прагматики известна тем, что ей трудно придать структуру — и поэтому она с трудом поддается межъязыковому сопоставлению (Barotto, Mauri, 2018; Рахилина и др., 2022). Значимость прагматики для описания устойчивых выражений неоднократно отмечал Чарльз Филлмор, создатель одной из ведущих современных лингвистических теорий — Грамматики конструкций (Hoffmann, Trousdale, 2013). Работы Филлмора говорят о том, что во многом именно интерес к прагматике, которая сопутствует процессу конструкционализации, привлекал его к этой тематике и в конечном счете способствовал созданию Грамматики конструкций. Так, в хрестоматийной статье о конструкции *LET ALONE* (Fillmore et al., 1988) много говорится о соотношении позиции говорящего с исходным утверждением, о вероятности предположений, о дополнительной по сравнению с обычным отрицанием экспрессивной силе, которая придается утверждению говорящего самой формой конструкции (подробнее см.: (Рахилина, Кузнецова, 2010), а также статьи В.Ю. Апресяна «Кроме 1», «Кроме 2», «Включая» в (Новый объяснительный словарь..., 2004)).

Та же идея пронизывает работы Филлмора, непосредственно предваряющие эту статью, например (Fillmore, 1984) — показательно уже название: *"Remarks on contrastive pragmatics"*, хотя, казалось бы, эта небольшая работа, почти заметка, посвящена просто описанию кон-

струкций разного типа. На самом деле на примере шести устойчивых сочетаний — среди них есть и рутины, и другие типы конструкций — Филлмор перечисляет характеристики, которые могут быть релевантны для описания прагматических явлений, в том числе параметры коммуникативной ситуации и отношение говорящего к ситуации. Понятно, что из всего разнообразия конструкций именно рутины как непосредственно связанные с внеязыковой ситуацией концентрируют в себе максимум прагматических параметров, которые напрямую и неразрывно сопряжены с семантикой, и поэтому представляют своеобразный вызов современной семантической теории.

В цифровую эпоху ответом на такой вызов может быть их описание в виде системы взаимосвязанных признаков, то есть базы данных, по которой можно осуществлять поиск, получать похожие группы формул-рутин и описывать их аналоги в других языках. Такая база данных будет являться инструментом для типологического исследования. Идея создания баз данных как отправной точки для классификации и типологического сопоставления фразеологии тоже принадлежит Ч. Филлмору — начиная с его проекта базы *FrameNet* (<https://framenet.icsi.berkeley.edu>), в которой собираются устойчивые модели управления (Fillmore, 2008; Fillmore et al., 2012), и заканчивая идеей Конструктикона как коллекции конструкций, которую он выдвинул в конце жизни, выделив 64 английских конструкции для начала работы над ним¹. Для фразеологии цифровизация замечательна тем, что позволяет осуществить ее последовательное описание, постепенно строя независимые базы для разных типов фразем. Описание каждого такого типа, имеющего свои особенности, предполагает разный набор семантических и прагматических параметров, а значит, свою структуру базы. Общим в них будет то, что определила Грамматика конструкций: состав фраземы (фиксированная часть и слоты, которые могут заполняться ограниченным набором переменных), а также, как мы уже говорили, дополнительный прагматический компонент значения.

На сегодняшний день для русского языка в рамках этого подхода описано два фрагмента фразеологии и, соответственно, создано две базы: «Русский Конструктикон», и «Прагматикон» — о них как предшественниках настоящего проекта мы расскажем в разделе 2. Работа над третьей базой, «Рутиниконом», пока не завершена — ее задачи и материал описаны в разделе 3, а разметка — в разделе 4. В разделе 5 обсуждается возможность применить предложенную разметку для данных других языков — в частности, итальянского, а также принципиальная сопоставимость рутин в разных языках. Заключение подводит итоги изложенного.

¹ На настоящий момент подобная база существует для японского (Ohara, 2013), португальского (Torrent et al., 2014), шведского (Sköldberg et al., 2013) и немецкого языков (Boas, Ziem, 2018), а также на материале сразу нескольких языков (см. мультязычные базы, напр. (Benigni et al., 2015)). При этом, как правило, такие ресурсы совмещают в себе фразеологические единицы разных типов.

2. Опыт цифровизации фразеологии для русского языка: «Русский Конструктикон» и «Прагматикон»

База данных «Русский Конструктикон» была создана совместно группой CLEAR (Арктический университет Норвегии, Тромсё) и Школой лингвистики НИУ ВШЭ (Москва) в рамках соответствующего проекта (Janda et al., 2018; 2023; Endresen, Janda, 2020). «Русский Конструктикон» коллекционирует преимущественно классические конструкции, на материале которых Ч. Филлмор начинал формулировать основные постулаты Грамматики конструкций. Это устойчивые выражения с квазиграмматическим значением (ср. *let alone*), состоящие из неизменной — якорной — части и слотов-переменных.

В качестве примера рассмотрим русскую конструкцию *без малого* NumCrd NP-Gen (например, *без малого тридцать лет*): в ней элемент *без малого* является якорным, а NumCrd и NP-Gen представляют собой переменные: целое и, как правило, круглое число и именная группа с особой семантикой, которая задается конструкцией. В целом конструкция обозначает неточное количество объектов — конкретных или абстрактных — которое немного меньше, чем ближайший крупный числовой ориентир. Таким образом, конструкция передает значение ‘приближение к объекту или нахождение вблизи него’, которое во многих языках (например, удмуртском или вепском) грамматикализуется: в них есть соответствующее падежное значение. В русском оно не грамматикализовано и обычно передается наречием *почти* — но наречие сочетается преимущественно с глаголом (*почти сделал*), а конструкция *без малого* предпочитает числительные с существительными: *без малого три тысячи человек, без малого два миллиарда рублей, без малого 4 года*. Еще одна аппроксимативная конструкция *без пяти минут* NP имеет другие ограничения на слот, предпочитая именные группы со значением «профессиональный статус» или «семейный статус»: *без пяти минут инженер, без пяти минут старший брат*. Приведенный пример показывает, что конструкция *без малого* NumCrd NP-Gen близка к грамматической, но, будучи избирательна по своей сочетаемости, таковой считаться не может.

Полное собрание такого рода конструкций, представляющих особый пласт языковых выражений с когнитивно выделенными значениями — теми, которые часто становятся в языке обязательными, представляется важной задачей. Для русского языка ее в основном выполнила база «Русский Конструктикон» (<https://constructicon.github.io/russian/>, constructicon.ruscorpora.ru): в настоящее время она насчитывает более 4 тыс. единиц (Orlov et al., 2023). В базе есть обширная разметка — по семантическим и синтаксическим классам, по глоссам, по характеристикам якоря и др. Благодаря разметке осуществляется поиск конструкций, похожих по формальным и семантическим свойствам. Конструкциям придаются толкования, английские и норвежские аналоги, примеры употребления, частотные заполнители слотов, ссылки

на имеющиеся лингвистические описания, уровень освоения русского языка, которому соответствует конструкция и проч. «Русский Конструктик» создавался для пользователей-неспециалистов, например для студентов, изучающих русский язык как иностранный, однако за счет особенностей разметки и интерфейса может быть использован в качестве инструмента для лингвистических исследований.

В процессе создания «Русского Конструктикона» наряду с самими конструкциями были выявлены особые классы неоднословных языковых единиц, которые не содержат видимых слотов. К первому классу относятся реакции на высказывания собеседника с сильным оценочным компонентом. В самом обобщенном виде они интерпретируются как положительный или отрицательный ответ, ср: *А как же! Еще как!* (положительная реакция: ДА) или *Еще чего! Как бы не так!* (отрицательная реакция: НЕТ). Этот класс получил название «дискурсивные формулы» (Рахилина и др., 2021) (ср. близкий термин для похожих единиц в (Баранов, Добровольский, 2008) — «речевые формулы»). Такое название отражает главные особенности входящих в него единиц: они представляют собой реакцию на вербальный стимул и являются фиксированными, то есть не содержат переменных «на поверхности».

Второй класс единиц, обнаруженный в ходе разработки «Русского Конструктикона», получил название «рутины». Рутинны также не содержат внутренних слотов, но, в отличие от дискурсивных формул, реагируют не на реплику собеседника, а на конкретный невербальный стимул, ср. *Не прошло и года!* как реакция на появление человека, который слишком долго отсутствовал. Оба типа фразем за счет своей идиоматичности попадают под определение конструкций, но их якорь составляет полное предложение и не допускает переменных, а только небольшую вариативность внутри себя — эта характеристика не позволяет отнести их к прототипическим конструкциям. В терминах Грамматики конструкций такие фраземы могут быть описаны как расщепленные: якорным элементом является сама изолированная формула, а переменной — предшествующий контекст, то есть реплика собеседника или стимульная ситуация — в зависимости от типа фраземы (Рахилина и др., 2022).

Как уже было сказано, в «Русский Конструктик» входят конструкции с квазиграмматическим значением. У дискурсивных формул и рутин значение скорее прагматическое, для их описания важны параметры, связанные со статусом участников, их намерениями, ожиданиями и отношением к ситуации. Для рутин эти характеристики — ключевые, поскольку они отражают функциональные противопоставления внутри подклассов: так, например, рутины *Какие люди!* и *Опять ты!* могут обе использоваться в качестве реакции на неожиданную встречу, но в первом случае говорящий испытывает радость, а во втором — раздражение. Кроме того, важным параметром оказывается временная локализация предыдущего контакта между участниками коммуникации относительно текущей ситуации общения: рутина *Какие люди!* представляет собой реакцию на встречу после долгой разлуки,

Опять ты! — наоборот — скорее указывает на то, что говорящий с адресатом виделись недавно. Для дискурсивных формул, соответственно, важен не тип стимульной ситуации, а тип стимульного речевого акта. Таким образом, рассмотренные классы фразем служат естественным дополнением к «Русскому Конструктикону», но не могут быть описаны с помощью той разметки, которая была разработана для прототипических конструкций. В частности, для определения дискурсивных формул и рутин важна прагматика, а в «Русском Конструктиконе» отдельные поля с прагматической информацией не предусмотрены — она приводится в комментариях. Поэтому для каждого из этих двух классов формул пришлось разработать собственную базу.

«Прагматикон» (pragmaticon.ruscorpora.ru; (Яскевич и др., 2022); ср. также родственный проект — мультязычную базу «Мультипрагматикон» (Buzanov et al., 2022)) — база, которая коллекционирует дискурсивные формулы. В нее вошли около 600 единиц, часть которых была получена из списков единиц, обнаруженных еще на этапе работы над «Русским Конструктиконом», часть собрана вручную или с помощью автоматической обработки драматических текстов (Пужаева и др., 2018).

В «Прагматиконе» в основе семантико-прагматической классификации дискурсивных формул лежат три параметра: их прагматическая функция, семантические теги, типы стимульного речевого акта. Прагматические функции реплик-ответов сводятся к 10 типам: подтверждение; согласие; разрешение; отрицание; отказ; запрет; удивление; безразличие; оценка собеседника; переспрос. Семантические теги служат для описания оппозиций внутри прагматических классов, а также спецификации вторичных семантических компонентов (например, положительная или отрицательная оценка); типы речевого акта представляют собой стимульные контексты, на которые может реагировать формула (например, мнение, вопрос или просьба). Все три поля тесно взаимосвязаны: так, например, реакция на стимульную реплику типа «новость» часто будет реализовываться дискурсивными формулами, принадлежащими к классу «удивление», а их разметка будет сопровождаться дополнительными семантическими тегами, такими как недоверие, принятие, осознание, положительная или отрицательная оценка. Помимо семантико-прагматической разметки, для каждой дискурсивной формулы указаны невербальные компоненты, сопровождающие высказывание: интонация и жесты; как и в «Русском Конструктиконе», даются иллюстрации из НКРЯ, в том числе видеоклипы из МУРКО, а также аналоги из других языков.

3. «Рутиникон»: цели, задачи и материал

Как следует из всего вышесказанного, база «Рутиникон» создавалась с учетом того опыта, который разработчики приобрели при работе над «Русским Конструктиконом» и «Прагматикон». В нее вошли стан-

дартные вербальные реакции на очень конкретную экстралингвистическую ситуацию (Bychkova et al., 2024). Разработка базы предполагала следующие этапы:

- найти как можно больше разных по форме и по функции рутин;
- разработать структуру разметки и требования к представлению формул в базе;
- внутри отдельных полей определить теги, которые лягут в основу поиска по базе и будут служить для сбора новых единиц;
- выявить параметры, потенциально значимые для типологического сопоставления.

Достижение первой цели — поиск рутин — оказалось сопряжено с рядом проблем. Во-первых, для этого класса фразем нет полных исходных списков: первоначально у нас были только те материалы, которые не вошли в базы «Русский Конструктикон» и «Прагматикон», и рутины из области вежливости, которые собирались исследователями (ср.: Балакай, 2001) (но для целей базы такие списки всегда недостаточно точно собраны и расклассифицированы), а также работы, посвященные речевому этикету (ср., напр., статьи в уже упомянутых сборниках (Rasmus Rask..., 1981; Aijmer, 2014), а также (Ameka, 1987)). Таким образом, данные необходимо было собирать практически с нуля. Во-вторых, рутины очень разнообразны по форме, в отличие от дискурсивных формул, и у них нет яркого набора формальных признаков, как, например, почти обязательные частицы в составе. Часто они совпадают с композиционными частями предложения: по запросу «Опять ты» к Google Books или другим ресурсам находятся, например, *Опять ты пришел невовремя*. Все это затрудняет автоматический поиск таких данных (Пужаева и др., 2018). Между тем рутин не так много, как конструкций и дискурсивных формул, и поиск их вручную оказывается более трудоемким и времязатратным. Наконец, в том, что касается поиска коррелятов в других языках, мы сталкиваемся с общей проблемой для всей фразеологии: недостаточный для этой задачи объем параллельных корпусов не позволяет обнаружить их переводные эквиваленты простым поиском по корпусу. Необходимо строить анкеты и опрашивать носителей, а также разрабатывать новые типологические варианты баз.

В пилотную версию «Рутиникона» вошли 80 русских рутин. Часть из них была получена на основе первичных списков для «Русского Конструктикона» и «Прагматикона», в то время как остальные были собраны вручную на материале комиксов, субтитров к известным фильмам, а также подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в частности Мультимедийного подкорпуса. Те же ресурсы в сочетании с параллельными корпусами на базе НКРЯ использовались для поиска итальянских коррелятов, то есть похожих по функции и форме итальянских рутин. Все задействованные источники оказались продуктивными в контексте поиска отдельных категорий рутин. Например, субтитры к фильмам и сериалам позволили обнаружить рутины, связанные с определенной сферой взаимодействия (например, офисная коммуникация). Драматические тексты позволили расширить список ру-

тин речевого этикета, хотя многие из них вышли из употребления. С помощью комиксов были обнаружены формулы, не привязанные к конкретной сфере употребления и не принадлежащие к зоне вежливости. Дополнительный метод расширения подклассов рутин внутри отдельного языка предполагает работу с самой базой данных: выбирается определенное поле разметки и осуществляется интроспективный поиск рутин, у которых выбранное поле заполняется так же. Этот подход использовался при расширении выборки для «Русского Конструктикона» (Endresen et al., 2023).

4. «Рутиникон»: разметка

Аннотация каждой рутины содержит следующие функциональные характеристики: структура ситуации; прагматика; сфера употребления; условия употребления; тип ситуации; краткое текстовое описание. Поскольку рутины всегда используются в рамках определенной экстралингвистической ситуации, в основе разметки лежит параметр *структура ситуации*. Каждая формула принадлежит к одному из четырех типов: реакция, побуждения, реакция-побуждение, сопровождение к действию. Типы выделены на основе того, как рутина и событие, с которым непосредственно связано ее употребление, соотносятся хронологически. Так, *реакции* предполагают наличие стимула, то есть некоторого события, предшествовавшего произнесению рутины и вызвавшего эту вербальную реакцию. Например, стимул «неожиданная встреча» может вызвать рутину-реакцию *Какие люди!* Как правило, стимульное событие связано с поведением других участников ситуации или некоторыми внешними обстоятельствами и не может быть инициировано самим говорящим. В случае с *побуждением* некоторое событие является ожидаемым эффектом побудительной формулы; оно следует за произнесением рутины. Например, рутина-побуждение *Можно вас на минуточку?* имеет ожидаемый эффект «адресат перемещается в другое пространство для содействия говорящему». Для *реакций-побуждений* необходимы оба события: и предшествующее и последующее. Например, рутина *Куда собрался?* предполагает стимульную ситуацию «адресат пытается сбежать» и ожидаемый эффект «адресат возвращается». Если одновременно с произнесением рутины говорящий выполняет некоторое действие, эта рутина попадает в класс *сопровождений к действию*. Например, рутина *Я мигом!* сопровождает уход говорящего: говорящий предупреждает о нем уже уходя.

Каждый тип сопряженного с рутиной события (*стимул, ожидаемый эффект, действие говорящего*) формирует отдельное поле внутри разметки, причем для конкретной рутины заполняются только те поля, которые релевантны для структуры соответствующей ситуации. Например, для реакций — это стимул, но не ожидаемый эффект, для побуждений — это ожидаемый эффект, но не стимул, для реакций-побуждений — и то, и другое (табл. 1). Внутри поля «Структура ситуации» экстралингвистические события, соответствующие стимулам, эф-

фектам и действиям говорящего, классифицируются с помощью особой системы тегов, которые называют то, что в реальности происходит: «встреча», «передача предмета», «увеличение физической дистанции между участниками ситуации» и т. д.

Таблица 1

Поля базы данных, релевантные для разных типов структуры ситуации

Структура ситуации	Стимул	Ожидаемый эффект	Действие говорящего
Реакция (<i>Какие люди!</i>)	+	–	–
Побуждение (<i>Можно вас на минуточку?</i>)	–	+	–
Реакция-побуждение (<i>Куда собрался?</i>)	+	+	–
Сопровождение к действию (<i>Я мигом!</i>)	(+)	(+)	+

Классификация рутин на основе их функций представлена в поле **прагматика**. Значения этого параметра, как правило, задаются структурой ситуации и событиями, с которыми непосредственно связана рутина. Ближе всего эти значения к типам речевых актов, которыми являются соответствующие рутины, — а тип речевого акта, конечно, коррелирует со структурой ситуации в целом. Например, прагматический класс «приветствие» характерен для **реакций**, стимулом для него служит ситуация «встреча». Однако для целей эффективной классификации и разметки реальных формул русского языка приходится понимать речевые акты расширительно — в частности потому, что в этой зоне языка они оказываются тесно связаны с эмоциями. Учет этого обстоятельства делает классы более дробными и менее стандартными с точки зрения канонов Остина — Серля и их последователей (Searle, 1976; Austin, 1975; Pragmatics..., 2013; Croft, 1994; Sadock, Zwicky, 1985). Так, **рутины-реакции** очень часто включают в себя эмоции: например, рутина *Как тебе не стыдно* — «упрек» как речевой акт выражает еще и раздражение. При этом эмоцию, если она есть, не всегда легко отделить от основной прагматики: *Так ему и надо* входит в класс «злорадство» с сильной сопутствующей эмоцией, которая уже встроена в имя прагматического класса. В каких-то случаях эмоция может составлять суть прагматики, а не добавку к ней. Ср. рутину *Опять ты!*, которой в базе приписан прагматический тег «раздражение». Заметим, что уже имеющийся материал позволяет видеть своего рода эмоциональные минимальные пары, когда рутины, предполагающие одно и то же стимульное событие, получают в базе разные прагматические теги на основе эмоций, с которыми они ассоциированы. Так, стимул «встреча», с одной стороны, релевантен для рутины *Опять ты!* с прагматическим тегом «раздражение», а с другой — для рутины *Какая встреча!* с прагматическим тегом «радость».

Для *побуждений* характерны прагматические типы «инициация общения», как, например, *Эй ты!* и «просьба о помощи или содействии», ср. уже упомянутое *Можно вас на минуточку?* В целом рутины-побуждения выражают императивную, а не прохибитивную семантику, поскольку прохибитив предполагает наличие предшествующего события, которое бы провоцировало использование рутины. Именно поэтому с запретом или угрозой так часто связаны *реакции-побуждения*, которые такое событие-стимул всегда включают, ср.: *Далеко пошел?* или *Пошел отсюда!* В обоих случаях стимулом является нежелательное для говорящего поведение собеседника — это объясняет теги «приказ» / «запрет» / «угроза» в поле «прагматика». При этом предполагаемый эффект, соответствующий этим двум рутинам, — противоположный: в первом случае говорящий хочет, чтобы его партнер по коммуникации прекратил движение из того пространства, где они оба находятся, во втором, наоборот, — чтобы он это пространство покинул. Обратим внимание, что ожидаемый эффект не всегда подразумевает какое-то конкретное действие со стороны собеседника. Среди прагматических типов, характерных для *реакций-побуждений*, есть такой, который мы сформулировали как «запрос на получение дополнительной информации». Хорошей иллюстрацией для него является рутина *Кто это вас так?*, которая одновременно указывает на заботу о собеседнике (эмоция) и любопытство говорящего. Ожидаемый эффект здесь — это не физическое действие собеседника в собственном смысле, а реплика, содержащая ответ на вопрос. Поскольку мы имеем дело с рутинными репликами для них может быть только эффектом и не может быть стимулом — рутины реагируют не на дискурс, а на действия окружающих. Однако и у стимулов-действий могут быть свои особенности. Например, на месте ожидаемого *действия* в реальности может оказаться *бездействие*. Такова, например, рутина *Ну что же вы стоите?*, тоже из класса реакций-побуждений: говорящий одновременно реагирует на стимул и хочет добиться определенного эффекта. Стимулом для нее, однако, является не действие, а бездействие партнеров по коммуникации, и говорящий пытается сделать так, чтобы они приступили к действиям, которые он считает безотлагательными².

Для разметки реакций-побуждений как класса формул такие нюансы непринципиальны: и физические действия, и реплики, и бездействия в базе попадают в соответствующее поле (в данном случае поле «стимул») и уже там могут описываться более детально. Но для нашего представления о сложности прагматических единиц это важно. Зато при произнесении рутин, принадлежащих к подклассу *сопровождение к действию* всегда подразумевается реальное действие говорящего. В самом деле, их прагматическое описание строится именно на действии, которое совершает говорящий параллельно с произнесением

² Сюда же будет относиться *Ну что же вы стоите?*, представляющее собой приглашение войти в помещение, принадлежащее говорящему, или сесть за стол.

рутины. Самые распространенные действия — это собственное движение, как в уже упоминавшемся *Я мигом!* или манипуляции с объектами, ср., например, рутину *Не стоило*, которая может использоваться при получении подарка.

Бесспорно, параметры, непосредственно связанные со структурой ситуации и прагматическими классами, являются основными и определяют формулу-рутину в целом. Однако существенны и другие, менее базовые поля, которые уточняют прагматику рутины: «условия употребления», «сфера употребления» и «тип ситуации».

Условия употребления — это разного рода пресуппозиции, связанные с иерархией участников ситуации, с локализацией ситуации во времени и пространстве и др., определяющие использование рутины. Например, рутина *Эй ты!*, инициирующая общение, предполагает, что статус адресата не выше статуса говорящего и что участники ситуации находятся на некотором расстоянии друг от друга.

Поле *сфера употребления* заполняется для тех рутин, которые используются только внутри ситуации, принадлежащей к определенной экстралингвистической сфере (например, рутина *Ко мне!* → сфера употребления «дрессировка собак», рутина *За счет заведения* → сфера употребления «ресторан»).

Тип ситуации представляет собой набор тегов, с помощью которых рутинам присваивается общая категория. В этом поле не используются какие-либо лингвистические термины, поскольку оно создавалось в первую очередь для пользователей-неспециалистов — для того, чтобы упростить поиск по базе. В то же время «типы ситуации» могут быть полезны и для разметчиков, поскольку они позволяют выявить отличительные особенности отдельной рутины путем сравнения этой рутины с другими. Например, рутины *Какие люди* и *Эй ты*, относящиеся к разным подклассам с точки зрения структуры ситуации (реакция vs. побуждение), будут объединять тег «начало коммуникации».

Каждая рутина сопровождается *кратким текстовым описанием* соответствующей ситуации, которое призвано обобщить простым языком содержание всех полей, а также примерами из НКРЯ, иллюстрирующими особенности ее употребления, видеоклипом (как правило, короткая сцена из фильма) и аудио с произнесением рутины. Ср. краткое текстовое описание для рутины *Какие люди* (5) и корпусные примеры (6–8):

(5) *Какие люди*: «Говорящий встречает человека, которого давно не видел и не ожидал увидеть».

(6) — *Какие люди!* — искренне радовался Валентин Андреевич. — Сколько лет, сколько зим! Галка, ты все такая же красавица, только в сто раз лучше! [Марина Полетика. Однажды была осень (2012)].

(7) Он закрыл крышку рояля, и увидел нас, и весело сказал: — О! *Какие люди!* Сидят, как два воробья на веточке! [Виктор Драгунский. Денискины рассказы / Что любит Мишка (1963)].

(8) — О, *какие люди!* *Какие люди!* — весело заговорил Кулиев, увидев подходившего Нагаева. [Юрий Трифонов. Утоление жажды (1959–1962)].

Отметим, что структура разметки, лежащая в основе «Рутиникона», содержит параметры, предложенные Филлмором в пилотной работе о прагматических конструкциях (Fillmore, 1984). Совпадающие или пересекающиеся поля представлены в таблице 2.

Таблица 2

Разметка, предложенная Филлмором vs. разметка в «Рутиниконе»

(Fillmore, 1984)	(Bychkova et al., 2024)
событие, спровоцировавшее употребление формулы	стимул (специфицирован для рутин-реакций и реакций-побуждений)
отношение участников диалога к ситуации	условия употребления, прагматика
как употребляется формула	сфера употребления

Первое сходство в наборах параметров связано со структурой ситуации: употребление рутин действительно, как и полагал Филлмор, часто предваряется и мотивируется невербальным стимулом. Рутинны такого типа относятся сразу к двум классам — *реакциям* и *реакциям-побуждениям*; если учесть, что класс «сопровождение к действию», видимо, довольно малочислен, то это делает соответствующий параметр действительно самым заметным. Поскольку материал в работе Филлмора был самым начальным и очень фрагментарным, его выборка включала в себя преимущественно формулы-реакции, и в описании отсутствуют рутины других типов, которые, как мы видели, устроены иначе.

Второй параметр, предложенный Филлмором, он назвал «отношение участников диалога к ситуации» — в терминах нашей разметки он частично пересекается с полем «условия употребления». Сюда попадают не только ограничения, связанные с социальной иерархией участников, но и разного рода интенции. Например, произнося *Я мигом / Я щас* и подобные им формулы, говорящий не просто уходит, но оставляет партнера по коммуникации с намерением вернуться к нему в ближайшее время. Таким образом, произнося формулу-рутину, он в частности проявляет заботу о собеседнике — как бы заверяет собеседника в том, что его отсутствие будет недолгим. В это же поле у Филлмора попадают эмоции, которые выражаются с помощью рутин. Например, для *It's not what you think* 'Это не то, что вы подумали' отмечает как эмоциональный фон «смущение, желание оправдаться». В «Рутиниконе», как мы уже обсуждали, эмоциональная составляющая размещается в поле «прагматика», так что прагматическое описание *рутин-реакций* совмещает в себе теги, указывающие на их функцию (часто тип речевого акта), и теги-эмоции. Например, для рутины *На счастье*, которая используется в качестве реакции на разбившуюся посуду, это и «пожелание» / «утеше-

ние», и «радость». Собственно, в примере Филлмора с *It's not what you think* мы видим тот же эффект: оправдание может рассматриваться как полноценный лингвистически релевантный речевой акт, а смущение — как сопровождающая его эмоция.

Третье сходство касается ограниченной области употребления рутины — в «Рутиниконе» описание соответствующих условий попадает в поле «сфера употребления». Филлмор отмечает, что для описания некоторых формул такие условия особенно важны (Fillmore, 1984). Сам он приводит в пример выражение *I'll tell you what I'm gonna do* (букв. 'Я скажу тебе, что я собираюсь делать'), которая, как правило, используется продавцом в процессе торга при попытке установить финальную цену на товар. Таким образом, торг оказывается для этой рутины специализированной сферой употребления — и так описывался бы в базе «Рутиникон». Таких узких областей, для которых характерны специальные устойчивые формулы, довольно много: это и уже упомянутая дрессировка собак (*фу, нельзя, апорт*); и детские игры (*Я в домике, Я так не играю, Можно с вами?*); и контексты, связанные с армией или полицией (*Всем оставаться на местах, Руки вверх*). Однако значительная часть рутин все же не ограничена и поэтому поле «сфера употребления» неприменимо к самым частотным обыденным общезначимым формульным выражениям, часто пустует и заполняется только для тех рутин, для которых оно релевантно.

5. «Рутиникон»: потенциал для сопоставления языков и конструкционной типологии

Традиционная фразеология фокусируется на описании устойчивых сочетаний внутри одного языка, в том числе на выделении параметров, которые позволили бы отделить один фразеологический класс от другого. Цифровизация дает возможность не только приблизиться к решению этих задач, но и выйти на типологический уровень, то есть понять, насколько эти параметры универсальны, а классы — типологически существенны. «Русский Конструктикон» и родственные проекты, например мультиязычная база дискурсивных формул «Мультипрагматикон», создавались как ресурсы, пригодные для типологических исследований (в первую очередь для этого в обоих ресурсах для каждой единицы представлены глоссы). Точно так же и разметка в Рутиниконе задумана как типологически ориентированная. В настоящей работе в качестве примера того, что выбранная нами разметка дает определенные преимущества для сопоставления рутин двух языков, мы используем итальянский материал. Так, на основе базы удалось выявить похожие по функции рутины в русском и итальянском с разными источниками прагматикализации (Diewald, 2011; Degand, Evers-Vermeul, 2015) — в нашем случае, превращения свободного композиционного сочетания в формульную единицу-рутину. Некоторые примеры представлены в таблицах 3–6.

Таблица 6

Пример разметки рутины типа *сопровождение к действию*

Русская рутина	За счет заведения			
Итальянская рутина	Offre la casa			
Глоссы для итальянской рутины	offr-e	la	cas-a	
	предлагать-PRS.3SG	ART.F	дом-F. SG	
Структура ситуации	сопровождение к действию			
Действие	говорящий приносит напиток / блюдо			
Прагматика	угостить собеседника			
Условия употребления	говорящий — сотрудник заведения			
Сфера употребления	заведение / ресторан			

В работе анализируются и такие русско-итальянские пары рутин, которые устроены наоборот: они достаточно близки по форме, но имеют разную функцию. Одновременное совпадение по функции и по форме — полное или частичное — тоже встречается и может иметь под собой разные основания. Так, например, формальное сходство обнаруживается у рутин, реагирующих на подарок или комплимент:

рус. *Очень мило с вашей стороны!*

итал. *Molto gentile da parte Sua!*

molto	gentile	da	part-e	su-a
очень	мило	PREP	сторона-F. SG	POSS.2SG-F. SG

Первая возможность — предположить, что у формул общий источник и по крайней мере в один из языков она вошла посредством калькирования. Как известно, примерно со второй половины XVIII века лексикон русского языка начал активно обогащаться за счет французского. Действительно, речь здесь идет о романской кальке: корпусный анализ показывает, что фраза *Очень мило с вашей стороны* вошла в русский язык как раз в начале периода активного воздействия французского языка на русский, впоследствии частота ее употребления стала заметно снижаться.

Вторая возможность — общая модель прагматикализации, как, например, в рутинах, реагирующих на неожиданную встречу:

рус. *Что ты тут делаешь?*

итал. *Cosa / che ci fai qui / qua?*

cosa / che	ci	fa-i	qui / qua
что	PTCL	делать-PRS.2SG	тут

Обе рутины в этой паре восходят к конструкциям типа *What's X Doing Y?* (ср. пример из классической работы (Kay, Fillmore, 1999): *What is this fly doing in my soup?* 'Что эта муха делает в моем супе?'), присутствующим во многих европейских языках. В этих конструкциях слот X соответствует объекту или лицу, а Y — месту, в котором X, по мнению

говорящего, не должен находиться. Эта семантика хорошо соотносится с функцией рассматриваемой рутины и объясняет ее структуру. В ситуации неожиданной встречи слоты X и Y естественно заполняются дейктическими местоимением и наречием, которые закрепляются в этой позиции, образуя рутину. Таким образом, сходство русской и итальянской рутин на формальном и функциональном уровнях, вероятно, связано не с непосредственным калькированием, а с некоторыми обще-европейскими моделями.

Неполное совпадение формы у семантически близких рутин представляет особый интерес: близкие по форме рутины — например, отличающиеся только на один элемент — легче сравнивать, чтобы понять, чем вызвано формальное расхождение. Примером такого рода может служить группа рутин, реагирующих на долгое отсутствие некоторого субъекта: в русском, помимо практически композиционной *Да где же он / она?*, в этой ситуации используются рутины с глаголами исчезновения — например, с почти вышедшим из употребления *запропасться* или разговорным *подеваться*: *Куда это он запропастился / подевался?* В аналогичной итальянской конструкции на их месте выступает глагол *finire* с основным значением ‘кончаться, заканчиваться’.

рус. *Куда это он запропастился / подевался / пропал?*

итал. *Dov'è finito?*

dove	è	finit-o
где	COP.3SG	заканчиваться. PPRT-M. SG
‘Где он закончился?’		

Понятно, что ситуация, когда некоторый участник внезапно исчезает из поля зрения говорящего, воспринимается им как неуправляемая — и предикаты, которые ее кодируют, должны быть неконтролируемы. Оба выбранных семантических типа предиката — русские глаголы исчезновения и итальянский *finire* таковы: они выражают отсутствие намеренного действия и непрогнозируемый результат (Givón, 1975; Булыгина, 1982; Зализняк, 1992). С точки зрения акциональности и тот и другой обозначают точечные события, наступившие как результат каких-то предшествовавших ситуаций. Наконец, семантически они тоже близки: и ‘исчезнуть’, и ‘закончиться’ выделяют некоторую точку на временной шкале, отражающей развитие некой объемлющей ситуации; шкала показывает, как сначала субъект имелся в некотором пространстве, а потом, после того, как эта выделенная точка пройдена, в нем отсутствует. Получается, что лексический выбор неслучаен: предикаты с такой семантикой можно считать квазисинонимами.

Большую сложность представляет случай с полным совпадением по форме и частичным совпадением функции. Рассмотрим его здесь на примере максимально коротких рутин — русской и итальянской:

рус. Дай сюда
итал. *Dai qua/qui*
da-i qui/qua
давать-IMP.2SG здесь=сюда

Обе рутины связаны со следующим ожидаемым эффектом после произнесения рутины: партнер по коммуникации передает говорящему некоторый объект. В русском языке эта формула звучит грубо и даже ультимативно; кажется, что, если требование не выполнить, последует наказание:

(9) — А ну перестань! — оборвал ее Нейман и стукнул кулаком по столу. — *Дай сюда эту гадость.* — Он вырвал пакет и отбросил его на тахту. — Ах ты сумасшедшая дура, — выругался он [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].

(10) «*Дай сюда*», — хрипло потребовал тренер, зыркнув на Ведерникова через зеркало заднего вида [О. А. Славникова. Прыжок в длину (2014–2016)].

(11) Компаньонка как бы невзначай потянула к себе подарок седого тюленя, но Элька сказала: — *Дай сюда. Это мне подарили* [М. Галина. Солнцеворот (2013)].

Корпусный анализ показывает, что русская рутина принадлежит к подклассу *реакций-побуждений*, поскольку для ее употребления оказывается значим не только предполагаемый эффект, но и стимул: некоторый объект, по мнению говорящего, не должен находиться в руках у собеседника и тем не менее оказывается там. Именно потому, что он там «незаконно» находится, говорящий требует его себе — так что в русском фактически это требование возврата, а не просто передачи объекта. Между тем, согласно результатам опроса пяти носителей итальянского языка и корпусному анализу контекстов употребления рутины *dai qua*, она не расценивается как грубая, скорее просто как неформальная (ограничения на регистр в нашей системе описания часто связаны с иерархией участников ситуации — см. поле «условия употребления»). При этом, по-видимому, в структуре соответствующей ситуации отсутствует стимул как обязательный компонент — значит, итальянская рутина принадлежит к подклассу *побуждений*. Отсутствие прагматики грубости и компонента «раздражение» иллюстрируют следующие итальянские примеры (12–14):

(12) *Ti avevo riconosciuta subito! Dai qua che ti faccio una fotografia.*
[<http://www.psychomedia.it/cine@forum/report/marchiori1.htm>]
ti avevo-o riconosciut-a subito
PRON.2SG. ACC иметь. PST-IPFV-1SG узнать. PPRT-F. SG сразу
da-i qua che ti
давать-IMP.2SG сюда CONJ PRON.2SG. DAT
faccio una fotografi-a
делать. PRS.1SG ART.F фотография-F. SG
‘Я тебя сразу же узнал. Дай сюда, я тебя сфотографирую’.

(13) *Dai qui, dolcezza. Lascia che lo porti io.* [<https://percyjacksonitalia.wordpress.com/>]

<i>da-i</i>	<i>qui</i>	<i>dolcezz-a</i>	<i>lasci-a</i>
давать-IMP.2SG	сюда	дорогуша-F. SG	оставлять-IMP.2SG
<i>che</i>	<i>lo</i>	<i>port-i</i>	<i>io</i>
CONJ	PRON.3SG. M. ACC	нести-SBJV.1SG	PRON.1SG. NOM

‘Дай сюда, милая. Дай мне понести’.

(14) *Dai qua che lo faccio io, tu sei stanca.* [<http://www.raccontinnellarete.it/?p=18818>]

<i>da-i</i>	<i>qua</i>	<i>che</i>	<i>lo</i>
давать-IMP.2SG	сюда	CONJ	PRON.3SG. M. ACC
<i>faccio</i>	<i>io</i>	<i>tu</i>	<i>sei</i>
делать. PRS.1SG	PRON.1SG. NOM	PRON.2SG. NOM	COP.2SG
<i>stanc-a</i>			
уставший. ADJ-F. SG			

‘Дай сюда, я сам. Ты устала’.

Таким образом, несмотря на то что по форме рутины в разных языках являются полными аналогами, в каждом из языков за ними может стоять своя внеязыковая ситуация, а значит, при классификации они окажутся в разных подклассах. В данном случае привлечение аналогичного материала другого языка, причем так же структурированного, позволяет выявить и дополнительные параметры описания рутин, и новые противопоставления между их классами и внутри классов, которые при внутриязыковом анализе были невидны или нерелевантны.

6. Заключение

Задача статьи — описание особого класса фразеологических единиц, получивших название «рутины»; их употребление напрямую связано с определенной экстралингвистической ситуацией. Мы обратили внимание на необычность этого класса как такового и на его отличия от формул вежливости — близких к рутинам с точки зрения структуры ситуации и прагматики — и описали процесс сбора языкового материала, классификация и описание которого строится параллельно с созданием специализированной базы данных «Рутиникон», продолжающей проекты «Русский Конструктикон» и «Прагматикон». Особенность разметки (подробно описанной в статье) в том, что она сразу ориентирована на сопоставление материала разных языков, несмотря на то что материал еще недостаточно представителен, а классификация — недостаточно разработана, чтобы предложить хотя бы фрагмент типологической анкеты. Иллюстрации, которые предложены в разделе 5, продолжают наши исследования конструкций в сопоставительном ключе и поиски оснований для их типологизации с учетом и семантики, и структуры конструкции, которые были начаты (Bychkova, Rakhilina, 2023) и (Rakhilina, Uhlik, 2020) — на другом материале.

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Список источников и литература

Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии. М., 2022.

Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / под ред. О.Н. Селиверстовой. М., 1982. С. 7–85.

Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.10.2024).

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под рук. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., доп. и испр. М., 2004.

Пужаева С.Ю., Герасименко Е.А., Захарова Е.С., Рахилина Е.В. Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, №2. С. 5–18. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2018-16-2-5-18>.

Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория. Дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. №2. С. 7–27. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.2.7-27>.

Рахилина Е.В., Жукова В.А., Демидова Д.А., Кудрявцева П.С., Розовская Г.П., Эндресен А.А., Янда Л.А. Фразеология в ракурсе «Русского конструктикона» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. №2 (32). С. 13–44. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2022.2.2>.

Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е.В. Рахилина. М., 2010. С. 18–79.

Яскевич А.А., Бычкова П.А., Слепак Е.А., Рахилина Е.В. База дискурсивных формул русского языка «Прагматикон» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. №2 (32). С. 45–62. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2022.2.3>.

Aijmer K. Conversational routines in English: Convention and creativity. L.; N.Y., 2014. <https://doi.org/10.4324/9781315845128>.

Ameke F.A. Comparative analysis of linguistic routines in two languages: English and Ewe // Journal of Pragmatics. 1987. Vol. 11. P. 299–326. [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(87\)90135-4](https://doi.org/10.1016/0378-2166(87)90135-4).

Austin J.L. How to do things with words. Oxford, 1975.

Barotto A., Mauri C. Constructing lists to construct categories // Italian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 30, №1. С. 95–134. <https://doi.org/10.26346/1120-2726-117>.

Benigni V., Cotta Ramusino P.M., Mollica F., Schafroth E. How to apply CxG to phraseology: a multilingual research project // Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 11, №3. P. 275–288. <https://doi.org/10.3844/jsssp.2015.275.288>.

Boas H.C., Ziem A. Constructing a constructicon for German // Constructicography: Constructicon development across languages / ed. by B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara, T.T. Torrent. Amsterdam, 2018. P. 183–228. <https://doi.org/10.1075/cal.22.07boa>.

Buzanov A., Bychkova P., Molchanova A., Postnikova A., Ryzhova D. Multilingual Pragmaticon: Database of discourse formulae // Proceedings of the Thirteenth Language Resources and Evaluation Conference. Marseille, 2022. P. 3331–3336.

Bychkova P., Rakhilina E. V. Towards pragmatic construction typology: The case of discourse formulae // *Discourse phenomena in typological perspective* / ed. by A. Barotto, S. Mattioli. Amsterdam, 2023. P. 35–63. <https://doi.org/10.1075/slcs.227.03byc>.

Bychkova P., Yaskevich A., Gyulasaryan S., Rakhilina E. V. Building a Database of Conversational Routines // *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)*. Torino, 2024. P. 2548–2555.

Croft W. Speech act classification, language typology and cognition // *Foundations of speech act theory: Philosophical and linguistic perspectives* / ed. by S. L. Tsohatzidis. L., 1994. P. 460–477.

Degand L., Evers-Vermeul J. Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers?: More than a terminological issue // *Journal of Historical Pragmatics*. 2015. Vol. 16, №1. P. 59–85. <https://doi.org/10.1075/jhp.16.1.03deg>.

Diewald G. Grammaticalization and pragmaticalization // *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford, 2011. P. 450–461. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199586783.013.0036>.

Endresen A. A., Janda L. A. Taking Construction Grammar one step further: Families, clusters, and networks of evaluative constructions in Russian // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. P. 1–22. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.574353>.

Endresen A., Janda L. A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. From a list into a network: Growing the Russian Constructicon via research on families of constructions // *Constructing constructicons: Issues, approaches and cross-linguistic perspectives* / ed. by A. Ziem, A. Willich, S. Michel. Amsterdam, 2025 (в печати).

Fillmore C. J. Remarks on contrastive pragmatics // *Contrastive linguistics: Prospects and problems* / ed. by J. Fisiak. Amsterdam, 1984. P. 119–141.

Fillmore C. J. Border conflicts: FrameNet meets construction grammar // *Proceedings of the XIII EURALEX international congress*. Barcelona, 2008. Vol. 4968. P. 49–68.

Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone* // *Language*. 1988. Vol. 64, №3. P. 501–538. <https://doi.org/10.2307/414531>.

Fillmore C. J., Lee-Goldman R., Rhodes R. The FrameNet constructicon // *Sign-based construction grammar* / ed. by H. C. Boas, I. A. Sag. Stanford, 2012. P. 309–372.

FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/luIndex> (дата обращения: 09.08.2024).

Givón T. Cause and control: on the semantics of interpersonal manipulation // *Syntax and Semantics*. 1975. Vol. 4. P. 59–89.

Hoffmann T., Trousdale G. *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford ; N. Y., 2013.

Janda L., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. V. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian constructicon // *Constructions and Frames*. 2023. Vol. 15, №1. P. 1–58. doi: 10.1075/cf.00066.jan.

Janda L., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E., Tyers F. M. A constructicon for Russian // *Constructicography: Constructicon development across languages* / ed. by B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara, T. T. Torrent. Amsterdam, 2018. P. 165–182. <https://doi.org/10.1075/cal.22.06jan>.

Kay P., Fillmore C. J. Grammatical constructions and linguistic generalizations: The 'What's X doing Y?' construction // *Language*. 1999. Vol. 75. P. 1–33.

Ohara K. H. Toward constructicon building for Japanese in Japanese FrameNet // *Veredas – Revista de Estudos Linguísticos*. 2013. Vol. 17, №1. P. 11–28.

Orlov A., Butenko Z., Demidova D. et al. Russian Constructicon 2.0: New features and new perspectives of the biggest Constructicon ever built // Proceedings of the International Conference "Dialogue". 2023. Vol. 2023. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2023-22-378-385>.

Pragmatics of speech actions / ed. by M. Sbisà, K. Turner. Berlin, 2013. <https://doi.org/10.1515/9783110214383>.

Rakhilina E. V., Uhlik M. Construction Grammar and Slavic // Encyclopedia of Slavic languages and linguistics online / ed. by M. Greenberg, L. Grenoble. Leiden, 2020. https://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_032441.

Rasmus Rask Studies in Pragmatic Linguistics / ed. by F. Coulmas. Mouton, 1981. Vol. 2: Conversational Routine.

Sadock J.M., Zwicky A.M. Speech act distinctions in syntax // Language Typology and Syntactic Description. 1985. Vol. 1. P. 155–196.

Searle J.R. A classification of illocutionary acts // Language in Society. 1976. Vol. 5. P. 1–23.

Sköldberg E., Bäckström L., Borin L. et al. Between grammars and dictionaries: A Swedish constructicon // Electronic lexicography in the 21st century: thinking outside the paper: Proceedings of the eLex 2013 conference, 17–19 October 2013, Tallinn, Estonia. Ljubljana; Tallinn, 2013. P. 310–327.

Torrent T.T., Meireles Lage L., Sampaio T.F., T. da Silva Tavares, E.E. da Silva Matos. Revisiting border conflicts between FrameNet and construction grammar: Annotation policies for the Brazilian Portuguese constructicon // Frames, Constructions, and Computation. 2014. Vol. 6. P. 34–51. <https://doi.org/10.1075/cf.6.1.03tor>.

Аббревиатуры

1, 2, 3 – лицо, adj – прилагательное, adv – наречие, aprt – активное причастие, art – артикль, conj – союз, cop – копула, dat – дательный падеж, f – женский род, imp – императив, inf – инфинитив, ipfv – имперфектив, m – мужской род, poss – притяжательное местоимение; prep – предлог, pron – личное местоимение, prs – настоящее время, ptcl – частица, pppt – пассивное причастие, refl – рефлексив, sbjv – сослагательное наклонение, sg – единственное число.

Об авторах

Екатерина Владимировна Рахилина, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-7126-0905

E-mail: rakhilina@gmail.com

Серафима Максимовна Гюласарян, магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Университет Ка' Фоскари, Венеция, Италия.

E-mail: gyserafima@gmail.com

Полина Андреевна Бычкова, аспирант, Университет Любляны, Любляна, Словения.

E-mail: polyatomson@gmail.com

Для цитирования:

Рахилина Е. В., Гюласарян С. М., Бычкова П. А. Прагматика в цифровую эпоху: база данных «Рутиникон» // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №2. С. 28–52. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

PRAGMATICS IN THE DIGITAL AGE:
THE ROUTINICON DATABASE

Ekaterina V. Rakhilina^{1, 2}, Serafima M. Gyulasaryan^{2, 4}, Polina A. Bychkova³

¹ Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

² HSE University,
11 Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russia

³ University of Ljubljana,
12 Kongresni Trg., 1000, Ljubljana, Slovenia

⁴ Ca' Foscari University of Venice,
Dorsoduro 3246, 30123 Venice, Italy

Submitted on 09.09.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-2

This study focuses on the Routinicon database as a digital tool for describing routines – a distinct class of formulaic phraseological units that represent reactions to or comments on standard extralinguistic situations. For instance, the formula Kogo ya vizhu! (Whom do I see!) serves as a reaction to an unexpected meeting, while Kto tam? (Who's there?) is a standard formulaic reaction to a knock at the door. The collection, classification and study of units of this kind is of undoubted interest both from the point of view of discourse theory and pragmatics, and from the point of view of the practice of mastering live spoken Russian by foreign speakers. Routinicon is a natural extension of the projects Russian Constructicon and Pragmaticon and borrows principles of data collection and data processing from the predecessor projects. At the same time, Routinicon collects phraseological units of a different type than these databases, and their description requires a fundamentally different annotation structure. The article discusses the principles and features of this annotation, as well as its potential for the intralingual classification of Russian language routines and its applicability to the corresponding material of other languages – laying the groundwork for future typological studies. Italian language examples collected by the authors are used for illustrations.

Keywords: pragmatics, constructions, routines, database, Russian language, Italian language

Acknowledgement. This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

References

Aijmer, K., 2014. *Conversational Routines in English: Convention and Creativity*. London; New York, <https://doi.org/10.4324/9781315845128>.

Ameka, F. A., 1987. Comparative analysis of linguistic routines in two languages: English and Ewe. *Journal of Pragmatics*, 11, pp. 299–326, [https://doi.org/10.1016/0378-2166\(87\)90135-4](https://doi.org/10.1016/0378-2166(87)90135-4).

- Apresyan, V.Y., 2004. *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Articles for the New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).
- Austin, J.L., 1975. *How to do things with words*. 2nd ed. Oxford.
- Balakay, A.G., 2001. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian Speech Etiquette]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).
- Baranov, A.N. and Dobrovolskij, D.O., 2008. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of Phraseology Theory]. Moscow (in Russ.).
- Baranov, A.N. and Dobrovolskij, D.O., 2022. *Osnovy frazeologii* [Basics of Phraseology]. Moscow (in Russ.).
- Barotto, A. and Mauri, C., 2018. Constructing Lists to Construct Categories. *Italian Journal of Linguistics*, 30 (1), pp. 95–134, <https://doi.org/10.26346/1120-2726-117>.
- Benigni, V., Cotta Ramusino, P.M., Mollica, F. and Schafroth, E., 2015. How to apply CxG to phraseology: a multilingual research project. *Journal of Social Sciences*, 11 (3), pp. 275–288, <https://doi.org/10.3844/jsssp.2015.275.288>.
- Boas, H.C. and Ziem, A., 2018. Constructing a constructicon for German. In: B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara and T.T. Torrent, eds. *Constructicography: Constructicon development across languages*, pp. 183–228, <https://doi.org/10.1075/cal.22.07boa>.
- Bulygina, T.V., 1982. Towards the Construction of a Typology of Predicates in the Russian Language. In: O.N. Seliverstova, ed. *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic Types of Predicates]. Moscow, pp. 7–85 (in Russ.).
- Buzanov, A., Bychkova, P., Molchanova, A., Postnikova, A. and Ryzhova, D., 2022. Multilingual Pragmatic: Database of Discourse Formulae. In: *Proceedings of the Thirteenth Language Resources and Evaluation Conference*, pp. 3331–3336.
- Bychkova, P. and Rakhilina, E.V., 2023. Towards pragmatic construction typology: The case of discourse formulae. In: A. Barotto and S. Mattioli, eds. *Discourse phenomena in typological perspective*. Amsterdam, pp. 35–63, <https://doi.org/10.1075/slcs.227.03byc>.
- Bychkova, P., Yaskevich, A., Gyulasaryan, S. and Rakhilina, E.V., 2024. Building a Database of Conversational Routines. In: *Proceedings of the 2024 Joint International Conference on Computational Linguistics, Language Resources and Evaluation (LREC-COLING 2024)*. Torino, pp. 2548–2555.
- Coulmas, F., ed., 1981. *Rasmus Rask Studies in Pragmatic Linguistics*. Vol. 2. Mouton.
- Croft, W., 1994. Speech act classification, language typology and cognition. In: S.L. Tsohatzidis, ed. *Foundations of speech act theory: Philosophical and linguistic perspectives*. London, pp. 460–477.
- Degand, L. and Evers-Vermeul, J., 2015. Grammaticalization or pragmaticalization of discourse markers?: More than a terminological issue. *Journal of Historical Pragmatics*, 16 (1), pp. 59–85, <https://doi.org/10.1075/jhp.16.1.03deg>.
- Diewald, G., 2011. Grammaticalization and pragmaticalization. In: *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford, pp. 450–461, <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199586783.013.0036>.
- Endresen, A. and Janda, L.A., 2020. Taking Construction Grammar one step further: Families, clusters, and networks of evaluative constructions in Russian. *Frontiers in Psychology*, 11, pp. 1–22, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.574353>.
- Endresen, A., Janda, L.A., Zhukova, V., Mordashova, D. and Rakhilina, E., 2025. From a list into a network: Growing the Russian Constructicon via research on families of constructions. In: A. Ziem, A. Willich and S. Michel, eds. *Constructing constructicons: Issues, approaches and cross-linguistic perspectives*. Amsterdam (in print).
- Fillmore, C.J., 1984. Remarks on contrastive pragmatics. In: J. Fisiak, ed. *Contrastive linguistics: Prospects and problems*. Amsterdam, pp. 119–141.

- Fillmore, C.J., 2008. Border conflicts: FrameNet meets construction grammar. In: *Proceedings of the XIII EURALEX international congress*. Vol. 4968. Barcelona, pp. 49–68.
- Fillmore, C.J., Kay, P. and O'Connor, M.C., 1988. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone. *Language*, 64 (3), pp. 501–538, <https://doi.org/10.2307/414531>.
- Fillmore, C.J., Lee-Goldman, R. and Rhodes, R., 2012. The FrameNet construction. In: H.C. Boas and I.A. Sag, eds. *Sign-based construction grammar*. Stanford, pp. 309–372.
- FrameNet. Available at: <https://framenet.icsi.berkeley.edu/luIndex> [Accessed 9 August 2024].
- Givón, T., 1975. Cause and control: On the semantics of interpersonal manipulation. *Syntax and Semantics*, 4, pp. 59–89.
- Hoffmann, T. and Trousdale, G., 2013. *The Oxford handbook of construction grammar*. Oxford; New York.
- Janda, L., Endresen, A., Zhukova, V., Mordashova, D. and Rakhilina, E.V., 2023. From data to theory: An emergent semantic classification based on the large-scale Russian construction. *Constructions and Frames*, 15 (1), pp. 1–58, <https://doi.org/10.1075/cf.00066.jan>.
- Janda, L., Lyashevskaya, O., Nessel, T., Rakhilina, E. and Tyers, F.M., 2018. A construction for Russian. In: B. Lyngfelt, L. Borin, K. Ohara and T.T. Torrent, eds. *Constructicography: Constructicon development across languages*. Amsterdam, pp. 165–182, <https://doi.org/10.1075/cal.22.06jan>.
- Kay, P. and Fillmore, C.J., 1999. Grammatical constructions and linguistic generalizations: The 'What's X doing Y?' construction. *Language*, 75, pp. 1–33.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 1 October 2024] (in Russ.).
- Ohara, K.H., 2013. Toward constructicon building for Japanese in Japanese FrameNet. *Veredas – Revista de Estudos Linguísticos*, 17 (1), pp. 11–28.
- Orlov, A., Butenko, Z., Demidova, D., Starchenko, V., Rakhilina, E. and Lyashevskaya, O. 2023. Russian Constructicon 2.0: New Features and New Perspectives of the Biggest Constructicon Ever Built. In: *Proceedings of the International Conference "Dialogue"*. Vol. 2023, <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2023-22-378-385>.
- Puzhaeva, S.Y., Gerasimenko, E.A., Zakharova, E.S. and Rakhilina, E.V., 2018. Automatic Extraction of Discourse Formulae from Russian Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 16 (2), pp. 5–18, <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2018-16-2-5-18> (in Russ.).
- Rakhilina, E.V. and Kuznetsova, Y.L., 2010. Grammar of Constructions: Theory, Supporters, Related Ideas. In: E.V. Rakhilina, ed. *Lingvistika konstruktivii* [Linguistics of Constructions]. Moscow, pp. 18–79 (in Russ.).
- Rakhilina, E.V. and Uhlik, M., 2020. Construction Grammar and Slavic. In: M. Greenberg and L. Grenoble, eds. *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online*. Leiden, https://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_032441.
- Rakhilina, E.V., Bychkova, P.A. and Zhukova, S.Y., 2021. Speech Acts as a Linguistic Category. Discourse Formulae. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 7–27, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.2.7-27> (in Russ.).
- Rakhilina, E.V., Zhukova, V.A., Demidova, D.A., Kudryavtseva, P.S., Rozovskaya, G.P., Endresen, A.A. and Janda, L.A., 2022. Phraseology from the Perspective of the "Russian Constructicon". *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], 2 (32), pp. 13–44, <https://doi.org/10.31912/pvrl-2022.2.2> (in Russ.).
- Sadock, J.M. and Zwicky, A.M., 1985. Speech act distinctions in syntax. *Language Typology and Syntactic Description*, 1, pp. 155–196.
- Sbisà, M. and Turner, K., eds., 2013. *Pragmatics of speech actions*. Berlin, <https://doi.org/10.1515/9783110214383>.

Searle, J.R., 1976. A classification of illocutionary acts. *Language in Society*, 5, pp. 1–23.

Sköldberg, E., Bäckström, L., Borin, L. et al., 2013. Between grammars and dictionaries: A Swedish constructicon. *Electronic lexicography in the 21st century: thinking outside the paper: Proceedings of the eLex 2013 conference, 17–19 October 2013, Tallinn, Estonia*. Ljubljana; Tallinn, pp. 310–327.

Torrent, T.T., Meireles Lage, L., Sampaio, T.F., da Silva Tavares, T. and da Silva Matos, E.E., 2014. Revisiting border conflicts between FrameNet and construction grammar: Annotation policies for the Brazilian Portuguese constructicon. *Frames, constructions, and computation*, 6, pp. 34–51, <https://doi.org/10.1075/cf.6.1.03tor>.

Yaskevich, A.A., Bychkova, P.A., Slepak, E.A. and Rakhilina, E.V., 2022. The Database of Discourse Formulae in Russian “Pragmaticon”. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2 (32), pp. 45–62, <https://doi.org/10.31912/pvrli-2022.2.3> (in Russ.).

Zalizniak, Anna A., 1992. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [Studies on the Semantics of Inner State Predicates]. Munich (in Russ.).

The authors

Prof. Ekaterina V. Rakhilina, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; HSE University, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-7126-0905

E-mail: rakhilina@gmail.com

Serafima M. Gyulasaryan, master’s student, HSE University, Moscow, Russia; Ca’ Foscari University of Venice, Italy.

E-mail: gyserafima@gmail.com

Polina A. Bychkova, PhD student, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia.

E-mail: polyatomson@gmail.com

To cite this article:

Rakhilina E. V., Gyulasaryan S. M., Bychkova P. A., 2025, Pragmatics in the digital age: the Routinicon database, *Slovo.ru: Baltic accent*, 2025, Vol. 16, no. 2, pp. 28–52. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-2.

«РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС» В ЛИНГВИСТИКЕ И В РЕЧИ

Д. О. Добровольский^{1, 2, 3}, Анна А. Зализняк^{2, 3}

¹ Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

² Институт языкознания РАН,

Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 1, стр. 1

³ Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,

Россия, 119333, Москва, ул. Вавилова, 44, к. 2

Поступила в редакцию 09.10.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-3

Рассмотрено понятие риторического вопроса, которое до сих пор не входит в инвентарь стандартных и общепризнанных лингвистических категорий, а сам термин «риторический вопрос» в лингвистических работах практически не используется. В то же время выражение «риторический вопрос» активно употребляется в речи и, как кажется на первый взгляд, в довольно широком и неопределенном смысле. Цель статьи — развести эти две сферы: лингвистику и «бытовую» речь. С одной стороны, понятие риторического вопроса получает четкое определение, что позволяет ввести этот термин в арсенал лингвистики, а с другой — описывается реальное употребление этого выражения в речи. Показано, что общий принцип употребления в речи слова «риторический» применительно к вопросу состоит в том, что этот вопрос в каком-то смысле «ненастоящий», то есть это вопрос, который производится не для того, чтобы узнать ответ. Для характеристики вопроса как риторического имеют значение два параметра: «Почему этот вопрос не требует ответа?» и «С какой целью делается это высказывание, если не с целью получить ответ?». Называя (свой или чужой) вопрос «риторическим», говорящий указывает на реализацию одного из значений этих параметров.

Ключевые слова: риторический вопрос, вопрос, ответ, коммуникативный акт, говорящий, вопросительное предложение, русский язык

Риторический вопрос в лингвистике

Понятие риторического вопроса давно обсуждается в литературе с разных точек зрения — поэтики, дидактики и собственно лингвистики. В «Поэтическом словаре» А. Квятковского термин «риторический вопрос» определяется следующим образом: «вопрос, не требующий ответа, но имеющий лирико-эмоциональное значение» (1966, с. 246). В учебных пособиях и публикациях, ориентированных на преподавание, отмечается тот признак риторического вопроса, что он не предполагает ответа. Сходные по сути определения находим в энциклопедии «Бри-танниак» и в научно-популярных источниках на разных языках. В кни-

ге Е.В. Падучевой риторический вопрос упоминается в числе «конструкций с имплицитным отрицанием», таких как *Есть из-за чего расстраиваться! От вас дождешься!* и т.п. (2013, с. 253). В монографии (Meibauer, 1986), целиком посвященной данной риторической фигуре, риторический вопрос описывается в терминах теории речевых актов как «скрытое утверждение». Более полный список признаков речевого акта риторического вопроса приводится в статье (Мостовая, 2009).

Между тем этот термин отсутствует в ЛЭС, а в РГ-80 он упоминается лишь однажды (т. 2, с. 395), в связи с обсуждением вторичных функций вопросительных предложений, и при этом оно снабжено характеристикой «так называемый», то есть авторы РГ-80 не считают его полноценным термином. Не упоминается риторический вопрос также, например, в таких фундаментальных монографиях, как (Арутюнова, 1998; Булыгина, Шмелев, 1997), где обсуждаются, в том числе, различные не прямые функции вопросительных предложений.

Одновременно выражение *риторический вопрос* активно употребляется в речи и, как кажется на первый взгляд, в довольно широком и неопределенном смысле. Мы попытались развести эти две сферы — лингвистику и «бытовую» речь, — с одной стороны, определив риторический вопрос «в узком смысле» как лингвистический термин, а с другой — описав реальное значение этого выражения в речи.

В лингвистике риторический вопрос может быть определен следующим образом:

Риторический вопрос (далее — РВ) — это либо утверждение, соответствующее отрицательному ответу на вопрос, содержащийся в общевопросительном предложении (ср.: *Пятьдесят лет — разве это старость?* = ‘это не старость’), либо утверждение, что предметная область вопросительного слова представляет собой пустое множество (ср.: *Какой русский не любит быстрой езды?* = ‘не существует такого русского, который не любит’; *Что тут поделаешь?* = ‘ничего не поделаешь’)¹.

Значение риторического вопроса в этом узком смысле реализуется в рамках определенного *коммуникативного акта*, представляющего собой попытку говорящего выразить — и, по возможности, навязать слушающему — *свое убеждение относительно устройства некоторого фрагмента мира*². Ср. (здесь и далее примеры со ссылками в квадратных скобках взяты из НКРЯ: www.ruscorpora.ru):

(1) — Однако! Я чувствую, что после водки вы пили портвейн! Помилуйте, да *разве это можно делать!* — Я хочу вас попросить, чтоб это осталось между нами, — заискивающе сказал Степа [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)].

¹ Заметим, что на письме РВ не обязательно сопровождается вопросительным знаком: предложение может заканчиваться восклицательным знаком, многоточием или даже точкой.

² РВ как инструмент убеждения собеседника может использоваться, в частности, в полемическом диалоге; ср.: (Шаронов, 2021).

В (1) *да разве это можно делать!* — это РВ³: говорящий выражает свое убеждение, что пить портвейн после водки нельзя. И реакция Степы *Я хочу вас попросить, чтоб это осталось между нами* свидетельствует о том, что попытка говорящего передать слушающему это убеждение оказалась успешной.

Убеждения, передаваемые при помощи РВ, бывают трех типов: *квалифицирующие* (какой из него ученый?), *деонтические* (как можно не помочь брату?) и *констатирующие* (кому нужны чужие дети?). Первые два типа убеждений представляют собой ценностные суждения, которые говорящий пытается навязать слушающему при помощи РВ. Убеждения третьего типа отражают представления говорящего о реальном устройстве мира; см. подробнее: (Добровольский, Зализняк, 2025). При этом существенно, что свои убеждения говорящий пытается передать собеседнику косвенным образом — что и обеспечивает риторическому вопросу большую эффективность по сравнению с обычным утверждением, и определяет специфику соответствующего коммуникативного акта. Особенностью коммуникативного акта РВ является также то обстоятельство, что, высказывая свое представление о мире в форме РВ, говорящий подает его как такое, которое *должно быть очевидно каждому* — притом что это может быть, в том числе, достаточно нетривиальное требование, и произносится РВ обычно именно в такой ситуации, когда собеседник (или кто-то еще) его не знает или не выполняет, ср. пример (1).

Соответственно, РВ не только не предполагает, а *не допускает* ответа. Если в качестве реакции на РВ следует ответ, то коммуникативный акт РВ, задуманный говорящим, терпит неудачу. Ср. следующий пример (из фильма «Кто ты?», реж. А. Матешко, 2018):

(2) Следователь допрашивает обвиняемого в убийстве, тот говорит: «Я создал ее. Она — мое творение. *Как я мог ее убить?*» Следователь отвечает: «Клюшкой для гольфа. Сзади, ударом по голове».

На риторический вопрос подозреваемого следователь отвечает, как если бы это был обычный вопрос — что разрушает коммуникативный акт, имплицитный риторическим вопросом, и создает эффект языковой игры.

При таком понимании «риторический вопрос» представляет собой полноценный лингвистический термин, характеризующий вполне определенное языковое значение, выражаемое конкретным набором языковых средств. В русском языке есть конструкции вопросительного предложения, которые употребляются исключительно или преимущественно в риторическом вопросе. Например, вопросы с *разве* в квалифицирующем контексте (*Разве это Х?*), конструкция *какой из него Х?*,

³ О риторических вопросах с *разве* см. подробнее (Булыгина, Шмелев, 1997, с. 272; Zalizniak, 2024).

кому охота + Inf; конструкция как можно не + Inf, о каком X-е можно говорить и некоторые другие — это всегда РВ, см. подробнее: (Добровольский, Зализняк, 2022; 2025). РВ может выражаться также и другими конструкциями вопросительного предложения, если это соответствует намерению говорящего. Например, *Заменит ли искусственный интеллект живого человека?* может быть как обычным вопросом, так и РВ, в зависимости от убеждений говорящего.

Риторический вопрос в речи

Итак, мы определили риторический вопрос как лингвистический термин. При этом словосочетание *риторический вопрос*, и особенно само слово *риторический* как характеристика уже заданного (или задаваемого) вопроса, широко используется в русском языке, причем, как правило, в ином значении.

Словосочетание *риторический вопрос* вошло в русский язык в начале XX века. По данным НКРЯ, первые примеры употребления приходятся на 1910-е годы (рис.).

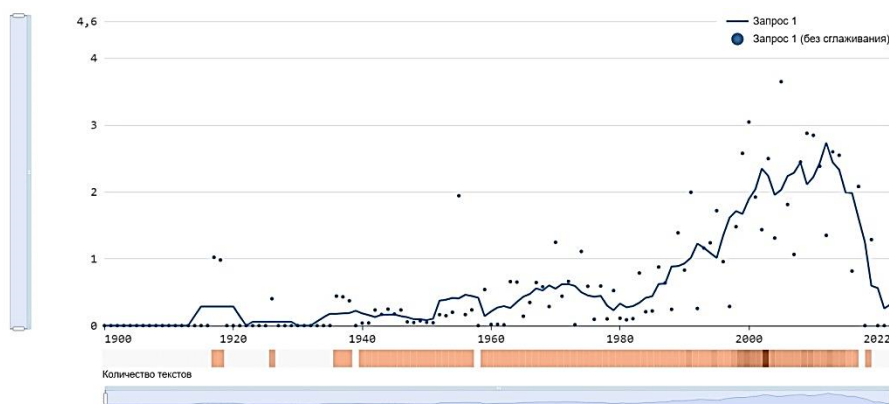

Рис. Распределение результатов поиска по основному корпусу НКРЯ по леммам *риторический* и *вопрос* с расстоянием от -3 до 3 с 1900 по 2022 год

В XVIII и XIX веках это словосочетание не встречается, хотя само слово *риторический* было широко употребительно применительно к разным существительным (*фигура, правила, украшения* и т. п.) в значении 'относящийся к риторике', то есть к науке о правильном построении речи. При этом уже в начале XIX века у слова *риторический* появляется компонент отрицательной оценки, связанный с тем, что это нечто, не касающееся существа дела, а служащее исключительно для украшения речи и тем самым «ненастоящее, неискреннее». Ср.:

(3) О женщины! Какою непостижимою, магическою силою вы повелеваете нами! Один ваш взор — и земля кажется нам адом; один ваш взор — и все превращается в долину Темпейскую; один ваш взор — и великие дела удивляют вселенную! Могущественные волшебницы! Для вас нет ничего

невозможного! Читатель! Не считай этих слов *пустою риторической фигурой*; загляни в историю — и ты увидишь, что говорю истину; спроси свое сердце и скажи, если ты любил и любил страстно, справедливы ли слова мои? [Неизвестный. Модест и София (1810)].

Значение слова *риторический* как чисто словесный, противопоставленный сущностному, содержательному, то есть 'ненастоящий, мнимый, искусственный' актуально и для современного языка; ср.:

(4) Общеизвестно: население Дальнего Востока уменьшается. Ни перемещением чиновничьих штаб-квартир, ни *риторической активностью*, ни бумажными мерами эту проблему не решить [В. Авченко. Зияющие высоты «поворота на восток» (2019)].

(5) Вчера цитировалось письмо Роже, в котором говорится, что Солженицын мужественно остался на Родине, когда ему предложили уехать. Ну, тут он не разобрался: *предложение* было пока *чисто риторическое* [Л. К. Чуковская. Александр Солженицын (1962—1995)].

(6) Работая над своей второй пьесой, «Страницы жизни», я стал эту жизнь изучать и попробовал списать главного персонажа с реального лица. Получилось что-то *риторическое* и фанерное. А рядом в пьесе действовал выдуманный персонаж. Он-то и оказался живым. Именно о нем меня спрашивали, где я его взял: «Ну точно как в жизни!» [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960—2000)].

Тем самым у слова *риторический* имеются два разных значения: 'относящийся к риторике' и 'ненастоящий / не имеющий практического смысла'. В речи в словосочетании *риторический вопрос* слово *риторический* используется во втором значении, а значение всего выражения, как уже было сказано, не совпадает с тем определением риторического вопроса как лингвистического термина, которое было предложено выше.

Общий принцип употребления в речи слова *риторический* применительно к вопросу состоит в том, что этот вопрос в каком-то смысле «ненастоящий», то есть это вопрос, который производится *не для того, чтобы узнать ответ*. При этом автором характеристики заданного вопроса как «риторического» может быть как сам человек, задавший вопрос, так и его собеседник. Основания назвать вопрос «риторическим» у автора вопроса и его собеседника (стороннего комментатора) могут быть различными — см. ниже.

Для характеристики вопроса как «риторического» имеют значение два параметра.

Параметр 1: «Почему этот вопрос не требует ответа?». Причина, по которой данный вопрос не требует ответа, может состоять в том, что автор характеристики «риторический» считает, что:

- 1.1. Ответ очевиден всем.
- 1.2. Ответ известен автору вопроса.
- 1.3. Ответ неизвестен никому.
- 1.4. Ответ не имеет никакого значения.
- 1.5. Автор вопроса не нуждается в ответе⁴.

⁴ Заметим, что эти признаки восходят к условиям успешности речевого акта вопроса по (Searle, 1969), но не совпадают с ними полностью.

При наличии какого-либо из этих признаков любой вопрос может быть назван «риторическим».

Параметр 2: «С какой целью делается это высказывание, если не с целью получить ответ?». Согласно предложенному нами определению, риторический вопрос (РВ) — это высказывание, которое делается с целью выразить свое убеждение относительно устройства мира и по возможности передать его собеседнику. В речи, как показал наш анализ, «риторическими» могут быть названы также вопросы, имеющие другие коммуникативные цели, в том числе:

- 2.1. Высказать упрек или предъявить обвинение.
- 2.2. Проявить участие; поддержать, утешить.
- 2.3. Скрыть свою осведомленность.
- 2.4. Доказать свою правоту «от противного».
- 2.5. Пошутить или поиздеваться над собеседником.

Вопросительные высказывания, преследующие эти цели, могут обладать также одним из признаков параметра 1. Так, признаки 2.2 (проявить участие) и 2.3 (скрыть свою осведомленность) предполагают наличие признака 1.2 (говорящий знает ответ), а признаки 2.4 (доказать свою правоту) и 2.5 (пошутить, поиздеваться) предполагает наличие признака 1.1 (ответ очевиден всем).

Отметим, что вопросы, заданные с иными коммуникативными целями (выразить сожаление об утраченном благе; нетерпение получить желаемое; раздражение, вызванное чьими-то поступками и т.д.) «риторическими» названы быть не могут. Не являются они и РВ — в том узком смысле, который был определен выше. Ср.: *Куда ты скачешь, гордый конь, / И где опустишь ты копыта?; ...куда вы удалились, / Весны моей златые дни?; Когда же все это кончится?; Куда ты пропал?; Куда прешь?; Чего ты творишь?; Сколько можно повторять, что...?*

Приведем примеры использования в речи характеристики *риторический* по отношению к заданному или задаваемому вопросу на основании перечисленных выше значений параметров 1 и 2.

1. «Почему этот вопрос не требует ответа?».

1.1. Ответ очевиден всем.

Самой распространенной причиной назвать вопрос «риторическим» является то, что отрицательный ответ на этот вопрос, по мнению автора оценки (чаще всего он же — автор вопроса), очевиден всем. В этом случае «риторическим» говорящий может назвать свой вопрос, который является РВ согласно его коммуникативному намерению, но формально это никак не выражено, поскольку вопросительное предложение такой конструкции может быть и обычным вопросом. То, что этот вопрос является РВ (то есть выражает утверждение, соответствующее отрицательному ответу) обычно однозначно следует из содержания высказывания. Ср.⁵:

⁵ Здесь и далее в примерах мы выделяем полужирным курсивом выражение «риторический вопрос» и курсивом — сам вопрос.

(7) По сути дела, мэр Саратова совершил противоправный акт — по-творствовал нарушителю закона, при этом пытаясь оправдать незаконные действия «благими намерениями». *К лицу ли это такому высокому должностному лицу, как мэр города? Вопрос риторический*, за которым уважающий свою репутацию человек подает в отставку [А. Свешников. Дело о городской земле // Богатей (2003)].

(8) Можно ли считать благополучной страну, в которой ВВП растет, а население вымирает? — *вопрос*, наверное, *риторический* [А. В. Юревич. Динамика психологического состояния современного российского общества // Вестник РАН (2009)].

(9) Позвольте, скажет любой нормальный человек, как, находясь в тюрьме и не зная даже о дате рассмотрения дела, можно представить какие-либо доказательства? Я понимаю, что *вопрос риторический*, но, даже не вдаваясь в другие детали, только одного этого факта достаточно, чтоб сделать вывод: кто-то в этом очень заинтересован, а наш суд и правоохранители любыми средствами помогают заинтересованному лицу реализовать свои желания [И. Шадаев. Нет смысла рассуждать о законе // Однако (2010)].

(10) Во время публичных гонений на Сахарова, ставшего в 1970-х годах одним из лидеров отечественного правозащитного движения, Игорь Николаевич был на его стороне. Более того, в 1971 г. он поздравил Андрея Дмитриевича с 50-летием и пожелал успехов в его деятельности. *Легко ли было это сделать в тот момент, когда советская пресса и некоторая часть академического сообщества уже начала беспрецедентную, массированную кампанию против академика? Вопрос риторический* [М. Хализева. Судьба и магия таланта // Наука в России (2013)].

(11) Однажды компания «Дамате» устроила для преподавателей местной сельхозакадемии экскурсию по своему суперсовременному молочному комплексу. И оказалось, что доильную систему «карусель» и другие технологии подобного уровня они видели впервые в жизни. *Чему там могут научить студентов и кому нужны их технологически отсталые ученики? Конечно, это вопрос риторический <...>* [Н. Бабаев, Т. Юрасова. России нужна реформа аграрного образования // Эксперт (2015)].

Во всех этих примерах комментариев *вопрос риторический* равнозначен отрицательному ответу на этот вопрос (к лицу ли...?, можно ли...? как можно...? легко ли было...? чему могут научить? — не к лицу; нельзя; нелегко, ничему), но в отличие от соответствующего прямого утверждения он имплицитно утверждает, что это *очевидно каждому*. Именно этот смысл имеет в виду говорящий, называя свой вопрос «риторическим».

Степень очевидности отрицательного ответа может быть различной. Так, в примерах (12) и (13) отрицательный ответ не столь очевиден, как в примерах (7–11) выше.

(12) Заменит ли демонстрация выставочных образцов обучение на практике — *вопрос риторический* [Н. Бабаев, Т. Юрасова. России нужна реформа аграрного образования // Эксперт (2015)].

(13) ...В странное время мы живем или в страшное, не знаю. Впрочем, когда же мы жили в другое время? *Риторический вопрос!* [М. Желнавакова. Письма Н. С. Фуделю (1987–1997) // Альфа и Омега (1999–2000)].

А, например, в (14) вопрос *кто профинансирует создание аптечных организаций?* сам по себе понимается как обычный. То, что говорящий имеет в виду «никто», он эксплицирует с помощью эпитета *риторический*.

(14) — У меня есть *риторический вопрос*: *кто это будет все выполнять*, — говорит он, — *и кто профинансирует создание аптечных организаций?* [К. Журенков. Лекарство для бедных? // Огонек (2015)].

Когда автором характеристики «риторический» является не сам автор вопроса, а его собеседник или некоторый сторонний комментатор, то так может быть назван любой по форме вопрос, в том числе и «классический» РВ:

(15) Например, в одном из городов прямо в фойе швейного ателье я нашел агентство «Ателье-тур». Небольшое помещение, стол, за которым сидит менеджер. Возят, разумеется, в Турцию. Это неплохо, но *о каком качестве сервиса можно говорить в таких агентствах?* — задает *риторический вопрос* Михаил Лапшин [И. Токманцева. Выезд с ограничениями // Одноко (2009)].

Если «риторическим» называется вопрос, отрицательный ответ на который очевиден, то «не риторическим» называют вопрос, ответ на который может быть предметом дискуссии, ср. (16):

(16) В описываемом году латышский режиссер Юрис Подниекс снял документальный фильм «*Легко ли быть молодым?*». *Отнюдь не риторический вопрос* вызвал ожесточенную дискуссию. Группа маститых писателей — Василий Белов, Валентин Распутин, Юрий Бондарев — подвергла картину уничтожающей критике в «Правде». Многим другим фильм понравился, и годом позже ему присудили Государственную премию. Те, кто помнит себя в молодости и может оценить изменившийся мир, признают: быть молодым нелегко [В. Быков, О. Деркач. Книга века (2000)].

При этом существует класс РВ, которые в речи не могут быть названы «риторическим вопросом». Это сформулированные говорящим в форме вопроса утверждения, касающиеся его личных вкусов, пристрастий и привычек, которые он пытается выдать за норму, ср.: *Разве можно не любить фильмы Тарантино?*; *Как можно пить чай с сахаром / без сахара?* *Как современный человек может жить без смартфона?* и т.п. Такие высказывания обычно производятся как раз в ситуации, когда кто-то этих установок не придерживается (ср. пример (1) выше); произнося такой РВ, говорящий представляет свое личное мнение как нечто очевидное, и именно эта подмена составляет суть данной риторической фигуры. Такое коммуникативное намерение, естественно, не может быть эксплицировано: употребление эпитета *риторический* автором вопроса в этой ситуации было бы своего рода «иллюкутивным самоубийством» (по (Vendler, 1976; рус. пер.: Вендлер, 1985)). А сторонний комментатор не может назвать такой вопрос *риторическим* потому что он содержит утверждение, которое не обладает признаком «очевидно всем».

1.2. Ответ известен автору вопроса.

В этом случае характеристику «риторический» дает обычно внешний комментатор, ср. (17), (18):

(17) На пороге стоял папа, но заходить не спешил. — *Что это?* — строго спросил он, указывая на замок с наружной стороны. Я промолчал. **Вопрос**, как говорит мама, *риторический*. В замке торчал мой ключ вместе с ленточкой и привязанными к ней часами [А. В. Жвалевский, Е. Пастернак. *Время всегда хорошее* (2009)].

В (17) папа видит в двери забытый сыном ключ, тем самым ответ на вопрос «Что это?» ему известен.

(18) После этого происшествия у нас было объяснение. — *Кто руководитель театра? Вы или я?* — холодным тоном спросила Наталья Ильинична. **Вопрос был риторический**, и я спокойно ответил: — Конечно, вы. Но если я вам не нравлюсь, я завтра сяду в поезд и уеду в Москву. На этом наше объяснение закончилось [В. Розов. *Удивление перед жизнью* (1960 — 2000)].

В примере (18) автор вопроса тоже знает ответ; как и в (17), говорящий задает свой вопрос с целью высказать свое неудовольствие поведением слушающего.

1.3. Ответ неизвестен никому.

(19) Этот *риторический вопрос*, по-видимому, так навсегда и останется *риторическим* — почему, о господи, ну почему умные и прекрасные женщины так любят негодяев?! [Е. Съянова. Лей — обольститель немецкого рабочего класса // *Знание — сила* (2005)].

Навсегда останется риторическим означает, что (как считает автор вопроса) ответа на него мы никогда не получим. Ср. также (20), (21):

(20) Хлеб пшеничный: круглый большой, длинные батоны, галеты, хлебные шарики... «Лапша, макароны, лазанья отмечены еще в раннем средневековье». «Рожь мало ценили». Впрочем, известный Ф. Бродель показывал, что во Франции «на первом месте была рожь»; пшеничную муку смешивали с ржаной или добавляли гречиху, ячмень, горох и так далее. **Риторический вопрос**: когда же историки договорятся? [А. Савинов. «Средневековье заново»: что открывает Робер Фосье? // *Знание — сила* (2014)].

(21) Я вдруг обнаружил себя в самом центре того варева, где зарождается и шлифуется особый дальневосточный автомобильный жаргон. Я собственными ушами уловил ответ на старый *риторический вопрос* о том, кто сочиняет анекдоты. Я увидел, что все эти словечки, среди которых попадаются подлинные перлы остроумия, придумываются и распространяются самыми обычными, грубоватыми, даже не читающими, но порой на редкость чуткими к языку людьми [В. О. Авченко. *Правый руль* (2009)].

Выражение *старый риторический вопрос* указывает на то, что ответ на этот вопрос люди давно ищут и не находят.

1.4. Ответ не имеет никакого значения.

(22) *А какие альтернативные моющие средства из натуральных компонентов вы можете назвать? <...>* Считаю **вопрос**, поднятый в этой теме, **риторическим**. Все курильщики знают, что курить вредно, но продолжают это делать. Все знают, что сорить — плохо, но с завидным постоянством продолжают забивать мир отходами с длительным периодом полураспада. Так же и все, читавшие эту тему, грустно покачают головой, впелят свое дежурное «да» в опросе и пойдут дальше стирать «тетей асей» [Форум: Моющие средства (альтернатива) (2010)].

Комментатор назвал вопрос «риторическим», потому что он считает, что даже если люди узнают, какие есть экологические моющие средства, они все равно не будут их применять.

Соответственно, называя свой вопрос «не риторическим» говорящий не просто предлагает подумать над ответом, а ставит проблему, которую надо решить. «Ответом» на такой вопрос является принятие конкретных мер для решения проблемы. Ср.:

(23) *Вопрос, как создать равные для всех условия конкуренции, не риторический*. Видимо, правительство намерено заняться этим после принятия законов [Получив закон, правительство начнет чесать затылки — как все это осуществить // Газета (2003)].

(24) *<...>* А вот второй корневой вопрос «Что делать?» для нас **не риторический**, а сугубо личный, вопрос на выживание. «Что делать?», то есть как прорваться, как выжить? И наш человек обязательно выкручивается и пропывается. Русские всегда были способны к мобилизации [В. В. Михальский. Река времен. Ave Maria // Октябрь (2010)].

(25) Великий основатель города на Неве Петр Первый положил много сил, чтобы Россия хотя бы отчасти перестала быть страной дураков. А вот с дорогами и поныне дело обстоит неважно даже в крупных столичных регионах, а уж в глубинке и того хуже. Но *не пора ли, наконец, решительно взяться за эту беду — дорожную?* Ответом на этот **отнюдь не риторический вопрос** стал проект «Дорога — наша жизнь» [Дороги жизни нашей // Строительство (26.05.2003)].

1.5. Автор вопроса не нуждается в ответе.

Характеристика «риторический» в этом случае обычно принадлежит комментатору.

(26) Певица развела руками, кажется, извиняясь за то, что ей приходится объяснять такие простые, любому коштыру очевидные вещи. — Кстати, многие свои стихи Народный Вожатый посвятил мне. *Хотите, прочту какое-нибудь из них?* **Вопрос** был явно **риторическим** — она начала читать прежде, чем Олег успел кивнуть [Е. Чижов. Перевод с подстрочника (2012)].

Певица не дала Олегу возможность ответить, потому что осуществление намерения прочесть посвященные ей стихи она не ставила в за-

висимость от желания слушающего. Иными словами, в этом и подобных случаях автор вопроса не нуждается в ответе, в том числе в поддержке собеседником своего намерения. Ср. (27):

(27) Вопрос про кефаль он бросал нам так, для затравки, чтобы показать свое превосходство, а самоутвердившись, переходил к главной теме — к теме социальной справедливости. Для этой темы у него был припасен другой вопрос, более личный: «Ты в тюрьме сидел?» — спрашивал он каждого из нас, но, как оказалось, и этот *вопрос* тоже был *риторический*. Целью его был рассказ о себе: «А я сидел, — отзывался Рыбнадзор, независимо от полученного ответа. <...>» [Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975 — 2003)].

В примере (28) представлена особая риторическая фигура, когда говорящий высказывает свою мысль в форме вопроса и сразу следующего за ним ответа, ср. известную из очерка М. Горького оценку В. И. Лениным творчества Льва Толстого: «Кого в Европе можно поставить рядом с ним?» — и сам себе ответил: «Некого». В (28) автору вопроса не нужен ответ, поскольку ответ у него уже имеется, и именно его он хочет внушить адресату: «Не видели, потому что таких людей нет». То есть это РВ по замыслу говорящего, а внешний комментатор эксплицирует этот замысел.

(28) У людей попроще до сих пор случаются религиозные конфликты — но возникают они обычно на социальном дне, когда одна нищая толпа идет громить другую. Но *разве вы видели хоть кого-нибудь из хозяев современного человечества, переживающего по поводу своей посмертной судьбы?* Вопрос Улла наполнял самоуважением: он обращался к нам как один вечный наблюдатель жизни к другим существам той же высокой природы. Класс, впрочем, молчал. *Вопрос* был *риторическим*. — Нет, — продолжал Улл. — Не видели. <...> Уже много веков человеческая элита ведет себя так, словно для нее вопросы загробного воздаяния не играют никакой роли [В. Пелевин. Бэтман Аполло (2013)].

Соответственно, характеристика «не риторический» означает, что автор вопроса ожидает ответ, ср. (29), (30):

(29) <...> Будем считать ваш вопрос риторическим. — Хорошо, но теперь *вопрос не риторический*: как собирается отмечать еврейский Новый год? — Пока не знаю. Может, в гости к кому пойду [А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)].

В примере (29) на предыдущий вопрос говорящего собеседник не ответил, поэтому следующий свой вопрос говорящий назвал «не риторическим», чтобы подчеркнуть, что он хочет получить ответ.

(30) [Евгения, жен, 18, 1989, студент] Да как так вообще получилось / что ты Константин? Это / кстати / *не риторический вопрос*. [Константин, муж,

18, 1989, студент] Хм... Назвали / наверное... Я думаю так... А / может / на пробирке было написано. [Евгения, жен, 18, 1989, студент] А может быть ты и не Константин вовсе? [Разговоры ульяновских студентов (2007)].

В (30) говорящий, обозначая свой вопрос как «не риторический», настаивает на получении ответа (так как собеседник может подумать, что это был вопрос «риторический», то есть такой, на который не нужно отвечать).

Возможны, кроме того, какие-то особые ситуации. Так, в примере (31) основанием для характеристики «риторический» является тот факт, что ответить на вопрос некому, при этом ответ известен лишь внешнему комментатору.

(31) Вскоре ее борт поравнялся с причалом, на теплоходе запустили бортовые винты. — *Эй, на берегу! Кто там швартовы примет?* — окрикнул немолодой матрос с палубы. Я оглянулся, но вокруг никого не увидел. **Вопрос** матроса был *риторическим*. — Бросай! — ответил я [Д. Ульянов. Инопланетяне (2007) // Волга (2012)].

Заметим, что в описываемой ситуации коммуникативный акт матроса, задавшего настоящий вопрос, в результате оказался успешным, так что сам он ни в какой момент не назвал бы свой вопрос «риторическим».

2. «С какой целью делается это высказывание, если не с целью получить ответ?»

2.1. Высказать упрек или предъявить обвинение.

В (32) собеседник упрекает автора вопроса в неискренности: в том, что он частично знает на него ответ; отсюда характеристика вопроса *немножко риторический*.

(32) Ты спрашиваешь, *как нам быть*. Хороший **вопрос**, правда *немножко риторический*. Ведь для себя ты вполне определилась, откуда же это «нам»? [Е. Завершнева. Высотка (2012)].

В (33) говорящий, называя вопрос «зачем» *риторическим*, хочет обвинить тех, кто разрушает старые здания и сложившуюся инфраструктуру города, в том, что они это делают, чтобы получать прибыль от своей застройки.

(33) Этот город уже давно всеми силами пытаются превратить в «город, в котором ничего нет». *Зачем* — **вопрос**, похоже, *риторический*. Но многие уже называют его именно этим именем, спешно позабыв все остальные имена. Ведь горят при загадочных обстоятельствах или попадают под снос по официальным бумагам старые дома — вместо них появляется многоэтажное неназываемое, тенистые деревья успешно заменяются на пни или уродливые обрубки... [Е. Мачульская. Песни белого города // Менестрель (2015)].

В (34) вопрос *Сколько кому-то заплатили* — это обвинение в коррупции; причем это обвинение подается говорящим в форме презумпции частного вопроса и оказывается коммуникативно более эффективным, чем прямое обвинение, которое еще надо было бы доказать.

(34) *Сколько мировая наркомафия должна была заплатить, например, миллиардеру Ричарду Брэнсону (владельцу корпорации Virgin) — вопрос риторический* [М. Швейц. Реабилитация травы // Русский репортер (2011)].

В (35) говорящий, называя вопрос *риторическим*, хочет выразить упрек премьер-министру в нерациональном расходовании денег.

(35) Я вот хотел бы вам, Сергей Владиленович, задать *риторический вопрос*: сколько может стоить прием в Кремле двух тысяч человек по случаю 200-летия Пушкина? [Кириенко можно? [Распечатка звонков на прямую линию с С. В. Кириенко] // Коммерсантъ-Власть (1999)].

В (36) вопрос назван «риторическим» потому что ответ («ни за какие заслуги», то есть незаслуженно) всем очевиден; коммуникативная цель автора характеристики «риторический» — предъявить обвинение. Сюда же относится пример (17) про оставленный в двери ключ, где истинная цель говорящего — высказать упрек, осуждение.

(36) И в то же время, наверное, в самый раз задать *вопрос*, ставший уже *риторическим*: за какие такие заслуги наши новоиспеченные миллиардеры получили такую сказочную, другого слова не подберешь, ренту? [В. Лихачев. О миллиардерах, нефти и Матвиенко // «Встреча» (Дубна; 2003)].

2.2. Проявить участие; поддержать, утешить.

Такие вопросы часто ощущаются самим говорящим как «неискренности». Ср. (37), (38):

(37) «Так чем вам можно помочь?» — написал еще раз Анатолий Васильевич. И тут же ему стало стыдно за свой *вопрос. Риторический*. Такие задают для успокоения собственной совести [В. Пеунов. Дело принял адвокат (1978)].

В (37) непосредственная коммуникативная цель — проявить участие. Говорящий назвал этот вопрос *риторическим* потому что понимает, что помочь ничем нельзя, и тем самым этот вопрос — неискренний. Говорящему *стыдно*, потому что он задает этот вопрос для *успокоения собственной совести*.

(38) Она прикусила нижнюю губу и сморщила лоб. — Не расстраивайся... — начал я, но она резко выпрямилась и исчезла в толпе. — ...на фига он нам вообще нужен? — договорил я в пустоту. Правда, это был скорее *риторический вопрос*. Сережа явно нужен был нам обоим [А. Геласимов. Год обмана (2003)].

В примере (38) вопрос *на фига он нам вообще нужен?* — это типичный РВ. Однако в данном случае говорящий называет свой вопрос *риторическим* не потому, что этот вопрос на самом деле представляет собой утверждение ('он нам не нужен') и тем самым является РВ, а потому, что он этого убеждения не разделяет, то есть его высказывание является неискренним. Коммуникативная цель этого вопроса — поддержать, проявить участие, утешить собеседника, ср. *Не расстраивайся...* Этот пример ясно показывает различие между лингвистическими и «интуитивными» основаниями отнесения вопроса к категории риторических. С лингвистической точки зрения этим основанием является то, что по значению это не вопрос, а утверждение. С точки зрения практической коммуникации причина не в этом, а в том, что человек, сделавший это высказывание, говорил не то, что думает.

2.3. Скрыть свою осведомленность.

(39) Заодно хотел спросить: что это вы меня совсем не вызываете? *Неужели никаких следственных действий с участием моего подзащитного не проводится?* **Вопрос** был **риторическим**: Виталий Николаевич исправно посещал Ламзина в следственном изоляторе и прекрасно знал ответ [А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)].

В примере (39) вопрос с *неужели* назван «риторическим», потому что он выражает удивление, которое в данном случае является неискренним, поскольку автор вопроса знает ответ. Вопрос был задан, очевидно, для того, чтобы скрыть это свое знание.

2.4. Доказать свою правоту «от противного».

Очевидная абсурдность содержащегося в вопросе предположения доказывает «от противного» правоту говорящего, ср.:

(40) Не совсем ясным оказалось для законодателей и требование о безупречной репутации кандидата в судьи. «Если претендент развелся с женой — это как расценивать? Достоин он быть судьей или нет? А если кандидат признается, что начал курить еще в школе, то его уже не утвердят?» — сыпал **риторическими вопросами** вице-спикер Владимир Жириновский [А. Садчиков. Разведенный и курящий. Судьи станут здоровыми, а адвокаты — свободными // Известия (2001)].

(41) Мол, активисты компартии, заподозрив неладное, могут установить круглосуточное дежурство на кладбище, возле семейного захоронения Ульяновых, и попытаться устроить беспорядки. Другая часть кремлевских советчиков сильно в этом сомневается. По их мнению, в таком случае красные экстремисты будут выглядеть довольно глупо. Один из них засыпал корреспондента «Власти» **риторическими вопросами**: «Что они, попытаются с боями отобрать у похоронной команды урну с прахом? А потом насильно водворить эту урну обратно в Мавзолей? Или прятать останки на конспиративных квартирах?» [А. Лебедев. Прощания не будет // Коммерсантъ-Власть (1999)].

2.5. Пошутить или поиздеваться над собеседником.

Прагматика риторического вопроса часто включает механизм иронии, ср:

(42) Через полминуты на кухню как-то очень вальяжно заглянули два человека с автоматами. — *Чайку решили попить, граждане грабители?* — задали **риторический вопрос** автоматчики. Коротко осмотрев квартиру, Главный подвел итог: — Все самое ценное собрано в коридоре и упаковано. Сработано быстро и профессионально [К.Л. Селиверстов. 12 с половиной, или Моя жизнь в чистом искусстве // Волга (2011)].

В этом примере вопрос автоматчиков, взявших грабителей с поличным, назван «риторическим», поскольку содержащееся в нем предположение настолько очевидно противоречит фактам, что такой вопрос может быть задан только в шутку.

Некоторые выводы

Итак, «риторический вопрос» как лингвистический термин и характеристика заданного вопроса как *риторического* в практической коммуникации — очень разные вещи. В лингвистике РВ — это утверждение, высказанное в форме вопроса, не допускающего ответа и выражающее убеждение говорящего об устройстве некоторого фрагмента мира, которое он хочет навязать собеседнику, представив его как очевидное. В речи употребление эпитета *риторический* по отношению к своему или чужому вопросу регулируется иными принципами: «риторическим» часто называют вопрос, который не является РВ в строгом смысле; более того, РВ может быть назван *риторическим вопросом* не потому, что это не вопрос, а утверждение, а по совершенно другой причине (например, потому что он является неискренним). И наоборот, как раз самые типичные РВ (выражающие индивидуальные убеждения и пристрастия говорящего, типа *Разве можно пить чай с сахаром?*) в речи вряд ли могут быть названы *риторическими*. РВ может быть охарактеризован автором вопроса как *риторический* только в том случае, когда по своей форме он в принципе может быть понят как обычный (ср.: *Замечает ли искусственный интеллект живого человека?*) — даже если по содержанию очевидно, что говорящий имеет в виду ответ «нет».

В данной статье мы попытались описать те условия, при которых в бытовой коммуникации вопрос может быть назван *риторическим* — самим автором вопроса или внешним комментатором. Было показано, что «общим знаменателем» для употребления этой характеристики является представление, что этот вопрос «ненастоящий», но при этом конкретные семантические и прагматические условия, в которых возникает этот эпитет, могут быть весьма различны.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.
Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 238–250.

Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. О понятии риторического вопроса // Wiener Slawistischer Almanach. Berlin, 2022. Linguistische Reihe, Sbd. 101 / hrsg. von L. Iomdin, J. Milićević, A. Polguère. P. 139–146.

Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. Риторический вопрос как коммуникативный акт // Вопросы языкознания. 2025. №1. С. 7–35. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2025.1.7-35>.

Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Мостовая Л. А. Риторический вопрос в группе косвенных речевых актов // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. №4. С. 39–45.

Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М., 2013.

РГ-80 – Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 2 : Синтаксис.

Шаронов И. А. Формирование коммуникативов из риторических вопросов // Cuadernos de Rusística Española. 2021. №17. P. 53–66. <https://doi.org/10.30827/cre.v17.20929>.

Meibauer J. Rhetorische Fragen. Tübingen, 1986.

Searle J. Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969.

Vendler Z. Illocutionary suicide // Issues in the philosophy of language. Yale Univ. Press, 1976, p. 135–145.

Zalizniak Anna A. The Russian interrogative particle *razve*: the pragmaticalization path // Pragmaticalization: Language change between text and grammar / ed. by E. Graf, U. Schweier. Berlin ; Boston, 2024. P. 375–391.

Об авторах

Дмитрий Олегович Добровольский, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0003-4531-6968

E-mail: dobrovolenskij@gmail.com

Анна Андреевна Зализняк, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-6249-9829

E-mail: anna.a.zalizniak@gmail.com

Для цитирования:

Добровольский Д. О., Зализняк Анна А. «Риторический вопрос» в лингвистике и в речи // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №2. С. 53–70. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-3.

“RHETORICAL QUESTION” IN LINGUISTICS AND SPEECH

Dmitrij O. Dobrovolskij^{1, 2, 3}, Anna A. Zalizniak^{2, 3}

¹ Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 Bolshoy Kislovskiy Per., Moscow, 125009, Russia

³ Institute of Informatics Problems, Federal Research Centre "Computer Science and Control"
of the Russian Academy of Sciences,
44 – 2 Vavilov St., Moscow, 119333, Russia

Submitted on 09.10.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-3

The article examines the concept of the rhetorical question, which – quite surprisingly – is still not part of the standard and widely recognized inventory of linguistic categories, and the term ‘rhetorical question’ is rarely used in linguistic studies. At the same time, the expression ‘rhetorical question’ is actively employed in discourse, and, at first glance, seems to be used in a rather broad and undefined sense. The goal of this article is to distinguish between these two fields: linguistics and everyday speech. On the one hand, the concept of a rhetorical question is given a clear definition, allowing the term to be introduced into the linguistic framework, and on the other hand, the actual usage of this expression in discourse is described. It is shown that the general principle of using the word ‘rhetorical’ in discourse in relation to a question is that this question is ‘not genuine’ in some way, i.e. it is a question that is not being asked in order to get the answer. To characterize a question as rhetorical, two parameters are significant: “Why does this question not require an answer?” and “For what purpose is this statement being made, if not to get an answer?” By calling (his own or someone else’s) question ‘rhetorical’, the speaker indicates the implementation of one of the values of these parameters.

Keywords: rhetorical question, question, answer, communicative act, speaker, interrogative sentence, Russian language

References

Arutyunova, N.D., 1998. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow (in Russ.).

Bulygina, T.V. and Shmelev, A.D., 1997. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (based on the material of Russian Grammar)]. Moscow (in Russ.).

Dobrovolskij, D.O. and Zalizniak, Anna A., 2025. Rhetorical question as a communicative act. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 7–35, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2025.1.7-35> (in Russ.).

Dobrovolskij, D.O. and Zalizniak, Anna A., 2022. On the notion of a rhetorical question. In: L. Iomdin, J. Miličević and A. Polguère, eds. *Wiener Slawistischer Almanach. Linguistische Reihe, Sbd. 101*. Berlin, pp. 139–146.

Kwiatkowski, A., 1966. *Poeticheskii slovar'* [A Poetic Dictionary]. Moscow (in Russ.).
Lingvističeskii entsiklopedičeskii slovar' [Encyclopedic Dictionary of Linguistics], 1990. Moscow (in Russ.).

Meibauer, J., 1986. *Rhetorische Fragen*. Tübingen.

Mostovaya, L. A., 2009. Rhetorical question in groups of indirect speech acts. *Russian Language Studies*, 4, pp. 39–45 (in Russ.).

Paducheva, E. V., 2013. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [Russian negative sentence]. Moscow (in Russ.).

Searle, J., 1969. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, 212 p.

Sharonov, I. A., 2021. The formation of communicatives on the basis of rhetorical questions. *Cuadernos de Rusística Española*, 17, pp. 53–66, <https://doi.org/10.30827/cre.v17.20929> (in Russ.).

Shvedova, N. Yu., ed., 1980. RG-80 — *Russkaja grammatika. T. II. Sintaksis* [Russian grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow (in Russ.).

Vendler, Z., 1976. Illocutionary suicide. *Issues in the Philosophy of Language*, pp. 135–145.

Vendler, Z., 1985. Illocutionary suicide. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistikе* [New in foreign linguistics]. Iss. 16. Moscow, pp. 238–250 (in Russ.).

Zalizniak, Anna A., 2024. The Russian interrogative particle *razve*: the pragmaticalization path. In: Graf, E. and Schweier, U., eds. *Pragmaticalization: Language Change between Text and Grammar*. Berlin; Boston, pp. 375–391.

The authors

Prof. Dmitrij O. Dobrovolskij, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia; Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia; Institute of Informatics Problems, Federal Research Centre “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-4531-6968

E-mail: dobrovolskij@gmail.com

Prof. Anna A. Zalizniak, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia; Institute of Informatics Problems, Federal Research Centre “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-6249-9829

E-mail: anna.a.zalizniak@gmail.com

To cite this article:

Dobrovolskij, D. O., Zalizniak, Anna A., 2025, “Rhetorical question” in linguistics and speech, *Slovo.ru: Baltic accent*, 2025, Vol. 16, no. 2, pp. 53–70. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-3.

**ПРАГМАТИКА И ПРОСОДИЯ.
ОРИЕНТАЦИЯ НА ЗВУЧАЩУЮ РЕЧЬ
КАК ПРИНЦИП ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ**

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1, стр. 1
Поступила в редакцию 19.09.2024 г.
Принята к публикации 15.01.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-4

Рассмотрены прагматические значения, которые имеют в языке регулярные просодические средства выражения. К таким значениям мы относим 1) иллокутивную цель (иллокутивную силу) высказывания, 2) иллокутивную функцию компонента высказывания (такую, как функции темы и ремы сообщения, известного и неизвестного вопроса), 3) контраст и эмфазу, а также 4) значение незавершенности речевого акта как компонента связного дискурса. Показано, что просодия — это основное средство выражения таких значений в русском языке, а сами значения организованы в систему, которой соответствует системность используемых просодических средств. В исследовании применены корпусный и инструментальный методы анализа материала. В качестве корпуса для исследования использован Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) (2024) (НКРЯ) и, в частности, его мультимодальный подкорпус (МУРКО). Примат просодии над сегментными средствами выражения важнейших прагматических значений продемонстрирован на материале недостаточно изученного ранее речевого акта переспроса. Переспрос — статистически часто — это краткий речевой акт с минимальным сегментным материалом (Что? А?). Соответственно, полнота и точность анализа для различных типов переспроса могут быть достигнуты только за счет применения корпусного метода, который позволяет получить достаточный объем данных и представительный материал для анализа.

Ключевые слова: *просодия, прагматика, система, звучащая речь, корпус, сообщение, вопрос, переспрос*

1. Введение

Просодия долгое время не попадала в полной мере в поле зрения специалистов по анализу речевых актов и структуры дискурса. Причины этого мы видим в следующем.

1. Интроспекция у носителей языка, даже у специалистов, в связи с просодическими языковыми различиями развита весьма слабо. Сегментные различия гораздо более доступны для осознания не только специалисту, но и неискушенному носителю языка. Мы не всегда можем определить, с восходящим, нисходящим или ровным тоном про-

износится та или иная сегментная единица, на каком слоге слова — ударном или заударном — происходит изменение частоты тона, какое движение тона при лингвистическом анализе следует считать значимым, а какое — нерелевантным.

2. Просодия выражает наиболее абстрактные языковые значения, которые, в отличие, например, от имен конкретных предметов, трудно осознаются. Это значения темы и ремы, которые формируются при разделении высказывания на то, о чем сообщается, и то, что сообщается; значение контраста, или смысл 'не Р, а Q'; значение эмфазы в связи с неожиданными явлениями жизни: *Вася?! Не может быть!* Между тем естественный язык разработал системные средства для выражения таких значений, а также их композиций: контрастных и эмфатических тем и рем, контрастных и эмфатических компонентов вопросов и императивов.

3. Просодия — это «слабое звено» языковой системы в том смысле, что значения, передаваемые просодией, первыми исчезают из речи в ситуациях, нивелирующих просодические показатели значений. Так, в речи человека, который сдерживает слезы, кривая изменения частоты основного тона человеческого голоса вытягивается в «ниточку», а значения, стоящие за просодией, просто перестают выражаться. Аналогично в речи человека, который поет песню, читает молитву или стихи, просодические различия тоже исчезают. При этом значения, имеющие сегментное выражение, сохраняются.

4. Есть и профессиональные причины: фонетисты-просодисты не всегда задумывались над системностью инвентаря значений, которые выражает просодия, а специалисты по разработке моделей коммуникативных структур могли не владеть специфическими умениями анализа интонации и строили теоретические модели на основании сегментных средств выражения. Сегментные средства выражения значений также представлены во многих языках, однако европейские языки, включая русский, широко используют именно просодические средства выражения прагматических значений, в частности в комбинации с сегментными средствами. Русский язык — один из наиболее «свободных» от сегментных средств выражения иллюкутивных и связанных с ними значений, таких как контраст, эмфаза и незавершенность. Наше исследование иллюстрирует идею о примате просодии над сегментными средствами при выражении прагматических значений на примере русского языка.

5. Нельзя также не отметить и традицию, устоявшуюся в области анализа ключевых прагматических значений — топика (темы), фокуса (ремы) и контраста. Так, в выпуске *Trends in Linguistics* 2024 года (On the role..., 2024), посвященном информационной структуре предложения и роли в ней контраста, рассматриваются по большей части сегментные средства выражения контраста в составе топиков и фокусов: частица *to-* в хинди как средство выражения контрастного топика (Bhalla, 2024), вынос фокуса в препозицию (Samek-Lodovici, Dwyer, 2024), вынос топика (Cimmino, 2024), контраст в контексте союза *aber* в немецком (Zieleke,

2024). Следует, однако, признать, что одна из глав сборника посвящена дискурсивным диалогическим отношениям на материале кастильского испанского — согласию и несогласию, где автор показывает, что эти значения могут выражаться просодически (Fliessbach, 2024).

Разработка корпусов звучащих данных для русского языка (мультимодального подкорпуса (МУРКО) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (Савчук и др., 2024), корпуса «Рассказы о сновидениях и другие корпуса звучащей речи» (Корпуса звучащей речи (spokencorpora.ru), 2024) позволила продвинуться по пути анализа плана выражения, что внесло ясность и в план выражения, и в план содержания — в частности, продемонстрировало системность множества прагматических значений, которые вступают друг с другом в регулярные композиции. Так, в примере <...дважды отказывался, потом уступил, и наконец> *вчера отказался окончательно* (П. Н. Милюков. Три попытки (К истории русского лже-конституционализма), 1921, НКРЯ, Основной корпус¹) словоформа *вчера* — это контрастная тема, где временная точка, обозначенная словоформой *вчера*, противопоставлена другим моментам отказа. Словоформа *вчера* несет на ударном слоге подъем контрастной темы, который отличается от подъема неспецифицированной темы расширенным диапазоном частоты и повышенной интенсивностью, а *отказался окончательно* — это рема, тоже контрастная. Акцентоноситель ремы в композиции с контрастом несет рематическое падение частоты также в расширенном диапазоне частоты и с повышенной интенсивностью. Этот пример иллюстрирует, в частности, то, что контрасту в композиции с темой или с ремой соответствует единообразное просодическое означающее — расширенный диапазон частот, а это в свою очередь при анализе материала может служить ключом доступа к соответствующему значению².

Аналогично в примере <Раб совершит какую-нибудь провинность, я поколочу его как следует, чувствую — нет, не проникся я этой идеей>. Ну *никак* не получается [Н. И. Басовская. Зарождение средневековой цивилизации Западной Европы. Academia, 2010, МУРКО] словоформа *никак* служит акцентоносителем эмфатической ремы предложения *Ну никак не получается* и несет специфическое «искривление» кривой частоты, характерное для эмфазы (Янко, 2008, с. 83–87), кратко — см. раздел 2.3 ниже.

В разделе 2 на примере русского языка дается краткий обзор значений, которые выражаются просодически. В разделе 3 приводятся результаты анализа двух типов русского вопроса-переспроса, которые

¹ Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (2024). В угловые скобки заключен необходимый для анализа ключевых примеров контекст. Полу жирным шрифтом выделяются словоформы — акцентоносители соответствующих иллокутивных компонентов речевых актов.

² Детали сочетаемости контраста и эмфазы со значениями, формирующими коммуникативно релевантные компоненты речевых актов, можно найти в (Янко, 2001, с. 46–67).

имеют исключительно просодические средства выражения. Верификация слуховых впечатлений автора произведена с помощью компьютерной программы Praat (Boersma, Weenink, 2024).

2. Какие значения выражаются просодически

В этом разделе рассматриваются 1) иллокутивные значения, формирующие речевые акты, и их просодия, 2) значения, формирующие компоненты речевых актов, такие как тема и рема сообщения, 3) контраст и эмпфаза — значения, которые мы называем модифицирующими и которые комбинируются со значениями, формирующими компоненты речевых актов, и 4) значение дискурсивной незавершенности, которое используется говорящим для того, чтобы дать понять слушающему, что текущий речевой акт не последний и что продолжение дискурса впереди.

2.1. Иллокутивные значения

В русском языке сообщение от *да-нет*-вопроса отличается только просодически. Обратимся к примерам (1)–(2), которые содержат одинаковый сегментный материал. В примере (1) *Она молодая* — это сообщение, а в (2) — *да-нет*-вопрос.

(1) <Она молодая³.> Ей семьдесят восемь [И. Исаев. Живы ли русские диалекты? В поисках носителей. Лекция в Политехническом музее, 2011, МУРКО].

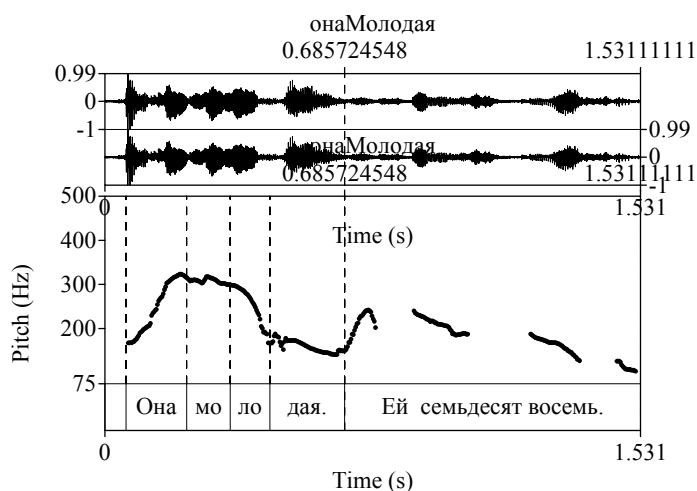
Кривая частоты⁴ на рисунке ниже (нижняя панель) демонстрирует падение частоты на ударном слоге словоформы *молодая*, за которым падение частоты на заударном слоге продолжено. Это так называемая интонационная конструкция ИК-1, по Е. А. Брызгуновой (1982а). Перед нами типичное падение (или ровный низкий тон), маркирующее ремю. Падение фиксируется на словоформе — акцентоносителе ремы. Поясним, что в теме, реме, компонентах вопроса и императива независимо от длины компонента акцентоноситель — один. Акцентоноситель выбирается согласно определенным принципам, которые контролируются синтаксической структурой компонента и другими параметрами. Проблему выбора акцентоносителя мы здесь оставляем в стороне, см.

³ Здесь имеется в виду подходящий возраст для человека, который работает информантом при описании диалектов. Диалектологи-русисты, как правило, получают данные от пожилых людей, наименее зависящих от контактов с литературным стандартом и сохраняющих свой диалект.

⁴ На графиках приводится кривая изменения частоты во времени. Ось абсцисс на нижней панели отражает время, прошедшее от начала речи в секундах, ось ординат — частоту в герцах. На верхней панели приводится осциллограмма, которая представляет собой след (в цифровой форме) иглы, возбужденной колебаниями человеческого голоса. Осциллограмма позволяет фиксировать, например, начало и конец слова, слога, отличие гласных от согласных, звонких согласных — от глухих.

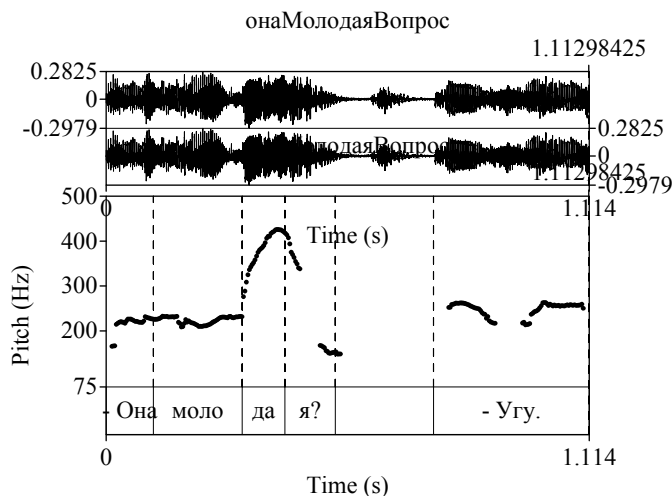

детали в (Янко, 2001, с. 38–59). Иллокутивная (тема-рематическая) и просодическая структуры предложения, составляющего контекст, аналогичны структурам предложения *Ей семьдесят восемь*.

В примере (2) на ударном слоге словоформы *молодая* фиксируется подъем частоты, который завершается резким падением на заударном слоге. Это прототипический русский подъем тона, ИК-3, по Е. А. Брызгуновой (1982а).

(2) – *Она молодая?* – Угу [А. Сидоров, И. Порублев. Бригада, к/ф, 2002, НКРЯ, МУРКО].

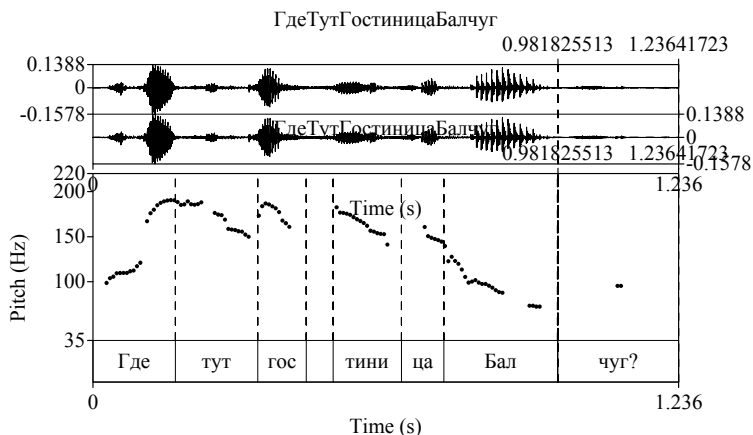
Минимальная пара (1)–(2) говорит о том, что в русском языке сообщение и *да-нет*-вопрос различаются только просодически.

Пример (3) иллюстрирует просодию вопроса с вопросительным словом. В вопросе с вопросительным словом (и с вопросительной частицей *ли*) иллокутивная сила выражается сегментно, соответственно

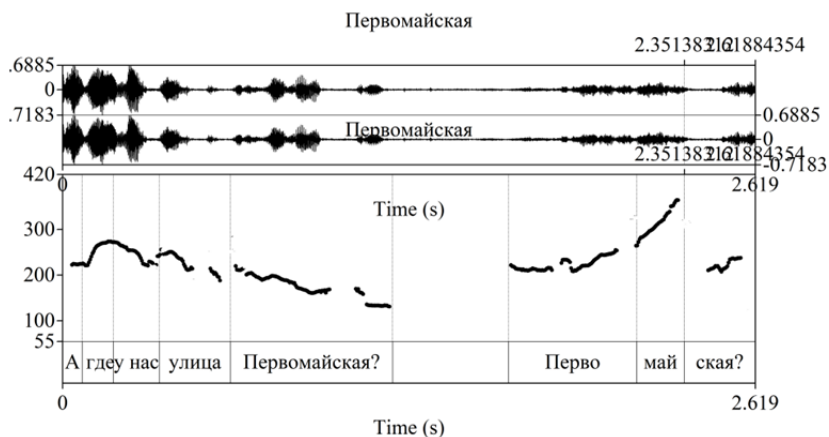
просодия имеет здесь сегментирующую функцию. Она образует вопрос как отдельный речевой акт. Вопрос с вопросительным словом в начале речевого акта характеризуется высокой частотой (или подъемом частоты, как в (4)) и падением в исходе предложения:

(3) *Где тут гостиница Балчуг?* [А. Файнциммер, Н. Леонов. Трактир на Пятницкой, к/ф, 1977, МУРКО.]

Аналогично в примере (4) мы наблюдаем подъем на *где* и падение на *Первомайская*. За вопросом следует переспрос с повтором словоформы *Первомайская*, которая несет уже восходящую просодию. Это просодия переспроса.

(4) *<— А где у нас улица Первомайская?> — Первомайская?* [Разговор на рынке о Дальнегорске, 2009, МУРКО.]

За вопросом о местоположении объекта и о том, как к нему добраться, весьма часто следует переспрос, потому что отвечающему нужно подумать над маршрутом. Между тем переспрос не только сам по себе дает выигрыш во времени, но и содержит в себе дискурсивную процедуру передачи слова, которая — в соответствии с принципами

кооперативного общения — позволяет переспрашивающему молчать еще около трех секунд. О принципе *No gap, no overlap* 'Не молчи и не перебивай' и времени на приемлемую паузу см. (Sacks et al. 1974; Heldner, 2011; Enfield, 2017).

В этом подразделе на примере речевых актов сообщения, *да-нет-вопроса* и вопроса-переспроса продемонстрирована роль просодии в выражении иллокутивной силы.

2.2. Значения, формирующие компоненты речевых актов. Просодический шов. Иллокутивный шов

Не все речевые акты демонстрируют четкие границы между собственно иллокутивным типа ремы и несобственно иллокутивным типа темы компонентами. Обратимся к примеру (5):

(5) *Штирлиц имел место номер шестнадцать* [Т. Леонова, Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны, к/ф, 1973, МУРКО].

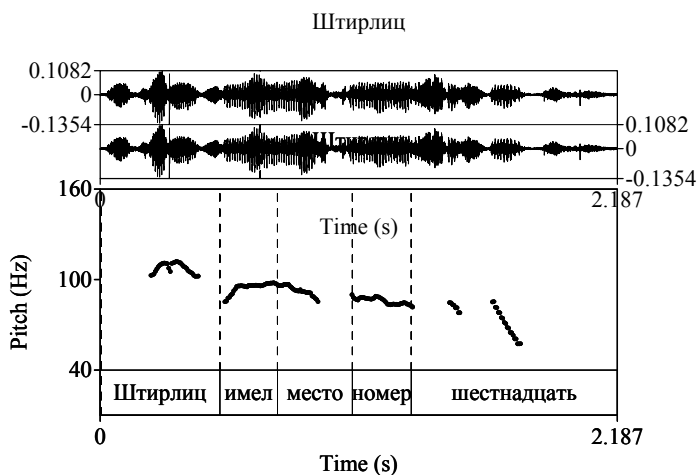
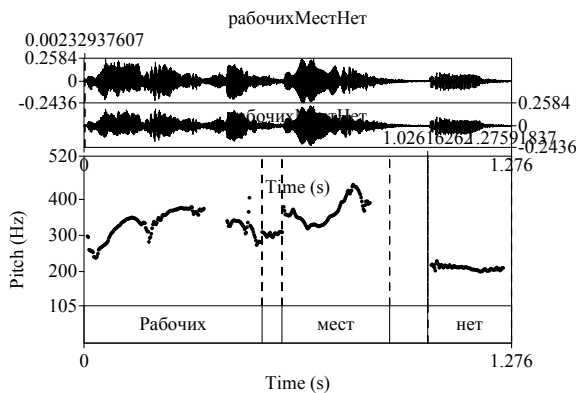

Рисунок говорит о том, что очевидных пауз и существенных перепадов частоты на всем протяжении предложения нет. Можно выделить максимум частоты в начале предложения на словоформе *Штирлиц* и падение частоты на ударном слоге словоформы *шестнадцать* в исходе предложения. Эти точки заставляют предположить, что словоформа *Штирлиц* включена в тему предложения или составляет ее, а *шестнадцать* — относится к реме и служит ее акцентоносителем. На то, к теме или к реме относятся остальные словоформы, просодических указаний нет. Так устроены многие речевые акты. Между тем в результате действия определенных линейно-просодических преобразований, обсуждение которых мы в этом исследовании опускаем (детали см.: (Янко, 2001, с. 46–67; 2024)), граница между иллокутивными компонентами предложения, такими как тема и реме, может быть установлена. Так, в сообщении (6) на акцентоносителе темы словоформе *мест* имеется подъем частоты, который формирует тему. Затем наблюдается небольшая пауза, которая также указывает на границу между иллокутив-

ными компонентами. Далее следует рема *нет*, несущая ровный низкий тон. Перепад частоты между максимальной точкой акцентоносителя темы и частотой акцентоносителя ремы составляет здесь более 200 Гц.

(6) <Работать негде,> рабочих мест нет [Беседа с Варварой Петровной за приготовлением лапши, 2018, МУРКО].

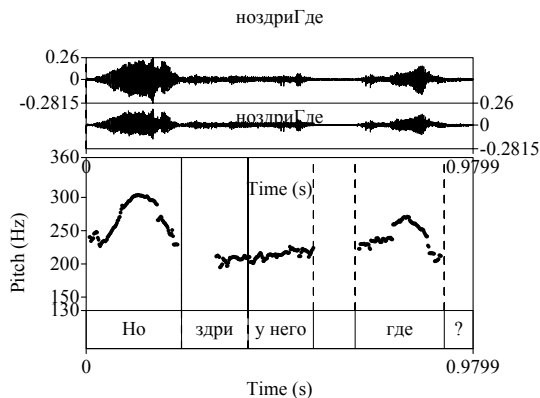

Итак, в (6) есть два релевантных движения тона и пауза между ними, что позволяет диагностировать границу между темой и ремой. Наличие двух акцентных пиков и двух акцентоносителей говорит о наличии в предложении просодического шва.

Просодический шов служит планом выражения для понятия иллокутивного шва, или границы между несобственно иллокутивным компонентом речевого акта, таким как тема, и собственно иллокутивным — как рема. Иллокутивный шов может также характеризовать вопрос и императив.

В вопросе с вопросительным словом (7) имеется два акцентных пика — на акцентоносителе начального несобственно вопросительного компонента словоформе *ноздри* и на расположенном в финале вопросительном слове *где*.

(7) <А дышит он чем?> Ноздри у него где? [Р. Нахапетов и др. Не стреляйте в белых лебедей, к/ф, 1980, МУРКО.]

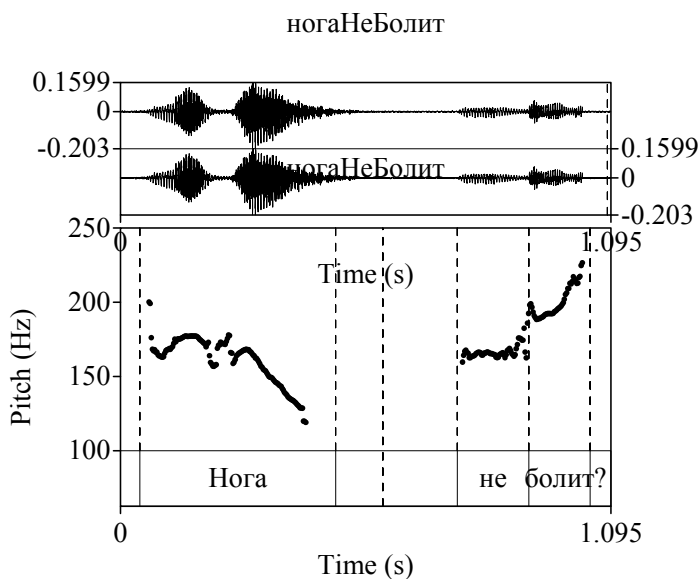

Оба акцента – на *ноздри* и на *где* – несут особый тип падения частоты, которому предшествует компенсаторный подъем, называемый заносом. Таким образом, собственно падение происходит с задержкой: оно приходится на вторую половину ударного слога. Это ИК-2, по Е. А. Брызгуновой (1982а). Заударная именная группа *у него* служит энклитикой при акцентоносителе несобственно вопросительного компонента *ноздри*. Соответственно, между несобственно вопросительным компонентом *ноздри у него* и собственно вопросительным *где* можно наблюдать просодический и тем самым иллюкутивный шов.

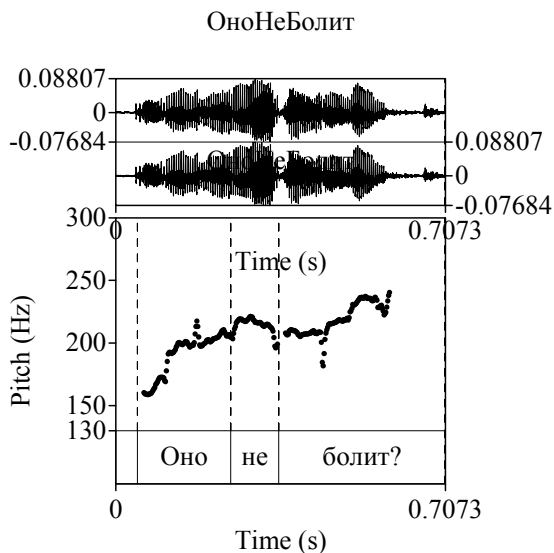
Обратимся к *да-нет-вопросу* (8). Несобственно вопросительный компонент здесь, как и в (7), предшествует собственно вопросительному. На несобственно вопросительном компоненте *нога* наблюдается падение ИК-2, на собственно вопросительном компоненте *не болит* – подъем *да-нет-вопроса*. Два акцента и два акцентоносителя налицо. Они формируют просодический и тем самым иллюкутивный шов.

(8) *Нога не болит?* [Г. Данелия, Г. Шпаликов. Я шагаю по Москве, к/ф, 1963, МУРКО.]

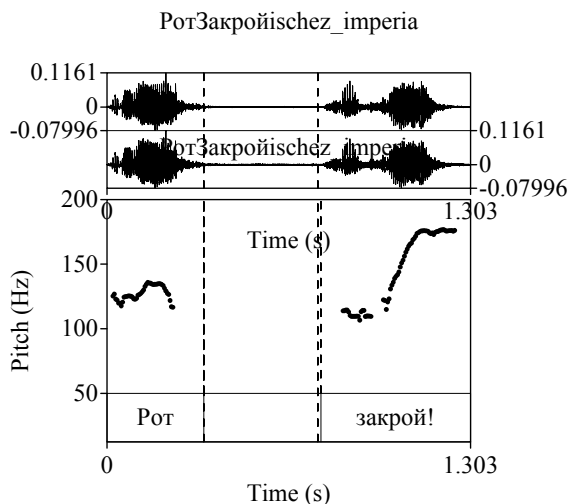
Для сравнения обратимся к *да-нет-вопросу* (9), где просодический шов отсутствует. Несобственно вопросительный компонент *оно* не отчленен от собственно вопросительного компонента *не болит*, что демонстрирует кривая изменения частоты на рисунке. На ударном слоге акцентоносителя вопроса словоформе *болит* реализован подъем ИК-3.

(9) *Оно не болит?* [С. Самсонов, А. Инин. Одиноким предоставляется общежитие, к/ф, 1983, МУРКО.]

Рассмотрим просодический шов на примере императива:

(10) *Рот закрой!* [К. Шахназаров и др., Исчезнувшая империя, к/ф, 2008, МУРКО.]

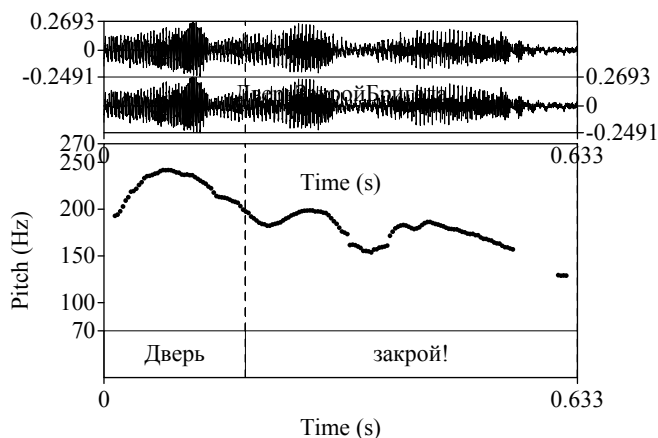

На акцентоносителе несобственно императивного компонента словоформе *рот* наблюдается падение, которому предшествует подъем в начале слога (ИК-2, ср. акцент на *ноздр*и в (7)). На собственно императивном компоненте *закрой* – рельефный подъем. Пауза между компонентами составляет более полсекунды. Это превышает длительность звучания словоформы *рот*. Как и в расчлененных сообщениях и вопросе с вопросительным словом, несобственно иллокутивный компонент здесь предшествует собственно иллокутивному, ср. с императивами (11) – (12), где шов между компонентами отсутствует.

(11) *Дверь закрой!* [А. Сидоров, И. Порублев. Бригада, к/ф, 2002, МУРКО.]

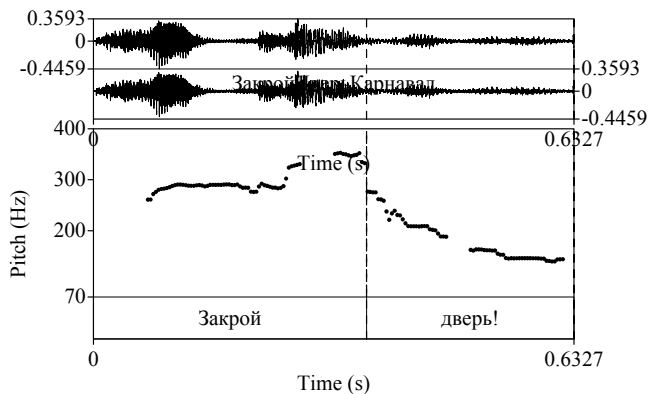
ДверьЗакройБригада

В (11) ИК-2 приходится на препозитивную словоформу *дверь*, глагол энклитически примыкает к ней. Иллокутивного шва нет. Аналогично в (12) есть единственный релевантный акцент на финальной словоформе *дверь* — акцентоносителе этого императива, а препозитивный глагол примыкает к акцентоносителю.

(12) *Закрой дверь!* [Т. Лиознова, А. Родионова. Карнавал, к/ф, 1981, МУРКО.]

ЗакройДверьКарнавал

Предложения *Закрой дверь!*, *Дверь закрой!* и *Дверь — закрой!* принадлежат к одной т.н. коммуникативной парадигме — классу предложений с единой лексико-синтаксической, но различной линейно-акцентной структурой, см. (Ковтунова, 1976; Падучева, 1984). В коммуникативной парадигме выделится исходный член (здесь это предложение *Закрой дверь*), у которого вклад иллокутивной структуры в семантическую наименьший. Таким образом, иллокутивно расчлененные предложения, в которых несобственно иллокутивный компонент служит

выделенным зачином речевого акта — это результат специальных линейно-акцентных преобразований, примененных к исходному члену парадигмы.

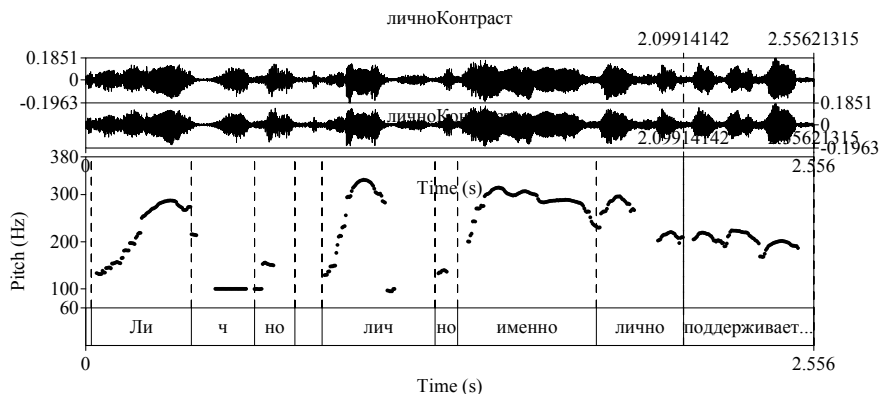
В этом подразделе продемонстрирована роль просодии в формировании несобственно иллокутивных и собственно иллокутивных компонентов речевых актов. Рассмотрен особый тип иллокутивно расчлененных речевых актов, в которых собственно иллокутивный компонент отделен от несобственно иллокутивного так называемым просодическим швом. Просодический шов возникает при наличии в предложении двух отдельных акцентов и двух акцентносителей: один акцент формирует препозитивный несобственно иллокутивный компонент, за которым — факультативно — следует пауза, а за ней — собственно иллокутивный компонент. Просодический шов служит планом выражения для иллокутивного шва. Предложения с иллокутивным швом представляют собой маркированные элементы своей коммуникативной парадигмы.

2.3. Контраст и эмфаза

Этот подраздел иллюстрирует просодию контраста и эмфазы на примере контрастной и эмфатической ремы. В примере (13) представлена контрастная рема.

(13) *Лично, лично, именно лично поддерживает...* [Ю. Мамин, В. Вардунас. Фонтан, к/ф, 1988, МУРКО.]

В предложении имеется три вхождения словоформы *лично*. Первые два — несут позднее падение с существенным заносом. В максимуме падение частоты составляет здесь 235 Гц. Между тем падение частоты при третьем вхождении словоформы *лично* имеет интервал в 89 Гц. Подобное различие в диапазоне говорит о том, что первые две словоформы имеют контраст на *лично*. Говорящий подчеркивает, что начальник строительного участка ни с кем не делит ответственность за состояние крыши. При третьем вхождении контраст тоже представлен, но он выражен лексически — словом *именно*, и *лично* несет падение в существенно меньшем диапазоне.

Пример (14) иллюстрирует просодию эмфатической ремы. На рисунке изображена частотная кривая двух фрагментов речи одного и того же говорящего со словоформой *генерал*: эмфаза представлена во втором фрагменте.

(14) *Товарищ генерал-полковник! ... Это генерал среди шоферов!* [Ф. Эрмлер, Б. Чирсков. Великий перелом, к/ф, 1945, МУРКО.]

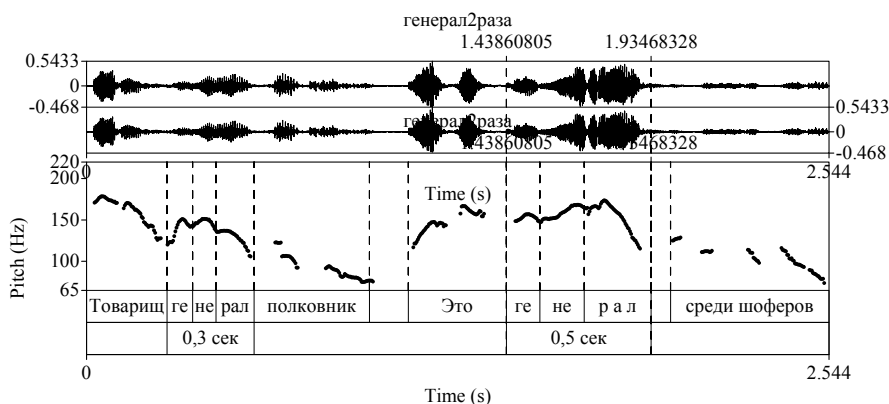
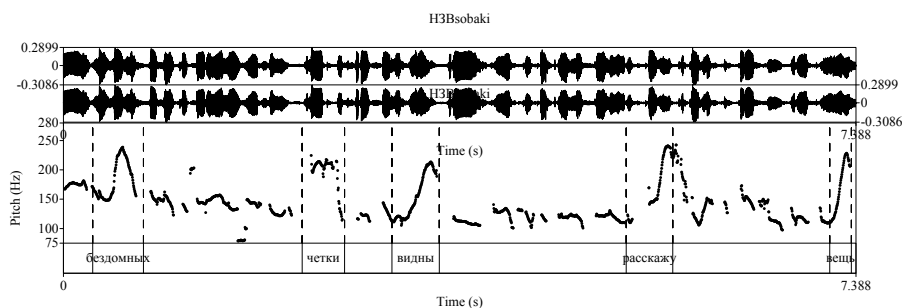

График изменения частоты позволяет сравнить артикуляцию словоформы *генерал* без эмфазы — первое вхождение — и в композиции с эмфазой — второе вхождение. Длительность акцентоносителя эмфатической ремы более чем в полтора раза больше, чем без эмфазы. Кроме того, эмфаза характеризуется удлинением предударного слога и своего рода «искривлением» изменения частоты ударного: при исходно нисходящем движении тона, как в рассматриваемом случае, к нисходящему движению тона добавляется предшествующий нисходящему восходящий отрезок. При исходно восходящем движении тона — в теме или в *да-нет*-вопросе — добавляется предшествующий нисходящий.

2.4. Дискурсивная незавершенность

В этом подразделе незавершенность представлена двумя из своих весьма разнообразных типов: неспецифицированной незавершенностью в (15) и так называемым «рассказом по порядку» в (16). В примере (15) фигурируют пять релевантных подъемов частоты типа ИК-3. Это подъем на ударном слоге в словоформе *бездомных* и падение на заударном слоге, подъем и падение на заударном в словоформе *четки*, подъем на конечном ударном в *видны*, подъем на конечном ударном в *расскажу* и подъем на односложной словоформе *вещь*. Это фонетические варианты ИК-3.

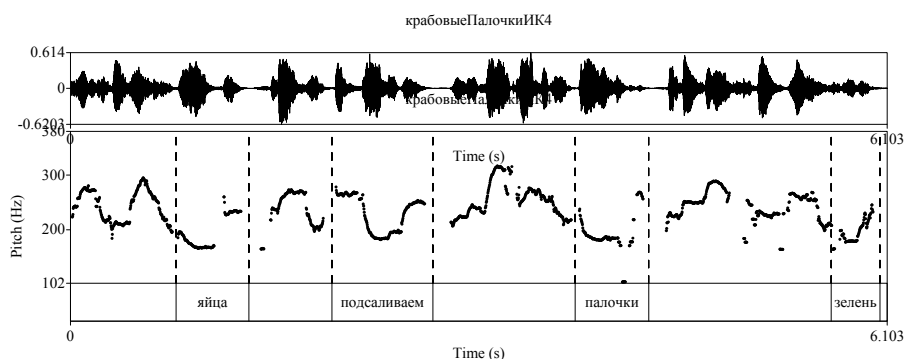
(15) *Вот у бездомных собак эти роли очень четки, хорошо видны, про несколько таких ролей расскажу, потому что очень интересная вещь...* [А. Тупикин. Бездомные собаки глазами биолога, 2015, МУРКО.]

ИК-3 на *бездомных* маркирует тему, остальные подъемы говорят о том, что перед нами акцентоноситель незавершенности. Таким подъемом говорящий дает понять, что текущий речевой акт не конечный: продолжение рассказа о жизни бездомных собак еще впереди. Дискурсивная незавершенность типа представленной в (15) наблюдается и в вопросах — как в вопросах с вопросительным словом, так и в *да-нет*-вопросах (например, в серии вопросов или при объяснении, почему задается вопрос), в императивах и в обращениях при переходе к последующей речи.

В (16) представлен так называемый «рассказ по порядку». Эта дискурсивная стратегия применяется при изложении событий, упорядоченных во времени, в пространстве или по своей внутренней логике, в частности при изложении алгоритмов и технологий, как в (16).

(16) ...режем варенные *яйца*, сразу их *подсаливаем*, нарезаем крабовые *палочки*, добавляем сюда свежую *зелень* и консервированную *фасоль* [Видеоканал <https://dzen.ru/>].

Показателем рассказа по порядку служит акцент ИК-4, по Е. А. Брызгуновой (1982а). Это падение или ровный низкий тон на ударном слоге плюс подъем на заударных слогах, если они есть. При отсутствии заударных подъем реализуется на второй половине конечного или единственного ударного слога. В (16) ИК-4 фигурирует на словоформах *яйца*, *подсаливаем*, *палочки* и *зелень*. На конечном ингредиенте салата — *фасоли* — изложение рецепта заканчивается: ударный слог словофор-

мы *фасоль* несет падение тона. (Последний шаг повествования на рисунке не представлен.) Стратегия рассказа по порядку с использованием ИК-4 применяется не только при действительном упорядочении шагов повествования, но и при его моделировании — в речи юристов, преподавателей, профессиональных докладчиков.

Итак, основным средством встраивания речевого акта в структуру связного дискурса служит просодия.

3. Просодия переспроса

Переспрос — особый тип вопроса, содержащего отсылку к речи предыдущего говорящего. Обратимся к методам выделения в русском языке переспроса как отдельного типа речевых актов. Первый метод представлен в работе (Кобозева, 2020). Он состоит в анализе способности вопроса служить прямой речью при глаголе *переспросить*: *А вы верите в наследственность? — спросила княгиня... В наследственность? — переспросил Нехлюдов* [Л. Н. Толстой. Воскресение; как пример переспроса цит. по (Кобозева, 2020, с. 232)]. Второй метод — экспертный. МУРКО содержит специальную помету «Переспрос». Переспрос в этом случае — это такой вопрос, в котором разметчики корпуса усмотрели переспрос. В МУРКО нашлось 155 таких примеров.

В этой работе использовались оба метода. На первом шаге использовался экспертный метод по данным МУРКО, на втором — полученный массив проверялся на подчинимость глаголу *переспросить*. Вторым шагом уточнил результаты, полученные на первом шаге.

Между тем в НКРЯ разметке в соответствии с пометой «переспрос» были подвергнуты только пять фильмов и один разговор на улице. Это лишь часть корпуса. В связи с этим на третьем этапе был проведен дополнительный поиск на всем массиве МУРКО по ключевым словам, обозначающим переспрос: *что-что-что, чего-чего, сколько-сколько, что ты сказала, что вы говорите*. Так массив пополнился еще семьюдесятью примерами. Поиск по ключевым словам — третий метод диагностики переспроса.

Анализ говорит о том, что в русском языке представлены различные типы переспроса. Это 1) переспрос к плану выражения (*Что-что-что?*), сигнализирующий о том, что второй говорящий не расслышал слов первого говорящего; 2) переспрос к плану содержания, или переспрос в связи с непонятым смыслом (<— *Семенов, все в порядке?*> — *Че в порядке?* [А. Рогожкин. Операция «С Новым годом!», к/ф, 1996, МУРКО]); 3) уточняющий переспрос (<— *Мы сбор проводим.*> — *Пионерский сбор?* [А. Салтыков и др. Друг мой, Колька! к/ф, 1996, МУРКО]); 4) переспрос, нацеленный на подтверждение приема информации и не требующий ответа (<— *Родион Иванович... где же вы возьмете эти деньги?*> — *Я? <Понятия не имею>* [А. Сурикова и др. Чокнутые, к/ф, 1991, МУРКО]); 5) переспрос затрудненной идентификации, сигнализирующий о том, что второй говорящий находит слова первого говорящего не соответствующими.

ющими объекту референции: при ошибке номинации, неузнавании, несоответствии слов положению дел (< – Он уверял меня, что не женат. > – Дон Педро? [В. Титов, Т. Брэндон. Здравствуйте, я ваша тетя!, к/ф, 1975, МУРКО]) и другие типы переспроса.

Большинство типов переспроса не имеют средств выражения, отличных от средств выражения вопросов вообще. Это переспросы с вопросительным словом (*Че в порядке?*) и да-нет-вопросы (*Пионерский сбор?*). Особые средства выражения следует признать у вопроса к вопросу – вопроса с вопросительным словом, но просодией ИК-3 да-нет-вопроса: < – Какие будут распоряжения? > – Какие *распоряжения?*), ср. (Брызгунова, 1982б, с. 400). Это способ формирования переспроса, в котором сочетаются сегментные (вопросительное слово) и просодические (подъем ИК-3) средства одновременно.

Ниже мы обратимся к двум типам переспроса, которые имеют 1) уникальные и 2) исключительно просодические средства выражения. Это переспрос к плану выражения и переспрос ошибки номинации.

Переспрос говорящего, который не расслышал слов предыдущего говорящего, использует специфическую, не диагностированную в русистике ранее просодическую стратегию, называемую *upstep* (подъем по лестнице), при которой фонетическое слово⁵ под номером *n* в линейной цепочке вопроса имеет среднюю частоту основного тона ниже средней частоты фонетического слова под номером *n + 1* (Pierrehumbert, 1980, p. 73; Odden, 2020, p. 40; Fließbach, 2024, p. 102):

(17) Так, и что-что-что, вы говорите, выдающийся работник? [Г. Александров и др. Волга-Волга, к/ф, 1938, МУРКО.]

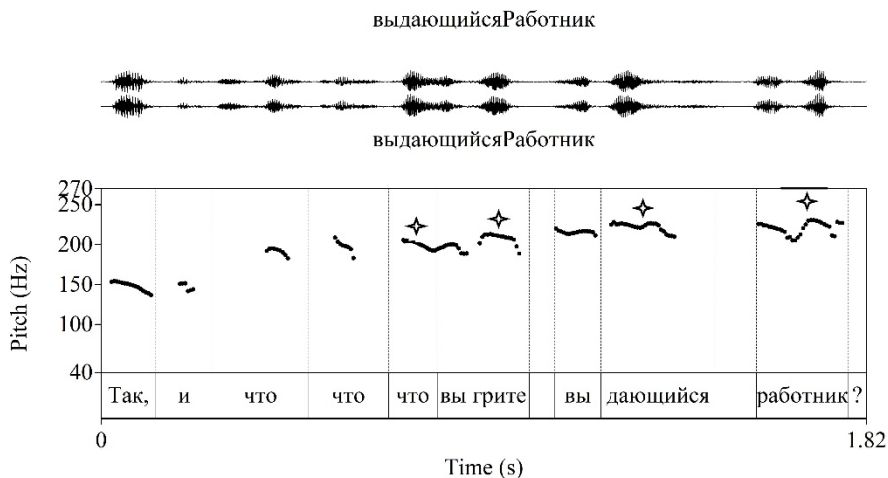

График на рисунке демонстрирует поступательное движение изменения частоты вверх. Крестиками отмечены ударные слоги фонетических слов. Для анализа модели *upstep*, служащей для маркирования пе-

⁵ Фонетическое слово — это слово с полноценным словесным ударением плюс примкнувшие к нему клитики. Так, *под номером* — это одно фонетическое слово.

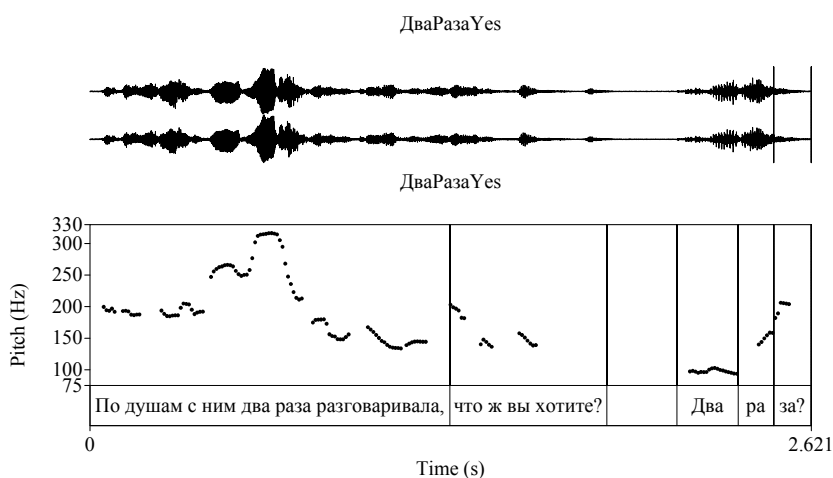

респроса к плану выражения, необходимы примеры с достаточно объемным сегментным материалом, как в (17). Между тем переспрос — это, как правило, короткий речевой акт: *А?; Что?; Чего?* Наша гипотеза состоит в том, что недостаток сегментного материала в среднем переспросе приводил к тому, что модель *upstep* долгое время не попадала в поле зрения лингвистов. Современные корпуса звучащей речи, как МУРКО, позволяют накопить достаточно репрезентативных данных для анализа модели *upstep*.

Возникает вопрос, как реализуется *upstep* в условиях скудного сегментного материала. Анализ говорит о том, что просодическая цель *upstep* состоит в наборе частоты, значительно превышающей средний уровень голоса говорящего. Соответственно, при отсутствии сегментного материала, достаточного для полной реализации *upstep*'а, используются две модели, выводящие голос в фальцет: 1) говорящий начинает переспрос с частоты, которая на 100–150 Гц превышает среднюю частоту его голоса. Переспрос может нести относительно ровное движение частоты; 2) переспрос имеет резкое повышение частоты на ударном слоге, причем подъему — факультативно, но часто — предшествует заход частоты вниз для создания большего перепада частот.

Обратимся теперь к переспросу, возникающему в ситуации, когда переспрашивающий не узнает объект референции, возникший в речи первого говорящего, или считает, что использованное имя не подходит объекту. Пример (18) отражает следующую внеязыковую ситуацию. Учительница рассказывает о педагогических мерах помощи ученику, в частности выясняется, что она два раза беседовала с ним по душам. Директор же считает, что разговоры по душам не поддаются подсчету, и переспрашивает:

(18) < — И звеньевым его выбирали, и по душам с ним два раза разговаривала...> — Два раза? (НКРЯ.)

На акцентоносителе переспроса словоформе *раза* наблюдается подъем на ударном слоге, за которым следует продолжающийся подъ-

ем на заударном слоге. Такого рода «градуальный подъем» отсутствует в списке интонационных конструкций ИК Е.А. Брызгуновой (1982а). В рабочем массиве имеется всего семь примеров переспроса неудачной идентификации. Их, однако, достаточно для того, чтобы констатировать наличие уникальной просодии для маркирования этого типа переспроса как отдельного типа речевого акта.

Переспросы же к плану выражения, демонстрирующие *upstep*, весьма частотны. Мы считаем этот тип речевых актов системным. Он используется во всех случаях, когда говорящий хочет показать, что не просто не понял предыдущего говорящего, а, более конкретно — не разобрал его слов. Этот переспрос используется и в случаях, когда говорящий только делает вид, что не разобрал слов, и просит повторить.

4. Заключение

Краткий обзор прагматических значений, формирующих речевой акт и связный дискурс, говорит о том, что в русском языке, как и во многих других европейских языках, основное средство выражения таких значений — просодия. Причины того, почему в лингвистике долгое время не велось системных исследований в области просодии, мы видим, в частности, в отсутствии больших корпусов звучащей речи, что не позволяло составить полного представления ни о наборе значений, ни о том, в какие композиции и системы они складываются. Решение проблемы мы усматриваем в работе с большими данными, которые позволяют накопить достаточное для анализа количество образцов с репрезентативным сегментным материалом. Последнее дает возможность получить не только полное, но и точное описание системы прагматических значений. Это значения, выражающие иллокутивную силу речевого акта; значения, сегментирующие речевой акт и формирующие собственно иллокутивный и несобственной иллокутивный компоненты; значения, модифицирующие компоненты речевого акта (контраст и эмфаза); значения, формирующие дискурс как завершённый или как ожидающий продолжения.

На примере речевого акта переспроса, не получившего в докорпусную эпоху полного описания, были продемонстрированы два типа русского переспроса, имеющих уникальное просодическое оформление. Переспрос к плану выражения, когда говорящий не расслышал слов предыдущего говорящего (или делает вид, что не расслышал), демонстрирует не зафиксированную в русистике ранее модель *upstep*, при которой максимальная частота фонетического слова под номером n в линейной цепочке переспроса ниже минимальной частоты фонетического слова под номером $n + 1$.

И если первой предпосылкой для анализа иллокутивной и дискурсивной прагматики мы считаем обращение к большим данным, то вторая предпосылка — это сдвиг интереса в современной лингвистике от анализа письменного литературного языка к звучащей речи.

Список литературы

- Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. М., 1982а. Т. 1. С. 98 – 122.
- Брызгунова Е. А. Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и интонации) // Русская грамматика. М., 1982б. Т. 2. С. 397 – 402.
- Кобозева И. М. Переспрос как периферия коммуникативно-грамматического поля вопросительности: семантика и средства выражения в русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. М., 2020. С. 223 – 245.
- Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Корпуса звучащей речи. URL: <https://spokencorpora.ru/> (дата обращения: 25.08.2024).
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.08.2024).
- Падучева Е. В. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1984. №10. С. 25 – 31.
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А. и др. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. №2. С. 7 – 34. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>.
- Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Янко Т. Е. Иллокутивная структура русского вопросительного предложения: значения и средства их выражения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. №2 (40). С. 231 – 242. <https://doi.org/10.31912/pvrl-2024.2.13>.
- Bhalla O. Contrast and topics: An enquiry into Hindi particle *-to* // On the role of contrast in information structure / ed. by J. Brysbaert, K. Lahousse. Berlin ; Boston, 2024. P. 69 – 100. <https://doi.org/10.1515/9783110986594-004>.
- Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer. Version 6.4.04. 2024. URL: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/> (дата обращения: 15.11.2024).
- Cimmino D. Contrast and left dislocations: Contrastive discourse relations beyond contrastive topics // On the role of contrast in information structure / ed. by J. Brysbaert, K. Lahousse. Berlin ; Boston, 2024. P. 41 – 68. <https://doi.org/10.1515/9783110986594-003>.
- Enfield N. J. How we talk: the inner workings of conversation. N. Y., 2017.
- Fließbach J. Mirativity, obviousness, and reversal as instances of contrast on different levels of meaning: Evidence from Spanish intonation // On the role of contrast in information structure / ed. by J. Brysbaert, K. Lahousse. Berlin ; Boston, 2024. P. 101 – 130. <https://doi.org/10.1515/9783110986594-005>.
- Heldner M. Detection thresholds for gaps, overlaps, and no-gap-no-overlap // The Journal of the Acoustical Society of America. 2011. Vol. 130, №1. P. 508 – 513. <https://doi.org/10.1121/1.3598457>.
- Odden D. Tone // The Oxford handbook of African languages / ed. by R. Vossen, G. J. Dimmendaal. Oxford, 2020. P. 30 – 48.
- On the role of contrast in information structure / ed. by J. Brysbaert, K. Lahousse. Berlin ; Boston, 2024 (= Trends in Linguistics. Vol. 382). <https://doi.org/10.1515/9783110986594>.

Pierrehumbert J.B. The phonology and phonetics of English intonation: thesis (Ph.D.) / Massachusetts Institute of Technology. Cambridge MA, 1980.

Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // *Language*. 1974. Vol. 50. P. 696–735.

Samek-Lodovici V. Dwyer K. Experimental testing of focus fronting in British English // *On the role of contrast in information structure* / ed. by J. Brysbaert, K. Lahousse. Berlin ; Boston, 2024. P. 21–40. <https://doi.org/10.1515/9783110986594-002>.

Zieleke R. Contrast via information structure: On topic development with German *aber* in post-initial position // *On the role of contrast in information structure* / ed. by J. Brysbaert, K. Lahousse. Berlin ; Boston, 2024. P. 131–160. <https://doi.org/10.1515/9783110986594-006>.

Об авторе

Татьяна Евгеньевна Янко, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-9027-7630

E-mail: tanya_yanko@list.ru

Для цитирования:

Янко Т.Е. Прагматика и просодия: ориентация на звучащую речь как принцип лингвистической прагматики // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2024. Т. 16, № 2. С. 71–92. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

PRAGMATICS AND PROSODY: THE ANALYSIS OF ORAL SPEECH AS A PRINCIPLE OF LINGUISTIC PRAGMATICS

Tatiana E. Yanko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 Bolshoy Kislovskiy Per., Moscow 125009, Russia

Submitted on 19.09.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-4

The paper views pragmatic meanings that have regular expression in language. Such meanings are 1) the illocutionary goal (illocutionary force) of an utterance, 2) the illocutionary function of a component of an utterance (theme and rheme of a statement, the known and the unknown of a question), 3) contrast and emphasis, and 4) the meaning of completeness/incompleteness of a speech act as a component of coherent discourse. It is shown that prosody is the main means of expressing pragmatic meanings in the languages of the world, and the expressed meanings are organized into a system that corresponds to the system of the prosodic means used. The study uses corpus and instrumental methods of analysis. The main material for analysis is the Russian language. The multimodal subcorpus of the National Corpus of the Russian Language was used as a corpus for the study. The primacy of prosody over segmental means of expressing the most important pragmatic meanings is demonstrated, in particular, using the material of the previously insufficiently studied speech act of an echo-

question. An echo-question is statistically often a short speech act with minimal segmental material ("What?" "Eh?"). Consequently, the completeness and accuracy of the analysis for various types of echo-questions can only be achieved through the use of the corpus method, which allows obtaining a sufficient amount of data and representative material for analysis.

Keywords: prosody, pragmatics, system, speech, corpus, statement, question, echo-question

References

- Bhalla, O., 2024. Contrast and topics: An enquiry into Hindi particle *-to*. In: J. Brysbaert and K. Lahousse, eds. *On the Role of Contrast in Information Structure*. Vol. 382. Berlin ; Boston, pp. 69 – 100, <https://doi.org/10.1515/9783110986594-004>.
- Boersma, P. and Weenink, D., 2024. *Praat: Doing phonetics by computer*. Version 6.4.04. Available at: <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/> [Accessed 15 November 2024].
- Brysbaert, J. and Lahousse, K., eds., 2024. *On the Role of Contrast in Information Structure*. Vol. 382. Berlin ; Boston, <https://doi.org/10.1515/9783110986594>.
- Bryzgunova, E. A., 1982a. Intonation. In: *Russkaja grammatika* [Russian Grammar]. Vol. I. Moscow, pp. 98 – 122 (in Russ.).
- Bryzgunova, E. A., 1982b. Means of expressing the unknown in a question (interaction of vocabulary, context and intonation)]. In: *Russkaja grammatika* [Russian grammar]. Vol. II. Moscow, pp. 397 – 402 (in Russ.).
- Cimmino, D., 2024. Contrast and left dislocations: Contrastive discourse relations beyond contrastive topics. In: J. Brysbaert and K. Lahousse, eds. *On the Role of Contrast in Information Structure*. Vol. 382. Berlin; Boston, pp. 41 – 68, <https://doi.org/10.1515/9783110986594-003>.
- Enfield, N. J., 2017. *How we talk: the inner workings of conversation*. New York.
- Fliessbach, J., 2024. Mirativity, obviousness, and reversal as instances of contrast on different levels of meaning: Evidence from Spanish intonation. In: J. Brysbaert and K. Lahousse, eds. *On the Role of Contrast in Information Structure*. Vol. 382. Berlin ; Boston, pp. 101 – 130, <https://doi.org/10.1515/9783110986594-005>.
- Heldner, M., 2011. Detection thresholds for gaps, overlaps, and no-gap-no-overlap. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 130 (1), pp. 508 – 513, <https://doi.org/10.1121/1.3598457>.
- Kobozeva, I. M., 2020. The repeat question as a peripheral of the communicative and grammatical field of interrogativeness: semantics and means of expression in the Russian language. In: *Problemy funktsional'noi grammatiki. Otnoshenie k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategorii* [Problems of functional grammar. Reference to the speaker]. Moscow, pp. 223 – 245 (in Russ.).
- Korpusa zvuchashchei rechi* [Spoken corpora]. Available at: <https://spokencorpora.ru/> [Accessed 25 August 2024] (in Russ.).
- Kovtunova, I. I., 1976. *Sovremennyyi russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozhenie* [Modern Russian. Word order and theme-rheme division of a sentence]. Moscow (in Russ.).
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus], 2024. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 25 August 2024] (in Russ.).
- Odden, D., 2020. Tone. In: R. Vossen and G. J. Dimmendaal, eds. *The Oxford Handbook of African Languages*. Oxford, pp. 30 – 48.
- Paducheva, E. V., 1984. Communicative sentence structure and the concept of a communicative paradigm. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2* [Scientific and technical information. Series 2], 10, pp. 25 – 31 (in Russ.).

Pierrehumbert, J. B., 1980. *The phonology and phonetics of English intonation*. PhD thesis. Cambridge MA.

Sacks, H., Schegloff, E. A. and Jefferson, G., 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*, 50, pp. 696–735.

Samek-Lodovici, V. and Dwyer, K., 2024. Experimental testing of focus fronting in British. In: J. Brysbaert and K. Lahousse, eds. *On the Role of Contrast in Information Structure*. Vol. 382. Berlin ; Boston, pp. 21–40, <https://doi.org/10.1515/9783110986594-002>.

Savchuk, S. O., Arkhangelskiy, T., Bonch-Osmolovskaya, A. A. et al., 2024. Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 2, pp. 7–34, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34> (in Russ.).

Yanko, T. E., 2001. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [The communicative strategies of the Russian speech]. Moscow (in Russ.).

Yanko, T. E., 2008. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte* [The intonational strategies of the Russian speech from a contrastive perspective]. Moscow (in Russ.).

Yanko, T. E., 2024. The Illocutionary Structure of the Russian Questions: Meaning and Expression. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2 (40), pp. 231–242, <https://doi.org/10.31912/pvrli-2024.2.13> (in Russ.).

Zieleke, R., 2024. Contrast via information structure: On topic development with German *aber* in post-initial position. In: J. Brysbaert and K. Lahousse, eds. *On the Role of Contrast in Information Structure*. Vol. 382. Berlin ; Boston, pp. 131–160, <https://doi.org/10.1515/9783110986594-006>.

The author

Prof. Tatiana E. Yanko, Lead Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-9027-7630

E-mail: tanya_yanko@list.ru

To cite this article:

Yanko T. E., 2025. Pragmatics and prosody: the analysis of oral speech as a principle of linguistic pragmatics, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 2, pp. 71–92. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-4.

SPEECH AND GESTURE REGULATIONS IN EXPRESSING VAGUE REFERENCE IN EXPOSITORY DIALOGUE

Maria I. Kiose, Anna V. Leonteva, Olga V. Agafonova

Andrey A. Petrov

Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka, Moscow, 19013, Russia
Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences,
1 B. Kislovsky Ln., Moscow, 119019, Russia

Submitted on 02.10.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-5

This study explores the organization of multimodal systems, mediated by two types of hierarchical regulations: systemic regulations governing each mode (speech and gesture) and multimodal regulations operationalizing mode alignment. To identify these regulations, we examine the variability of the multimodal speech-gesture system, modulated by the cognitive factor of vague reference in expository dialogue. The data were collected in an experiment involving native Russian speakers explaining the differences between close synonyms. The paper contrasts the distribution of vague reference speech cues used to shape referents in names (placeholders) and point the way to the referent in predications (approximators), both aligned with functional gestures (deictic, representational, and pragmatic).

The findings reveal several regulations that constrain the distribution and alignment of speech cues and gestures. First, the prevalence of approximators is observed, indicating that a higher input of predication expresses vague reference. Second, the prevalence of placeholders in the Request communicative move was found, accounting for the Request's role in both initiating a new act and completing the previous one by renaming the vague referent. Third, a more frequent use of pragmatic gestures with approximators was identified, suggesting that while nominations primarily evoke iconic and indexical representations in gestures, predications are strongly linked with pragmatic manifestations. Finally, the study reveals that vague reference serves as a cognitive principle regulating the speech and gesture system in interactional discourse.

Keywords: *multimodal system, vague reference, systemic regulations, speech, gesture, dialogue*

1. Introduction

This study contributes to the exploration of semiotic regulations in organizing speech and gesture complexes modulated by cognitive factors, specifically the factor of indirect reference. Following Yuri Stepanov, we expect that “while identifying commonalities in different semiotic systems, semiotics makes us conceive global connections in the organization principles of a) language; b) material culture [...], c) spiritual culture” (Stepanov, 1998, p. 26). In describing the principles governing different semiotic systems in the communicative modes of speech and gesture, we adhere to the “hierarchy law” formulated by Stepanov, which asserts that different semiotic sys-

tems follow similar organizational regulations, contributing to “a certain predictability of a phenomenon” (Ibid., p. 128). These regulations, manifested in the adaptation or alignment of patterns of modes (Demyankov, 2019; Iriskhanova, 2023), are presumably influenced by various cognitive and discursive factors, as well as by constraints and allowances inherent to the semiotic systems themselves – in this case, the communicative modes of speech and gesture.

In this paper, we examine the cognitive factor of reference of a specific type – vague reference – which may regulate the use of speech and gesture as co-functioning semiotic systems in the multimodal exposition of vague notions. While vague reference has been explored within the philosophy of language (Donnellan, 1966; Kripke, 1977) as an epistemic category (Kanellos & Ciobanu, 2021), a semiotic category (Stepanov, 1998; Sinha, 1999), or a strictly linguistic category represented by vague names (Podlesskaya, 2013), we propose that it also contributes to organizing multimodal systems – specifically, speech and gesture.

Epistemologically, vague reference exhibits features such as imprecision, instability, indetermination, and indecision (Kanellos & Ciobanu, 2021). These features, however, may manifest across different semiotic systems. In speech, vague reference appears in the use of hedges and shell nouns, while in gesture, it may surface in holding motions, where a person mimics keeping or weighing a referent on an open palm without outlining its contour or iconically representing its shape and physical properties. This observation suggests that vague reference functions as a common cognitive principle underlying the multimodal integration of speech and gesture.

Investigating how this shared cognitive principle structures different communicative modes within a regulated multimodal system (cf. the concept of autopoiesis related to the “semiotic aspects of structuring genetic information” [Zolyan, 2021, p. 64]) enhances the predictability of vague reference in one system (speech) through insights from the other (gesture).

Building on this notion, we identify the systemic regulations governing the distribution of speech cues and gestures, as well as the alignment patterns of the two modes expressing vague reference in expository dialogue. This type of dialogue establishes relationships between various referents while construing the object of reference as having fuzzy boundaries (Longacre, 1983; Berman & Nir-Sagiv, 2007). As is known, interaction in dialogue is mediated by cycles of discrete communicative moves that exhibit varying intensities of information transfer (Lotman, 2010, p. 269). Presumably, these communicative moves contribute to variations in the regulations governing vague reference cues in speech and gesture, as well as in their overall alignment patterns.

2. Data and methods

Following the hierarchical principle in the structure of semiotic systems – which posits that each semiotic system is positioned between a lower-order and a higher-order system (Stepanov, 1998, p. 101) – we examine the multi-

modal system of speech with co-speech gesture as a higher-order system comprising two distinct lower-order systems: speech and gesture. These two systems represent two communicative modes (Irskhanova, 2021) that are uniquely human – not because other species lack them, but because their systemic organization differs. Consequently, the regulations governing the multimodal functioning of speech and gesture are expected to follow common cognitive principles.

The study of the cognitive principle governing speech and gesture – an area widely explored in contemporary multimodal research – builds on the concept of the growth point, introduced by David McNeill (McNeill, 2017). According to this principle, different communicative modes emerge from shared dynamic units of real-time thinking, which serve as the initial forms of both thinking-for-speaking and thinking-for-gesturing units. These units merge, driving the dynamic organization of multimodal systems. Since vague reference operates across both communicative modes, it can be regarded as a growth point for selecting vague reference cues in speech and gesture.

Adopting this perspective necessitates selecting one mode – either speech or gesture – as a starting point for detecting vague reference manifestations, enabling the identification of aligned patterns in the other mode. Two factors justify our selection of the speech/language mode. Firstly, in line with Stepanov, we assume that “language is not just a suitable measure, but a natural measure in attesting the regulations of semiotic systems” (Stepanov, 1998, p. 92). Secondly, since vague reference has been extensively examined in linguistic analysis but is rarely addressed in gesture studies, we can apply the classifications of vague reference cues developed in these studies to speech. For instance, Joanna Channel (1983) identifies the linguistic devices used to express indeterminacy and vagueness in the English language and distinguishes their types – placeholders and approximators – differently shaping the referent. Placeholders form the referent by naming it, while approximators map out the discourse path or route to the referent in predications, including hedges and discursive markers that function as expressions of hesitation. In the context of the Russian language, placeholders and approximators have been thoroughly described in the studies of Vera Podlesskaya and Anna Starodubtseva (Podlesskaya, 2013; Podlesskaya & Starodubtseva, 2013), who identify their specific types in speech. Their classification was extended based on the spoken data obtained in expository discourse and adapted for parametrical research in a contribution by Olga Irskhanova and Yulia Avramova (2021), who focused on coded typology. Placeholders are further categorized into lexical units substituting direct reference to the object, property, and event (maybe tropes) <1102>; impersonal pronouns (кто-то / someone, где-нибудь / somewhere) <1103>; shell-nouns (ситуация / situation, идея / idea, вещь / thing) <1104>; phrases concluding narration (и так далее / etc., и далее / and so on) <1105>; nominalized adjectives (плохое / bad, странное / strange, маленькое / small, религиозное / religious) <1106>; metadiscourse markers (ну и вот / and that’s it, что-то типа того / something like that, ну как-то так / kind of)

<1107>. Approximators, in turn, include words and phrases used to reduce the level of accuracy in forming predications about the referent. This category encompasses hedges, which make statements sound less categorical (ну в целом / by the bye, не совсем / not exactly, скорее так / most likely) <1202>; hedges indicating personal opinion (мне кажется / it seems, моему / as for me) <1203>; indefinite pronouns and particles accompanying nouns (какой-нибудь / any, чей-то / someone's) <1204>; modal adverbs and discourse markers (наверно / probably, может быть / possibly) <1205>; deictic pronouns and adverbs (там / there, вон / over there, эти / these) <1206>; metadiscourse accompanying comments (то есть / that is, скажем / well, ну как сказать / how to put it) <1207>.

To select a gesture classification that would enable the exploration of co-occurring manifestations of vague reference, we relied on the functional classification of gestures developed by Alan Cienki and Cornelia Müller (2008). This classification views gestures as exhibiting indexical, iconic, and pragmatic functions, potentially allowing for the observation of how these gestures contribute to expressing vague referents and vague discourse paths to referents in speech. It encompasses deictic gestures with the indexical function of pointing or locating a referent in space (pointing <2101>, touching <2102>, directing <2103>); representational gestures with iconic function of holding/molding/tracing a referent in hand movements (holding <2201>, molding <2202>, acting <2203>, embodying <2204>, tracing <2205>); pragmatic gestures with the function of expressing opinion about the referent or specifying its role in discourse (discourse structuring <2301>, discourse representational <2302>, discourse emphatic <2303>, contact-establishing <2304>, expressing attitude/evaluation <2305>, expressing negation <2306>, expressing word search <2307>). These gestures were explored alongside with placeholders and approximators in speech to identify their alignment patterns (Demyankov, 2019). The identification of their distribution and alignment patterns enables the formulation of specific regulations for vague reference as a common cognitive principle in the organization of speech and gesture.

Additionally, to explore multimodal system variance, we assume that the distribution of speech and gesture in expressing vague reference may vary depending on discourse interactionality, as monologue and dialogue contribute differently to speakers' involvement in discourse (Lotman, 2010). Major contemporary studies distinguish several communicative moves in dialogue: Request, Response, and Topic Elaboration, further subdivided into Common and Novel Topics (Korotaev, 2023; Iriskhanova et al., 2023). As identified by Iriskhanova et al. (2023), the use of pragmatic contact-establishing gestures largely depends on whether a common or novel topic is elaborated in discourse. Nikolai Korotaev (2023) notes that, overall, the use of the gestural mode is influenced by the presence or absence of a Request move. Given this, we may expect that the use of gestures – and presumably speech cues – in expressing vague reference will differ in dialogues, at least

between Request and Response moves versus Common and Novel Topic elaboration moves, as Request and Response moves serve multiple functions, including contact-establishing, controlling, metacommunicative, and specifying functions (Shvedova, 2003; Sherstinova, 2018; Putina, 2021). Thus, we propose that speech and gesture alignment in expositing vague reference in dialogue is mediated by different communicative moves.

Participants in the experiment, aged 18 to 23, were asked to identify the main difference between pairs of Russian synonyms: “fire – flame”, “dead-man – corpse”, “battle – fight”, “nonsense – rubbish”, “punishment – penalty”, “ideal – perfection”, “lie – falsehood”, “fear – apprehension”, “burden – load”, “effort – diligence”, “duty – obligation”, “line – lineament”, “roar – howl”, “obscurity – darkness”. To annotate the compiled 57-minute corpus, we utilized the ELAN annotation tool (see Fig. 1).

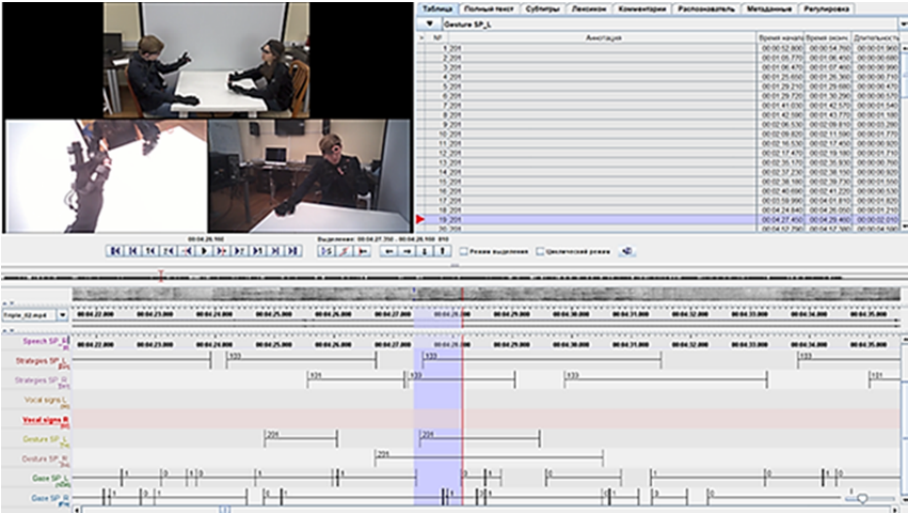

Fig. 1. An example of dialogue annotation in ELAN

As shown in Fig. 1, separate annotation tiers for vague reference in speech, gestures, and communicative moves were created for the speakers on the left and right, who were positioned opposite each other. The coded annotation was conducted by four specialists and cross-checked for accuracy. Subsequently, a series of contingency and variance tests were performed to identify regulations governing the distribution and alignment of speech cues and co-speech gestures in communicative moves.

3. Results and discussion

First, we identify the regulations governing the distribution of speech cues across communicative moves – Request vs. Response and Common vs. Novel Topic Elaboration. Table 1 presents this distribution.

Table 1

The distribution of placeholders and approximators in communicative moves

Vague reference cues in speech	Request	Response	Common Topic elaboration	Novel Topic elaboration
Placeholders				
1102	12	6	86	67
1103	7	1	46	57
1104	6	2	33	24
1105	0	0	0	0
1106	8	4	96	50
1107	2	2	6	6
Approximators				
1202	50	59	287	218
1203	9	15	50	42
1204	4	0	19	27
1205	7	10	57	69
1206	20	14	60	50
1207	17	33	79	72

With the predominance of approximators over placeholders, the results suggest that shaping the path to the referent is more demanding in terms of vague reference than shaping the referent itself. Additionally, Table 1 indicates that distribution depends on speech cue types within the categories of placeholders and approximators. For instance, while many placeholders and approximators are predominantly used in topic elaboration moves, certain cues – particularly approximators – are more characteristic of Request and Response moves. These include <1206> deictic pronouns as adverbs, <1207> metadiscourse accompanying comments, and <1202> hedges indicating a personal opinion, although the latter is also widely used in topic elaboration moves. Chi-square tests reveal that placeholders and approximators are distributed differently in Request versus Response moves ($\chi^2=10.37$, $p=0.02$), with placeholders more common in Request and approximators prevailing in Response. The relative prevalence of placeholders in Request suggests that this move not only initiates a new conversational act in expository discourse but also finalizes the speaker's referent construal and captures the referent. Thus, Request serves both as the beginning of a new communicative act and the conclusion of the previous one, reinforcing the significance of this move within the cyclic structure of dialogue (Lotman, 2010). Consequently, Request and Response moves not only contribute to communication (Shvedova, 2003; Sherstinova, 2018; Putina, 2021) but also develop the cognitive foundation of dialogue, supporting perspectives on the cognitive role of communicative modes in dialogue (Korotaev, 2023; Iriskhanova et al., 2023).

Next, we examine the regulations governing the distribution of co-speech gestures across communicative moves (Table 2).

Table 2

**The distribution of gestures co-occurring with vague reference cues
in speech communicative moves**

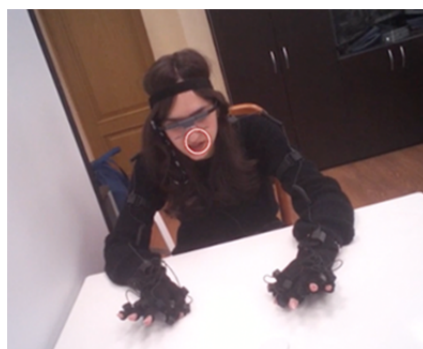
Single discursive gesture types used with speech cues	Request	Response	Common Topic elaboration	Novel Topic elaboration
Deictic				
2101	9	8	26	9
2102	11	11	58	35
2103	2	1	3	11
Representational				
2201	5	6	34	19
2202	1	1	11	13
2203	3	3	16	7
2204	1	2	12	5
2205	1	1	15	18
Pragmatic				
2301	17	13	116	65
2302	23	13	81	60
2303	48	27	113	97
2304	98	59	198	112
2305	22	22	58	32
2306	5	0	6	9
2307	3	2	5	15

The data in Table 2 show that while pragmatic gestures exhibit the highest overall activity, they are most frequently found not only in Topic Elaboration moves but also in Request and Response ones. This is particularly relevant for discourse emphatic (<2303>) and contact-establishing (<2304>) gestures. Further Chi-square tests on the overall distribution of the four gesture types reveal that pragmatic gestures differ in use between Request and Response moves ($\chi^2=18.06$, $p<.001$) and Common and Novel Topic Elaboration moves ($\chi^2=4.7$, $p=0.031$). The major difference is observed in their use within Request and Response moves, where they are more prevalent in Requests. Fig. 2 illustrates the use of pragmatic gestures in their most typical communicative moves within dialogue.

In Fig. 2a, the participant performs a Request move, which is introduced in speech with a question directed at the other participant. This question is accompanied by a contact-establishing pragmatic gesture, which also serves a deictic function, as the speaker points at the interlocutor. In Fig. 2b, the participant summarizes the information presented when shaping the referent developed during earlier topic elaboration moves. Simultaneously, she expresses her opinion about the referent, manifested through the use of a discourse emphatic gesture.

a

b

Fig. 2. The use of pragmatic gestures in communicative moves in dialogue:

- a – Request *Вранье?* (A lie?) with co-speech pragmatic and deictic gestures;
b – Common Topic elaboration *В том же смысле, что ложь – это, во-первых, глобальнее, во-вторых, литературное, а, в-третьих, нужно подумать еще* (I mean, falsehood is, first, more global; next, it's more of a literary thing; and third, I need to think a bit more) with co-speech pragmatic gesture

Further observations show that approximators are more frequently used with pragmatic gestures than placeholders. This suggests that gesture pragmaticity is primarily required to shape the path to the referent in predications. It allows for the use of fewer iconic and indexical support gestures but demands higher phaticity, contact maintenance, and evaluation. Overall, these gestures tend to specify the referent's role in discourse rather than its spatial features or location.

Therefore, the study enabled the identification of several major regulations organizing the multimodal system of speech and gesture in expository dialogue, modulated by the cognitive factor of vague reference. First, with a greater prevalence of approximators over placeholders, we can assert that shaping the path to the referent is more demanding in terms of vague reference than shaping the referent itself. Second, the higher frequency of placeholders in the Request move demonstrates that Request is multifunctional – it initiates a new conversational act while also finalizing the speaker's act of shaping the referent, thus serving as a starting point for a new communicative cycle in dialogue. Third, pragmatic gestures are prevalent across all communicative moves, appearing not only in Topic Elaboration moves but also in Request and Response ones. Importantly, these gestures primarily serve to specify the referent's role in the dialogue, often used alongside with approximators in predications.

4. Final remarks

Overall, the study makes two major contributions.

First, the findings offered insights into the organization of multimodal discourse modulated by vague reference as a cognitive category. By revealing specific alignment patterns in the distribution of speech and gesture, we suggest that vague reference serves as a “growth point” (McNeill, 2017) in

expository discourse. As demonstrated in epistemology and philosophy of language, the referent, through its names and attributes, may exhibit fuzzy boundaries, which are manifested in the use of vague reference. However, linguistic analysis of vague reference cues in communication suggests that they are used for two purposes: shaping the referent via names (nominations) in placeholders, and shaping the discourse path to the referent (its role in discourse, actions involving it, its spatial location) via predications in approximators. Moreover, the results indicate that this multimodal system is influenced by interactionality, which represents discrete moves of varying intensity in information transfer (Lotman, 2010), expressed through communicative moves such as Request, Response, and Topic Elaboration.

Secondly, the findings on speech and gesture distribution and alignment in expressing vague reference enabled the identification of several regulations tied to the structure of each mode—language and gesture—as well as the macrostructure of their multimodal use. These findings broadly align with Stepanov's (1998) ideas on system organization as applied to multimodal communication and discourse. Since approximators generally outnumber placeholders, we can conclude that shaping the discourse path to the referent is more demanding than shaping the referent itself. This is likely due to the longer spans of predications compared to nominations in discourse, and it also suggests that the referent's role in communication can be seen as having fuzzy boundaries. Notably, shaping the path to the referent through predications allows for higher pragmaticity in gesture. This alignment, described in the third regulation, supports the claim that while nominations primarily evoke iconic and indexical representations in gesture, predications allow for more pragmatic manifestations. Moreover, the second regulation emphasizes the multifunctional role of the Request move in organizing turn-taking and, by extension, specifies the impact of interactionality in dialogue.

The research presented in Sections 1 and 2 is part of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education № 125031904195-0 "Creativity in Everyday Communication: Multimodal Analysis of Spoken Language", conducted at Moscow State Linguistic University. The research in Sections 3 and 4 is part of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education № 125032004223-6 "Sociopragmatic Factors of Verbal and Kinetic Behavior Adaptation in Russian Spoken and Gesture Language", conducted at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

References

- Berman, R. A. and Nir-Sagiv, B., 2007. Comparing Narrative and Expository Text Construction Across Adolescence: A Developmental Paradox. *Discourse Processes*, 43 (2), pp. 79–120, <https://doi.org/10.1080/01638530709336894>.
- Channell, J. M., 1983. *Vague Language: Some Vague Expressions in English*. PhD thesis. York.
- Cienki, A. and Müller, C., eds., 2008. *Metaphor and Gesture*. Vol. 3. Amsterdam.
- Demyankov, V. Z., 2019. Modality Agreement and Adaptation. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 38, pp. 88–100 (in Russ.).
- Donnellan, K. S., 1966. Reference and definite descriptions. *Philosophical Review*, 75 (3), pp. 281–304.
- Iriskhanova, O., Kiose, M., Leonteva, A., et al., 2023. Multimodal Collaboration in Expository Discourse: Verbal and Nonverbal Moves Alignment. In: A. Karpov,

K. Samudravijaya, K.T. Deepak, et al., eds. *Speech and Computer. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 14338, pp. 350–363, https://doi.org/10.1007/978-3-031-48309-7_29.

Iriskhanova, O.K. and Avramova, Yu.S., 2021. Vague reference in metalinguistic tasks as a multimodal phenomenon. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 4 (47), 233–244 (in Russ.).

Iriskhanova, O.K., 2023. Simultaneous interpreter in multimodal dimension: the role of gestures in moments of non-interpretation. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (3), pp. 40–51, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-3-3> (in Russ.).

Iriskhanova, O.K., ed., 2021. *Polimodal'nye izmereniya diskursa* [Multimodal dimensions of discourse]. Moscow (in Russ.).

Kanellos, I. and Ciobanu, E., 2021. The semiotic topos of vagueness. In: A. Syropoulos and B.K. Papadopoulos, eds. *Vagueness in the Exact Sciences: Impacts in Mathematics, Physics, Chemistry, Biology, Medicine, Engineering and Computing*. Berlin; Boston, pp. 145–180, <https://doi.org/10.1515/9783110704303-009>.

Korotaev, N.A., 2023. Collaborative constructions in Russian conversations: A multichannel perspective. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Vol. 22. Moscow, pp. 254–266, <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2023-22-254-266> (in Russ.).

Kripke, S.A., 1977. Speaker's reference and semantic reference. In: P.A. French, Th.E. Uehling and H.K. Wettstein, eds., *Studies in the Philosophy of Language*. Morris, pp. 255–296.

Longacre, R.E., 1983. *The grammar of discourse*. New York.

Lotman, Yu.M., 2010. Mechanisms of Dialogue. In: Yu.M. Lotman, ed. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki* [Semiosphere. Culture and explosion. Inside the thinking worlds. Articles. Studies. Notes]. St. Petersburg, pp. 268–276 (in Russ.).

McNeill, D., 2017. Gesture-Speech Unity: What It Is, Where It Came From. In: R.B. Church, M.W. Alibali and S.D. Kelly, eds. *Gesture Studies*. Vol. 7. Amsterdam, pp. 77–101, <https://doi.org/10.1075/gs.7.05mcn>.

Podlesskaya, V.I. and Starodubtseva, A.V., 2013. On the grammar of placeholders in colloquial speech. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 3, pp. 25–41 (in Russ.).

Podlesskaya, V.I., 2013. Vague names in Russian speech: a corpus study. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Vol. 1. Moscow, pp. 631–643 (in Russ.).

Putina, O.N., 2021. *Funktsionirovanie diskursivnykh markerov v dialogicheskom edinstve vopros-otvet: na materiale russkogo i angliiskogo yazykov* [Functioning of discourse markers in a dialogue unity Request-Response (featuring Russian and English languages)]. PhD Dissertation. Perm (in Russ.).

Sherstinova, T. Yu., 2018. The Structure of everyday dialogue as the sequence of speech acts. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2018»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue 2018”]. Vol. 24. Moscow, pp. 637–651 (in Russ.).

Shvedova, N. Yu., 2003. *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the syntax of Russian spoken speech]. Moscow (in Russ.).

Sinha, C., 1999. Grounding, meaning, and the acts of meaning. In: T. Janssen and G. Redeker, eds. *Cognitive linguistics. Foundations, scope, and methodology*. Berlin; New York, pp. 223–256.

Stepanov, Yu.S., 1998. *Yazyk i metod: k sovremennoi filosofii yazyka* [Language and Method. Towards Modern Philosophy of Language]. Moscow (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2021. Semiopoesis: Formation of Meaning in Molecular Genetics and Biosemiotics. *Critique and Semiotics*, 1, pp. 57–77, <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-1-57-77> (in Russ.).

The authors

Dr Maria I. Kiose, Leading Researcher, Moscow State Linguistic University; Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-7215-0604

E-mail: maria_kiose@mail.ru

Dr Anna V. Leonteva, Senior Researcher, Moscow State Linguistic University; Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-7234-2999

E-mail: lentevanja27@gmail.com

Olga V. Agafonova, Researcher, Moscow State Linguistic University; Researcher, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-8460-8555

E-mail: olga.agafonova92@gmail.com

Andrey A. Petrov, Researcher, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-9616-4904

E-mail: petrov@linguanet.ru

To cite this article:

Kiose, M.I., Leonteva, A.V., Agafonova, O.V., Petrov, A.A., 2025, Speech and gesture regulations in expressing vague reference in expository dialogue, *Slovo.ru: Baltic accent*, 2025, Vol. 16, no. 2, pp. 93–106. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-5.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЧИ И ЖЕСТА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕЧЕТКОЙ РЕФЕРЕНЦИИ В ЭКСПОЗИТОРНОМ ДИАЛОГЕ

М. И. Киосе, А. В. Леонтьева, О. В. Агафонова, А. А. Петров

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, 19013, Москва, ул. Остоженка, 38

Институт языкознания РАН,
Россия, 119019, Москва, Б. Кисловский пер., 1

Поступила в редакцию 02.10.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-5

Исследование обращается к проблеме организации полимодальных систем, которая обеспечивается проявлениями закона иерархии, регулирующего особенности реализации каждой из модальностей, языка и жеста, а также в целом всего полимодального

единства в согласовании этих модальностей. Для установления проявлений закона иерархии исследуется вариативность в организации полимодальной системы речи и жеста под влиянием когнитивного фактора нечеткой референции в диалогепояснении. Данные были собраны в ходе эксперимента, в котором участники – носители русского языка – давали пояснения в отношении различий между близкими синонимами. Определены особенности в распределении, с одной стороны, показателей нечеткой референции в речи, маркирующих трудности при конструировании самого референта в номинациях (заместители) и построении пути к референту в предикациях (аппроксиматоры), и, с другой, функциональных типов жеста (дейктические, репрезентирующие, прагматические), в диалоге. Установлен ряд закономерностей в распределении речи и жеста, а также в их согласовании. Так, аппроксиматоры преобладают над заместителями, что свидетельствует о том, что нечеткая референция чаще проявляется именно в предикативных фрагментах. Была также обнаружена более высокая частотность заместителей в коммуникативном акте Запроса, что определяет особую роль этого этапа как одновременно начинающего новый коммуникативный акт и завершающего предыдущий при повторном наименовании референта с нечеткими (размытыми) границами. Выявлен рост в использовании прагматических жестов с аппроксиматорами, что указывает на такую особенность, как возможность предикативной информации демонстрировать более высокий уровень проявления прагматических смыслов, в отличие от номинативной информации, представляющей больше иконическое и индексальное содержание референта. В целом установлено, что нечеткая референция действительно определяет варьирование в проявлениях закономерностей в полимодальной системе речи и жеста с учетом ее интеракционных манифестаций.

Ключевые слова: полимодальная система, нечеткая референция, законы системы, речь, жест, диалог

Разделы 1 и 2 подготовлены в рамках Государственного задания Минобрнауки России №125031904195-0 «Креативность в повседневной коммуникации: анализ устной речи с учетом полимодальности», реализуемого в Московском государственном лингвистическом университете. Разделы 3 и 4 подготовлены в рамках Государственного задания Минобрнауки России №125032004223-6 «Социопрагматические факторы адаптации вербального и кинетического поведения: русский звучащий и русский жестовый язык», реализуемого в Институте языкознания РАН.

Список литературы

Демьянков В.З. Согласование и адаптация модальностей // Когнитивные исследования языка. 2019. Т. 38. С. 88–100.

Золян С.Т. Семиопозис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. 2021. №1. С. 57–77. <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-1-57-77>.

Ирисханова О.К. Синхронный переводчик в полимодальном измерении: роль жестов в моменты «неперевода» // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 40–51.

Ирисханова О.К., Аврамова Ю.С. Нечеткая референция при решении мета-языковых задач как полимодальный феномен // Когнитивные исследования языка. 2021. Т. 4, №47. С. 233–244.

Коротяев Н.А. Мультиканальное взаимодействие при совместном построении синтаксических конструкций в диалоге // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по матер. ежегодной междунар. конф. «Диалог». М., 2023. Вып. 22. С. 254–266.

Лотман Ю.М. Механизмы диалога // Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2010. С. 268–276.

Подлеская В.И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2013. Т. 1. С. 631–643.

Подлеская В.И., Стародубцева А.В. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи // Вопросы языкознания. 2013. №3. С. 25–41.

Полимодальные измерения дискурса / под ред. О.К. Ирисхановой. М., 2021.

Путина О.Н. Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве вопрос-ответ: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2021.

Степанов Ю.С. Язык и метод: к современной философии языка. М., 1998.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Азбуковник. М., 2003.

Шерстинова Т.Ю. Структура повседневного диалога как последовательность речевых актов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по матер. междунар. конф. «Диалог 2018». 2018. №17 (24). С. 637–651.

Berman R.A., Nir-Sagiv B. Comparing Narrative and Expository Text Construction Across Adolescence: A Developmental Paradox // Discourse Processes. 2007. Vol. 43, №2. P. 79–120. <https://doi.org/10.1080/01638530709336894>.

Channell J.M. Vague language: Some vague expressions in English: thesis (Ph.D) / University of York, York, 1983.

Donnellan K.S. Reference and definite descriptions // Philosophical Review. 1966. Vol. 75, №3. P. 281–304.

Metaphor and Gesture / ed. A. Cienki, C. Müller. Amsterdam, 2008. Vol. 3.

Irishanova O., Kiose, M., Leonteva, A., Agafonova, O., Petrov, A. Multimodal Collaboration in Expository Discourse: Verbal and Nonverbal Moves Alignment // Speech and Computer / ed. A. Karpov et al. Cham, 2023. Vol. 14338. P. 350–363. https://doi.org/10.1007/978-3-031-48309-7_29.

Kanellos I., Ciobanu E. The semiotic topos of vagueness // Vagueness in the exact sciences: Impacts in Mathematics, Physics, Chemistry, Biology, Medicine, Engineering and Computing / ed. by A. Syropoulos, B.K. Papadopoulos. Berlin ; Boston, 2021. P. 145–180. <https://doi.org/10.1515/9783110704303-009>.

Korotaev N.A. Collaborative constructions in Russian conversations: A multi-channel perspective // Computational Linguistics and Intellectual Technologies / RSUH. Moscow, 2023. Vol. 22. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2023-22-254-266>.

Kripke S.A. Speaker's reference and semantic reference // Studies in the philosophy of language / ed. by P.A. French, Th.E. Uehling, H.K. Wettstein. Morris, 1977. P. 255–296.

Longacre R.E. The grammar of discourse. N. Y., 1983.

McNeill D. Gesture-speech unity: What it is, where it came from // Gesture Studies / ed. R.B. Church, M.W. Alibali, S.D. Kelly. Amsterdam, 2017. Vol. 7. P. 77–101. <https://doi.org/10.1075/gs.7.05mcn>.

Sinha C. Grounding, meaning, and the acts of meaning // Cognitive linguistics. Foundations, scope, and methodology / ed. by T. Janssen, G. Redeker. Berlin ; N. Y., 1999. P. 223–256.

Об авторах

Мария Ивановна Киосе, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Московский государственный лингвистический университет; Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-7215-0604

E-mail: maria_kiose@mail.ru

Анна Васильевна Леонтьева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный лингвистический университет; младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-7234-2999

E-mail: lentevanja27@gmail.com

Ольга Владимировна Агафонова, младший научный сотрудник, Московский государственный лингвистический университет; младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-8460-8555

E-mail: olga.agafonova92@gmail.com

Андрей Андреевич Петров, научный сотрудник, Московский государственный лингвистический университет; младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-9616-4904

E-mail: petrov@linguanet.ru

Для цитирования:

Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Petrov A.A. Speech and gesture regulations in expressing vague reference in expository dialogue // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №2. С. 93 – 106. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-5.

ТИМИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ И ИХ РОЛЬ В ДИАЛОГЕ

И. А. Шаронов

Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., 6
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Поступила в редакцию 12.10.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-6

Рассмотрена пока мало исследованная тимнологическая оценка, то есть характеристика объекта по степени значимости. Данная оценка анализируется как самостоятельная сущность и как составной компонент аксиологической оценки — в качестве большой / малой степени ее актуальности или значимости. Тимнологическая оценка анализируется в статье через эмоциональные реакции на воспринятую информацию. В качестве эмоций, проявляющих самостоятельную тимнологическую оценку, рассмотрены удивление и безразличие. Аксиологическая оценка накладывается на удивление и безразличие, модифицируя их в эмоции восхищения и разочарования. Исследование проведено на основе анализа диалогических контекстов, собранных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ). В анализируемых контекстах эмоциональная реакция говорящего лица передается особыми маркерами эмоциональных проявлений — эмоциональными междометиями и коммуникативами, регулярно используемыми в диалогической речи.

Ключевые слова: виды оценок, тимнологическая оценка, диалог, эмоциональные реакции, междометия, коммуникативы

1. Введение

Тимнологическая оценка, или оценка по степени значимости, принадлежит списку важных механизмов эмоционального воздействия в диалогическом взаимодействии. А. Б. Пеньковский писал об этой оценке как о ранговом противопоставлении важности, значительности и неважности, незначительности обсуждаемого объекта (1995, с. 36). В качестве самостоятельной эта оценка редко становится объектом исследования, поскольку она обычно сопутствует аксиологической оценке, указывая на степень значимости положительного или отрицательного признака объекта.

В психологических исследованиях шкала значимости отмечается при анализе интенсивности проявления эмоций. Например, эмоции ужаса и восторга интенсивнее эмоций растерянности и разочарования. Неучет тимнологической оценки как самостоятельной сущности приводит к вопросу о статусе такого важного психического феномена, как удивление.

2. Эмоция удивления

С одной стороны, в истории науки заметна устойчивая традиция относить удивление к эмоциям. Удивление по яркости и узнаваемости симптоматических проявлений ставится этнологами в один ряд с такими общепринятыми эмоциями, как *счастье, грусть, гнев, отвращение и страх*. Декарт не только относил удивление к базовым эмоциям, но и открывал список эмоций с удивления. «Число простых и первичных страстей не очень велико, — писал философ, — ибо, рассмотрев все те, которые я перечислил, легко заметить, что таких только шесть, а именно: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль, все же прочие либо составлены некоторыми из этих шести, либо же являются их видами» (Декарт, 1989, с. 511).

С другой стороны, существуют серьезные основания против отношения к эмоциям удивления и близких удивлению психических состояний, передаваемых в языке словами *изумиться, поразиться, быть ошеломленным, растеряться*. Психолог К. Изард пишет: «Удивление нельзя назвать эмоцией в собственном смысле этого слова, ибо оно не обладает тем набором характеристик, которые присущи таким базовым эмоциям, как радость или печаль» (2006, с. 190).

Статус удивления основывается на противопоставлении большой степени взволнованности общему состоянию покоя. Так, Н.Д. Арутюнова (1988) считает, что модусные слова *удивительно, любопытно, интересно, странно* и им подобные выражают эмоциональное состояние субъекта, поскольку описывают спонтанную психическую реакцию

В работе Л.Н. Иорданской, посвященной компонентному анализу имен эмоций, первый компонент толкования глагола *удивиться* отражает представление об удивлении как о возбужденном и безоценочном эмоциональном состоянии: 'А удивляется В = А испытывает "возбужденное" эмоциональное состояние' (1970, с. 24).

В отличие от других эмоций, в которых возбуждение рассматривается как степень положительной или отрицательной оценки воспринятого, удивление определяется как следствие противоречия, возникшего в сознании, между новым знанием и предваряющим это знание мнением. Новое, неожиданное, непонятное — потенциальная угроза миропониманию субъекта, причина психического возбуждения. Неслучайно Ч. Дарвин указывал на близость удивления к такой негативно окрашенной эмоции, как ужас: «Внимание, внезапно привлеченное и пристально направленное на предмет, постепенно переходит в удивление, удивление переходит в изумление, а оно, в свою очередь, — в изумленное оцепенение. Это душевное состояние весьма родственно ужасу» (1953, с. 865).

3. Поляризация тимиологической оценки в эмоциях

Любая эмоция в психологии, как и модальность в логике, имеет оппозиции, нечто, противопоставленное одно другому. Такое противопоставление позволяет выявить в тимиологической оценке две группы

ментально-эмоциональных реакций. В первую входят единицы со значением сильного впечатления / возбуждения от чего-либо. Нейтральной с аксиологической позиции и высокой с позиции степени восприятия является эмоция сильного впечатления, глубокого удивления, пораженности от воспринятого. Подключение пораженности к положительной аксиологической оценке приводит к эмоции восхищения, радости, горячего одобрения и под., а подключение к отрицательной оценке — к эмоциям ужаса, безразличия, резкого осуждения и т.д. Однако пораженность может выступать как эмоциональное состояние самостоятельно, до указания на положительное или отрицательное отношение к объекту, будучи предваряющей аксиологическую оценку ступенью психического состояния.

Эмоциональному состоянию пораженности противостоит низкая оценка объекта восприятия. Это эмоции безразличия, преуменьшения значимости воспринятого, а также разочарования. Мы рассмотрим проявления тимнологической оценки через эмоциональные реакции субъекта в диалоге, акцентируя внимание на их дискурсивной роли. В качестве непосредственных эмоциональных реакций в диалогической речи и в ее письменной фиксации выступают вокальные жесты (неязыковые звучания, или первичные междометия), характерные жестово-мимические проявления субъекта, а также десемантизированная лексика (вторичные междометия). Вокальные жесты плохо отражаются на письме ввиду неязыкового характера их базовых свойств (см.: (Шаронов, 2008)). Например, в приводимом ниже диалоге противопоставление между двумя эмоциональными реакциями — первоначального разочарования и последующей пораженности — передается междометиями, различающимися размером букв:

— Затем я вышел со стадиона и увидел болельщиков Спартака. Их было где-то 25—28. — **У-у-у-у-у...** — Тысяч. — **О-О-О-О-О!!!** [<http://www.womenfootball.ru/forum/forum.php?idForum=4&idSubject=6>]

4. Большая степень тимнологической оценки

4.1. Выражение пораженности (изумления) в диалоге. Возглас пораженности от воспринятого (изумления) может передаваться целым списком разных первичных междометий, за которыми могут следовать уточняющие аксиологическую оценку высказывания:

Они, вишь, все по общинам, по сектам, в иных даже главные Христами и Богородицами зовутся. — **Ну-у-у!** — пораженно выдохнул долговязый, губастый, пучеглазый Митюха [А. Рогов. Ванька Каин].

Клянусь, мне было бы обидно, не оцени он эту закуску, но он оценил! — **О!** — сказал он. — Просто и впечатляюще [А. Ефремов. Любовь и доблесть Иоахима Тишбейна].

У-у! — произносит он с наслаждением, проглотив первый кусок. — Твоя маханша куда лучше готовит, умеет готовить, не то что моя идиотка! [Э. Лимонов. Подросток Савенко.]

— **О-ля-ля!** — воскликнул Свифт. — Это превосходная идея! [С. Юрский. Чернов].

— Ц-ц-ц-ц-ц! — Хамид поцокал языком, восторженно озираясь. — Какой дом ты построил, Николай! Какой дом! [А. Волос. Дом у реки.]

При передаче пораженности используются также и вторичные междометия. В отличие от первичных, слабо передающих реальное звучание вокальных жестов и потому определяемых в письменных диалогах через последующий контекст, вторичные междометия более четко выражают эмоциональное состояние субъекта. Большая степень удивления, пораженность выражается при помощи таких единиц как: *Ну вообще!*, *Обалдеть (можно)*, *Балдеж*, *Ну вообще*, *Жуть* и некоторых других. Они способны передавать как изумление от значительности воспринятого, большей, чем субъект мог предположить, так и сильное недоумение в связи с полным несоответствием с ожиданием. Приведем примеры передачи этих состояний субъектом на материале диалогов, собранных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ).

4.2. Изумление от значительности воспринятого, большей, чем субъект мог предположить:

Хотите скажу, сколько Аське платили? — Ну? — Пятьдесят долларов за смену. — **Обалдеть можно!** [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки].

Ну, представляешь, — я в ванне была, а он заходит, ты его знаешь, говорит так, между делом: «Ларка, ругаться не будешь? Я тут кучу денег потратил...» **Ну, балдеж!** А потом вздохнул и лукаво так посмотрел — и выяснилось, что сейчас поедем новую квартиру смотреть. Фантастика, правда? [А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть.]

Крыша на этаже есть только над вашей комнатой, а коридоры не имеют торцовых стен. Мы подняли головы. Над нами сияли звезды. — **Ну, вообще,** — сказал Лёня [М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию].

Надо сначала опустить на сиденье попу, — я скабречно ухмыльнулся, — а потом повернуться на ней влево, одновременно заноса в проем двери голову и согнутые ноги. — **Жуть!** А я как сделала? — А ты полезла в машину, как в берлогу [А. Рубанов. Сажайте, и вырастет].

4.3. Сильное недоумение в связи с полным несоответствием с ожиданием:

— Тебе вперед всего личность подавай, натуру, судьбу... В таком ключе — ясно, мужчины тебе всегда будут ближе. — **Обалдеть...** Где ты всего этого набралась? Нигде. У себя в душе [М. Бутов. Свобода].

— Тебя-то как зовут? — Никита Скоков. — Никитуки! — Ага! — **Обалдеть!** Ты же был рыжий и толстый [Д. Донцова. Уха из золотой рыбки].

— Только красный, это не то, согласишься. — Да, правильно, красный типичное не то. — Просто **жуть!** Кому только в голову взбредет! [Д. Донцова. Микстура от косоглазия.]

5. Малая степень тимиологической оценки

К эмоциям, противопоставленным высокой степени тимиологической оценки, относятся выражение безразличия и разочарования. Рассмотрим каждую из них, а также способы их выражения в диалогах между двумя собеседниками.

5.1. «Философия» безразличия. Выражение безразличия может иметь «философически наплевательскую» основу². Равнодушие ко всему передается в русском языке фразеологическими оборотами: *смотреть на все / на мир сквозь пальцы; плевать на все. Кому-либо может быть фиолетово, параллельно, по барабану, до лампочки, до фени*. Это позиция, которой придерживаются преимущественно циники или недалекие люди. Ср.:

А н н у н ц и а т а. Ну, что вы скажете, доктор? Как идут его дела?

Д о к т о р. Плохо.

А н н у н ц и а т а. Ну вот видите, а он говорит, что совершенно здоров.

Д о к т о р. Да, он здоров. Но дела его идут плохо. И пойдут еще хуже, пока он не научится **смотреть на мир сквозь пальцы**, пока он **не махнет на все рукой**, пока он не овладеет искусством **пожимать плечами** [Е. Шварц. Тень].

А мне плевать, что дальше будет, — философски заключила Монька. — Может, завтра на нас бомбу сбросят — и большой всем приветик. А может, меня завтра карачун хватит, что скорей всего [М. Палей. Кабирия с Обводного канала].

Невежи судят точно так: В чем толку не поймут, то все у них **пустяк** [И. Крылов. Петух и жемчужное зерно].

Раз не понял — значит, **чепуха**, бред [В. Шукшин. Штрихи к портрету].

А. Б. Пеньковский рассматривает преуменьшение проблемы в диалогах через выражение безразличия. Для этого в речь вводится частица *так*, принижающая представление о важности предмета обсуждения. Это одна из стратегий ухода от нежелательной темы, ответа на вопрос и т. д. (1995, с. 38).

Он вдруг поглядел на Зыбина и засмеялся. — Что вы? — удивился Зыбин. — **Да так**, ничего. Вот вспоминаю, как вы своей следовательнице отлили: голенькая, голенькая вы! [Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей.]

— Вы не конструктор будете? — спросил Иван. — Нет... А почему вы решили, что конструктор? — **Да так...** — Иван насмешливо, с укоризной посмотрел на пожилого соседа. — А кто вы будете, интересно бы узнать?... [В. Шукшин. Печки-лавочки.]

— Когда? — Уже два месяца. Мне давно надо было вам сказать... — Что ж не сказала? — **Да так...** Стыдно было [И. Грекова. Перелом].

5.2. Эмоция безразличия и средства ее выражения в диалоге. Для отнесения объекта обсуждения к области незначимого используется особая группа коммуникативов, кратких ответных реплик диалога: *Чепуха, Ерунда, Вздор, Чушь, Глупости, Пустяки* (Шаронов, 2010). Эти единицы способны нейтрализовать истинностные и аксиологические оценки обсуждаемого собеседниками объекта. Сила утверждений *Это правда* и *Это неправда; Это хорошо* и *Это плохо* снижается в диалогической речи до нуля, если за ними следует продолжение: *но это не важно, все это чепуха, глупости* и т. д. Способность к нейтрализации истинностной оцен-

² О философии наплеательства см. подробнее: (Шмелев, 2002, с. 368–370; Чонгарова, 2002).

ки у рассматриваемых единиц отражается в их толкованиях. Например, в словарной статье ЕРУНДА (Ожегов, Шведова, 1995) предлагается два толкования:

ерунда¹: 'взор, пустяки, нелепость'. *Молоть всякую ерунду;*

ерунда²: 'о чем-н. несущественном, незначительном'.

Мнение собеседника относительно истинности какого-либо утверждения может быть акцентировано и не акцентировано. В собранной базе полемических диалогов с тимиологическими реакциями на утверждение выявляются два типа контекстов, один из которых имеет акцент на неистинности высказывания собеседника, а другой отношение к истинности отодвигает на второй план, акцентируя неважность, неактуальность утверждения.

А) Контексты, акцентирующие внимание на ложности утверждаемого.

— Э, **ерунда**, возразила она, смеясь, мало ли что наговорят [Б. Хазанов. Корсар].

— Все это **чепуха**, ложь [Ю. Нагибин. Бунташный остров].

— **Глупости**, — возмутилась жена. — Они все выдумывают [В. Токарева. Лавина].

— Дело в том, что я ее отец. — **Взор**. Никакой вы не отец. Вы иностранный литературный агент [В. Набоков. Полита].

— Ты, я вижу, стал законченным антикоммунистом. — **Чушь!** — возразил я. — Никем я не стал. Против так называемых идеалов коммунизма я ничего не имею [В. Войнович. Москва 2042].

Б) Контексты с отрицанием важности, актуальности, при котором роль истинности / ложности рассматриваемого факта не влияет на мнение или решение говорящего:

А теперь давай за дядю Толпо. — За дядю Толпо? Не пьют за мертвых-то. — **Ерунда!** Дядя Толя для меня и мертвый живет всех живых [А. Абрамов. Трава-мурава].

В 1923 году один канадский экономист спросил английского физика Э. Резерфорда, что он думает о теории относительности. «А, **чепуха**, — ответил он. — Для нашей работы это не нужно» [А. Сухотин. Парадоксы науки].

Я говорил с одним из ее создателей. Он взял меня за плечо, посмотрел мне в глаза и произнес только: «Леонид, это было страшно». <...> — А, — сказал Банин. — **Чушь**. Это меня не интересует [А. и Б. Стругацкие. Далекая радуга].

Использование в диалоге такого рода уничижительного возражения может как приводить к негативной реакции собеседника, так и оказывать положительное влияние на отношения собеседников.

Болезненно такого рода ответ собеседника воспринимается, когда мнение об объекте речи хорошо продумано и затрагивает в той или иной степени интересы субъекта. Ср. разговор двух ученых:

— Вся наука будет состоять из двух-трех направлений, в которых никто, кроме корифеев, разбираться не будет. Понимаете меня? — А, **чушь!** — сказал Банин. — Ну почему же чушь? — спросил Ганс обиженно [А. и Б. Стругацкие. Далекая радуга].

В случаях, когда собеседник делится с говорящим своими опасениями, реплики уничижительного возражения могут стать целительными, успокаивая собеседника или примиряя его с действительностью. Ср.:

— Ну что, что с Марусей?.. — повторил мольбу Андрей Николаевич, весь в страхе от того, что мог услышать: брошена мужем, выгнана из партии, явила дурь в контактах с зарубежными марксистами. — А, **чепуха, пустиак**... — пренебрежительно отмахнулись братья. — Пересадили на промышленность... Известие о том, что Маруся еще на плаву, чрезвычайно обрадовало Андрея Николаевича [А. Азольский. Лопушок].

— Он знает, что ты еще не реабилитирован? — Именно это я у него и спросил. — И что же? — Засмеялся и ответил вот как я сейчас: — **Вздор** [В. Каверин, Двойной портрет].

Ирка скажет: подумаешь, **чепуха** **какая**, — и сразу же станет легче [А. и Б. Стругацкие. За миллиард лет до конца света].

5.3. Самоуспокоение междометиями безразличия. Преуменьшение значимости используется и в стратегиях самоуспокоения и примирения с неизбежным. Наиболее лаконично эту стратегию передает фраза, приписываемая Станиславу Ежи Лецу: «Если не можешь изменить ситуацию — измени свое отношение к ней». Естественно, в сторону уменьшения значимости. По утверждению И. Гоффмана английское междометие *Oops* часто используется в речи для преуменьшения значимости какого-либо негативного события: «Перед лицом более серьезного провала оорс! имеет эффект уменьшения важности» (Goffman, 1978, p. 801).

Русская стратегия преуменьшить неисправимую проблему — перевести ее в ранг незначимой через безразличие к ней. Достигается это психологическим отталкиванием проблемы от себя, физически выражаемым через «крякающий» возглас, короткий горловой звук, передаваемый на письме такими междометиями как: А, А-а, Ах, Э, Ай. Говорящий делает при этом отмахку рукой, как бы отдаляя от себя образ объекта, тем самым уменьшая его ценность. Вслед за возгласом следуют реплики: *Плевать, Бог / черт / фиг с кем-, чем-л.*

Измученный, забылся на рассвете. Веду себя, как ребенок. А, плевать! [Р. Солнцев. Полураспад.]

Кончено, брат... Молодость кончена. Э, **плевать...** Я, брат, на себя крест поставил. Третий звонок [Д. Мамин-Сибиряк. Черты из жизни Пепко].

— Купавка твоя упала... — **Да бог с ней!** — отмахнулась Валя [Т. Трошина. Русалка для интимных встреч].

— Что-то твой благоверный предпочтение отдает новым знакомым, — прошептал ей Служкин. — **А-а, плевать, фиг с ним,** — беспечно отозвалась Ветка [А. Иванов. Географ глобус пропил].

5.4. Эмоция разочарования. Эмоция разочарования строится на несоответствии ожиданий и воспринятой информации и привносит в слабую тимнологическую оценку негативное отношение говорящего к услышанному. Говорящий может ка просто сделать акцент на несогла-

сии с важностью, придаваемой высказыванию собеседником, так и одновременно уколоть собеседника, ударить по его престижу, намекнув на наивность, неопытность, трусливость и т. д.

Несогласие с важностью может передаваться через вводное *Подумаешь* или смешок *Ха/ Хе!*, за которым следует указание на обычность или даже банальность услышанного.

— Я каждый день умывался и зубы чистил! — гордо сказал Сашка. — **Подумаешь!** — фыркнул Кузька. — Мы, коты, по пять раз в день умываемся [В. Иванова. Кому идти в зоопарк].

— А мы что будем делать без Знайки? — **Подумаешь!** — ответил Незнайка. — Будто уж вовсе нельзя без Знайки [Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей].

— Но у меня разбита физиономия. — **Подумаешь!** Кого это волнует?! Я привезу тебе солнечные очки [С. Довлатов. Чемодан].

— Вы когда умрете? Тут уж буфетчик возмутился. — Это никому не известно и никого не касается, — ответил он. — Ну да, неизвестно, — послышался все тот же дрянной голос из кабинета, — **подумаешь**, бином Ньютона! [М. Булгаков. Мастер и Маргарита.]

— Валерий, но у вас же там, во рту, — мышьяк, — вежливо и с ужасом сказал Слава Платонов. — **Ха**, — сказал я, — мышьяк! На него только стрихнин подействует, и то вряд ли... [Ю. Даниэль. Письма из заключения.]

— В шутку он говорит, что лечит здесь насморк шальными нейтронами, а на самом деле мыслит по вопросам мироздания. — **Хе**, — сказал я, — пфе, ха-ха, **подумаешь**, между прочим, не он один по ночам мыслит [В. Аксенов. Романтик Китоусов, академик Великий-Салазкин и таинственная Маргарита].

Эмоция разочарования, прямо бьющая по престижу собеседника, выражается целым рядом вокализаций, передаваемых междометиями *У-у-у*, *М-м-м*, *Э-э-э*, *Ну-у*, *Фу-у*, *Фи...* (подробнее о междометиях см.: (Шаронов, 2008)). Ср.:

У всех у них в глазах как будто бывает написана одна и та же мысль, приблизительно такая: «**У-у-у...** Какой банальный ответ! Он любит папу и маму одинаково! Какой скучный мальчик!» [В. Драгунский. Ничего изменить нельзя.]

— А как сложить? — спросил он у Петровича. — Сложить как? — **Э-э-э**, парень... — протянул прапорщик, насмешливо его рассматривая. — Ну что ж, давай. Курс молодого бойца [А. Волос. Дом у реки].

— **Ммм...** — проговорила барышня разочарованно опуская руки. — Начало хорошо, а кончили бог знает как... [А. Чехов. То была она.]

— Короче, хозяйка мне нужна, а не грабительница и не обожательница. — **Ну-у**, — скептически хмыкнул Служкин. — Давай ищи съеденные пщи [А. Иванов. Географ глобус пропил].

— Помру ведь я тут без молитвы и причастия.... — **Ф-фу**, какой паникер! Да еще и в Бога верующий!.. Поможем вам, поможем... [В. Астафьев. Веселый солдат.]

— **Фи**, — ничуть не смутившись, сказал Миронов, — есть из-за чего шум поднимать? [Н. Пеньков. Была пора.]

— Как хорошо была Елецкая! — **И**, мой милый! Что в ней хорошего? [А. Пушкин. Пиковая дама.]

Заключение

Тимиологическая оценка — важная составляющая эмоциональных реакций субъекта в процессе коммуникации. Выступая совместно с аксиологической оценкой или самостоятельно, тимиологическая оценка определяет эмоциональный накал диалога, оживляя его гармонией или контрастом представлений собеседников. Стереотипные языковые единицы — первичные и вторичные междометия, выражающие сильную или слабую значимость воспринятого, узуализировались в результате регулярного использования в типовых контекстах, приобрели возможность передавать это значение даже без помощи контекста.

Благодарности. Данное исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
- Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных // Собр. соч. М., 1953. Т. 5. С. 681—922.
- Декарт Р. Страсти души // Соч. М., 1989. Т. 1. С. 481—572.
- Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 2006.
- Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1970. Вып. 13. С. 3—26.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд. М., 1995.
- Пеньковский А.Б. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 36—40.
- Чонгарова И. Заметки об одном «некультурном» слове и концептуализации его производных (в русском и болгарском языках) // Русский язык за рубежом. 2002. №2. С. 52—54.
- Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008.
- Шаронов И.А. Слово *цепуха* и его синонимы в диалогических реакциях // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М., 2010. С. 424—431.
- Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Goffman E. Response cries // Language. 1978. Vol. 54, №4. P. 787—815.

Об авторе

Игорь Алексеевич Шаронов, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет; старший научный сотрудник, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия.

E-mail: Igor_sharonov@mail.ru

Для цитирования:

Шаронов И.А. Тимиологические реакции и их роль в диалоге // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 2. С. 107 – 117. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-6.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THYMIOLOGICAL REACTIONS AND THEIR ROLE IN DIALOGUES

Igor A. Sharonov^{1, 2}

¹ Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993

² Pushkin State Russian Language Institute,
3 Akademika Volgina St., Moscow, Russia, 117485

Submitted on 12.10.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-6

This article examines the underexplored concept of thymiologic modality, which refers to the characterization of an object based on the degree of its significance. This modality is analyzed both as an independent entity and as a component of axiological modality, representing a higher or lower degree of relevance or significance. Thymiologic modality is explored through emotional reactions to perceived information. Surprise and indifference are considered emotions that exhibit independent thymiologic modality. Axiological modality is imposed on these emotions, modifying them into admiration and disappointment. The study is based on the analysis of dialogic contexts collected from the Russian National Corpus (RNC). In the examined contexts, the speaker's emotional reaction is conveyed through specific markers of emotional expression, such as emotional interjections and communicatives – linguistic units regularly used in dialogue.

Keywords: types of modalities, thymiologic modality, dialogue, emotional reactions, interjections, communicatives

Acknowledgement. The study was funded by the Russian Science Foundation within project No. 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238>.

References

Arutyunova, N.D., 1988. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation, event, fact]. Moscow (in Russ.).

Chongarova, I., 2002. Notes about one “non-cultural” word and conceptualization of its derivatives (in Russian and Bulgarian languages). *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2, pp. 52 – 54 (in Russ.).

Darwin, Ch., 1953. Expression of Emotions in Man and Animals. In: *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 5. Moscow, pp. 681 – 922 (in Russ.).

Descartes, R., 1989. Passion of the Soul. In: *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Goffman, E., 1978. Response Cries. *Language*, 54 (4), pp. 787 – 815.

Iordanskaya, L.N., 1970. Attempt of lexicographic interpretation of a group of Russian words with the meaning of feeling. In: *Mashinnyi perevod i prikladnaya lingvistika* [Machine translation and applied linguistics]. Iss. 13. Moscow, pp. 3 – 26 (in Russ.).

Izard, K.E., 2006. *Psikhologiya emotsii* [Psychology of emotions]. St. Petersburg (in Russ.).

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 10 October 2024] (in Russ.).

Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Y., 1995. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).

Penkovsky, A.B., 1995. Thymiological evaluations and their expression in order to evade the truth of the diminution of significance. In: *Logicheskii analiz yazyka: Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical Analysis of Language: Truth and Truthfulness in Culture and Language]. Moscow, pp. 36–40 (in Russ.).

Sharonov, I.A., 2008. *Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare* [Interjections in speech, text and dictionary]. Moscow (in Russ.).

Sharonov, I.A., 2010. Word nonsense and its synonyms in dialogical reactions. In: *Logicheskii analiz yazyka. Mono-, dia-, polylog v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Logical analysis of language. Mono-, dia-, polylog in different languages and cultures]. Moscow, pp. 424–431 (in Russ.).

Shmelev, A.D., 2002. *Russkii yazyk i vneyazykovaya deistvitel'nost'* [Russian language and extra-linguistic reality]. Moscow (in Russ.).

The author

Prof. Igor A. Sharonov, Head of the Department of Russian Language, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities; Pushkin State Russian Language Institute, Senior researcher. Moscow, Russia.

E-mail: igor_sharonov@mail.ru

To cite this article:

Sharonov, I.A., 2025, Thymiological reactions and their role in dialogues, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 2, pp. 107–117. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ЭМОТИВНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ В ЛИЦЕУГРОЖАЮЩИХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Т. В. Ларина

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Поступила в редакцию 02.05.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-7

Дискурсивный подход к изучению вежливости расширил сферу ее исследования, включив в нее не только говорящего, но и слушающего, а также контекст их взаимодействия, который определяет различные аспекты коммуникации, в том числе и эмоциональный аспект. Вежливость рассмотрена в статье, продолжающей изучение эмотивной вежливости, направленной на чувства адресата, через призму эмоциональной составляющей коммуникации. В центре внимания — лицеугрожающие речевые акты (Face Threatening Acts). Цель исследования — выявить в английской и русской академической электронной коммуникации средства смягчения отказа, ориентированные на оказание эмоциональной поддержки адресату, и проследить их этнокультурную вариативность. Материалом послужили аутентичные электронные письма на русском и английском языке, содержащие отказ на просьбу написать рецензию на статью и отказ на приглашение участвовать в спецвыпуске журнала. Проанализированы структура отказа, способы его выражения, а также поддерживающие ходы, нацеленные на его смягчение, их комбинация и конвенциональность. Сопоставительный анализ проведен с опорой на основные положения эмотивной лингвоэкологии, кросс-культурной прагматики, теории (не)вежливости и коммуникативной этностилистики. Принимая во внимание тот факт, что каждое письмо может иметь свои особенности, предопределяемые идиостилем и психологическими характеристиками автора, а также конкретным контекстом, мы выявили некоторые культурно-специфичные черты. Согласно полученным данным, английские письма в большей степени ориентированы на смягчение отказа и его негативного эффекта на чувства адресата и, таким образом, на сохранение лица, чем русские, что проявляется в структуре отказа, способах его выражения, поддерживающих ходах и стратегиях вежливости. Результаты подтверждают, что вежливость — это не только социальный, но и психологический феномен, основанный на эмпатии и такте. Проявления эмотивной вежливости и ее востребованность могут различаться в зависимости от культуры и разделяемых ее носителями ценностей.

Ключевые слова: эмотивная вежливость, лицо, лицеугрожающий речевой акт, отказ, эмотивная чувствительность, такт, английский язык, русский язык

1. Введение

В последнее время исследователи все чаще говорят о необходимости эмоциональной / эмотивной чувствительности в коммуникации. Теоретики эмотивной лингвоэкологии призывают общающихся бережно

относиться к чувствам друг друга, «ориентировать свои эмоции на позитив во всех видах общения и противостоять негативному эмоционально-аффективному воздействию источника информации на получателя» (Шаховский, 2018, с. 71). По их мнению, каждое сообщение должно обладать терапевтическим воздействием на адресата, а не быть направленным на его эмоциональное травмирование (Шаховский, 2016, с. 33). В результате в процессе коммуникации необходимо стремиться к тому, чтобы даже негативная информация была представлена позитивно в целях смягчения ее отрицательного эффекта на эмоциональное состояние адресата.

Эмотивная лингвоэкология во многом пересекается с теорией вежливости, которая благодаря дискурсивному подходу расширила поле своего исследования и наряду с говорящим включила в него адресата и контекст их взаимодействия (Eslami et al., 2023; Locher, Larina, 2019; Rhee, 2023; Watts, 2003 и др.). Как отмечалось ранее (Ларина, 2019), их объединяют антиконфликтная направленность, нацеленность на гармоничное общение, отказ от эгоцентрической модели поведения и ориентация на другого — на его желания, качества, мнения и чувства, которым должен отдаваться приоритет. Тесная взаимосвязь вежливости с эмоциями позволяет выделять эмотивную вежливость как отдельный объект исследования, в фокусе которого находится эмоциональный компонент коммуникации.

Как и вежливость в целом, эмотивная вежливость обладает этнокультурной спецификой. Нами уже рассматривалась эмотивная вежливость в жанре научной рецензии на статью (Там же; Larina, Ponton, 2020; 2022). Данное исследование продолжает изучение эмотивной вежливости в академическом дискурсе на примере отказа, который, как и критика, относится к лицеугрожающим речевым актам (РА)¹. Материалом послужили аутентичные электронные письма, содержащие отказ на просьбу написать рецензию на статью и отказ на приглашение участвовать в спецвыпуске журнала.

Цель исследования — выявить в английской² и русской электронной академической коммуникации средства смягчения отказа, нацеленные на оказание эмоциональной поддержки адресата, и определить их культурно-специфичные особенности. В центре внимания — структурные компоненты отказа, средства смягчения его перлокутивного

¹ В отечественной лингвистике встречается термин «лицоугрожающий акт», однако данный перевод не представляется вполне удачным, так как речь идет именно о лице как социальном имидже, а не лике, который не является семантическим эквивалентом и употребляется в иных контекстах. В процессе коммуникации мы можем сохранить или потерять именно лицо, а не лик, как и упасть лицом в грязь. Мы предлагаем термин «лицеугрожающий» по аналогии с «нелицеприятный».

² Термин *английский* здесь и далее употребляется в широком смысле и равнозначен термину *Anglo* (Wierzbicka, 2006), который охватывает основные варианты английского языка и равнозначен термину «англосаксонский».

эффекта, этнокультурные особенности выражения эмотивной вежливости и их влияние на функционально-стилистические характеристики письма-отказа в сопоставляемых культурах.

2. Эмотивная лингвоэкология, эмотивная коммуникация и эмотивная вежливость

Как уже было отмечено, эмотивная лингвоэкология во многом пересекается с теорией вежливости нацеленностью на гармоничное общение, позитив и бережное отношение собеседников к чувствам друг друга. Одним из основных параметров эмотивной экологичности является «этичность в трансляции эмотивных смыслов», реализуемая через «баланс отрицательного и положительного модусов эмотивности» (Солодовникова, 2013, с. 45), из чего следует, что позитивный модус должен присутствовать даже при передаче адресату негативной информации. Вежливость также связана с этикой поведения, которая касается не только социального имиджа собеседника, но и его чувств и эмоций. Эмоции, как правило, регулярно сопровождают невежливую и грубую коммуникацию (Culpeper, 2011) в ситуации конфликта, однако и в неконфликтной ситуации их может вызвать недостаточное внимание к чувствам адресата или неучет его интересов.

Рассматривая эмоциональный аспект коммуникации, следует различать *эмоции* и *эмотивы*, а также *эмоциональную* и *эмотивную коммуникацию* (Janney, Arndt, 1992; Ларина, 2009). В эмоциональной коммуникации аффективные проявления являются спонтанными, незапланированными физиологическими выражениями внутренних состояний, в то время как в эмотивной они используются стратегически в широком спектре социальных ситуаций с целью повлиять на восприятие и интерпретацию коммуникативных действий другими. Эмотивная коммуникация — это эмоции для других, которые выражаются с определенной коммуникативной целью. В нашем случае — с целью обеспечить позитивное эмоциональное состояние собеседника, что удачно передается формулой «Я хочу, чтобы ты чувствовал себя хорошо» (I want you to feel good) (Wierzbicka, 2003)³. Другими словами, эмотивная коммуникация — это проявление такта, который противостоит искренности, лежащей в основе эмоциональной коммуникации.

Ориентированность на чувства адресата, эмоциональная / эмотивная⁴ чувствительность к адресату и его лицу — важные составляющие вежливого взаимодействия. Исследователи вежливости предписывают усиливать и даже преувеличивать интерес, одобрение, симпатию к собеседнику (Brown, Levinson, 1987; Ларина 2009), чтобы вызвать у него

³ Ориентированность на чувства собеседника как одно из правил вежливости (Make A feel good) было сформулировано ранее Р. Лакофф (Lakoff, 1973).

⁴ Здесь и далее используется сдвоенный термин, поскольку речь идет об эмотивных действиях говорящего, нацеленных на поддержание эмоционального состояния слушающего.

позитивные эмоции. Ставить эмоции собеседника выше собственных Дж. Лич называет среди компонентов общей стратегии вежливости (Leech, 2014, p. 91; Leech, Larina, 2014, p. 18).

Тесная взаимосвязь эмоций и вежливости позволяет говорить об *эмотивной вежливости*, которую можно определить как эмоциональную / эмотивную чувствительность, ориентированность на чувства других, этичность в проявлении собственных чувств и эмоций, оказание коммуникативной поддержки собеседнику (Ларина, 2019, с. 41). Речь идет об эмоциональной / эмотивной поддержке собеседника, о желании вызвать у него положительные эмоции, а в случае необходимости совершить нежелательный для него акт, снизить его отрицательное воздействие на адресата. Таким образом, если категория вежливости в целом выступает регулятором коммуникативного поведения (Ларина, 2009, с. 166), то эмотивная вежливость является регулятором эмоционального взаимодействия. Она ориентирована на позитивную коммуникацию, которую исследователи определяют как «благоприятную, эффективную, конструктивную, выражающую положительную интенцию, оптимизм, психологическую поддержку собеседника, настрой на положительный исход общения, прогресс и развитие» (Леонтович, 2015, с. 167). Эмотивная вежливость во многом пересекается с позитивной вежливостью, направленной на сокращение дистанции и «удовлетворение желания каждого быть замеченным, понятым, услышанным, любимым» (Ларина, 2009, с. 308), однако она не ограничивается ею, что особенно наглядно проявляется в лицеугрожающих РА.

3. Лицеугрожающие речевые акты

Лицо как социальный имидж — важное понятие социолингвистики и теории вежливости. Будучи уязвимым, оно требует постоянного к себе внимания в коммуникации. В бесконфликтном общении собеседники вступают в сотрудничество и стараются поддержать лицо друг друга, совершая различные действия (facework). Развивая понятие «лицо» (Goffman, 1967), Браун и Левинсон (Brown, Levinson, 1987) выделяют два типа лица, соотносимых с желаниями человека: *негативное лицо* как желание / потребность быть свободным в действиях, независимым, и *позитивное лицо* как потребность быть желаемым (Ibid., p. 62). Другими словами, позитивное лицо ориентировано на стремление к сближению, негативное — на независимость и дистанцирование. Действия, которые противоречат данным желаниям, исследователи называют «угрожающими лицу актами» (Face Threatening Acts) (Ibid.; Kasper, 2009; Leech, 2014; Watts, 2003 и др.). Для сохранения лица и поддержания эмоционального комфорта нацеленные на сотрудничество участники взаимодействия используют соответствующие стратегии вежливости.

Проявление эмотивной вежливости рассматривалось в жанре анонимной рецензии на научную статью в английской (англосаксонской) и русской коммуникативных культурах (Ларина, 2019; Larina, Ponton, 2020; 2022). Были выявлены этнокультурные особенности, свидетельст-

вующие о разной востребованности эмотивной вежливости в сопоставляемых культурах. Авторы английских рецензий предпринимают значительные коммуникативные усилия для смягчения негативное воздействие своей критики / отказа на анонимного адресата и оказания ему эмоциональной поддержки. Русскоязычные рецензенты, напротив, концентрируют свое внимание в большей степени на качестве рецензируемой статьи и демонстрируют меньшую эмоциональную чувствительность к ее автору.

Отказ является лицеугрожающим РА, так как может означать неодобрение намерений собеседника и, следовательно, нести угрозу его позитивному лицу. Он также означает нежелание говорящего сотрудничать, его нацеленность не на сближение, а на дистанцирование, что угрожает как лицу адресата, так и его собственному. Таким образом, отказ — это нежелаемый РА, который угрожает позитивному и негативному лицу обоих собеседников. В результате в его выражении могут быть задействованы стратегии как позитивной вежливости, которые показывают, что адресант учитывает интересы адресата и в некотором отношении желает того же, что и он (*Я бы с радостью, но...*), так и негативной вежливости (*Извините, у меня другие планы*). Их комбинация смягчает негативный перлокутивный эффект отказа и минимизирует взаимную потерю лица.

Отказ может выражаться прямо (*Я отказываюсь; Я не могу*) или косвенно (*К сожалению, очень занят*), а также сопровождаться другими действиями, или сопровождающими поддерживающими актами, ходами ('supportive moves') (Leech, 2014; House, Kádár 2021), которые самостоятельно отказ не выражают, но смягчают его. В результате отказ рассматривается как сложный РА, который, помимо основного, может включать и поддерживающие лицо ходы (извинение, сожаление, благодарность и т. д.).

Большую роль в реализации отказа играет контекст — как социальный, так и культурный. Как и другие РА, отказ имеет свою культурную специфику из-за различий в ценностях, в типе взаимоотношений и в понимании вежливости, которая проявляется в степени прямолинейности / косвенности, в структуре отказа, а также в использовании стратегий вежливости, нацеленных на его смягчение (Deveci, Midraj, 2021; Iliadi, Larina; 2017; Litvinova, Larina, 2023; Malyuga, McCarthy, 2021; Wierzbicka, 2003 и др.).

В настоящей статье отказ исследуется в электронной академической коммуникации с целью выявления потенциальных языковых и социокультурных различий в его реализации в русском и английском (англо-саксонском) контекстах.

4. Материал и методология исследования

Материалом исследования послужили аутентичные письма-отказы (общее количество — 80), поступившие в редакцию журнала *Russian Journal of Linguistics* в 2021–2023 годах от российских, британских, аме-

риканских, канадских и австралийских ученых, то есть носителей русского и основных вариантов английского языка. На данном этапе национальные варианты английского языка не дифференцировались. Мы посчитали это допустимым по двум причинам: (1) английский язык, являясь основным языком международной коммуникации в различных сферах, включая академическую, стал в значительной степени универсальным; (2) варианты английского языка, принадлежащие к внутреннему кругу ('inner circle'), базируются на общих ценностях, которые отражаются в речевых практиках их носителей (Wierzbicka, 2006).

Рассматривались два типа отказов — отказ на просьбу написать рецензию на статью и отказ на приглашение прислать статью для спецвыпуска журнала. При общей схожести данные ситуации имеют некоторые различия: в первом случае это достаточно трудоемкая просьба, в выполнении которой заинтересован журнал, во втором — приглашение, бенефициарами которого являются как журнал, так и автор. В обоих случаях редакция журнала ожидает положительный ответ как свидетельство желания рецензента / автора к сотрудничеству. В то же время не исключается, что у предполагаемого рецензента / автора может не оказаться времени или возможности выполнить просьбу либо принять приглашение. В какой форме он делает отказ имеет большое значение, так как в нем содержится эксплицитная либо имплицитная информация об отношении к редактору, редколлегии и журналу в целом, о (не)желании дальнейшего сотрудничества.

В центре исследования — средства смягчения перлокутивного эффекта отказа в русских и английских письмах и ориентированность на эмоциональную / эмотивную поддержку адресата. Сопоставлялись структура писем, способ выражения отказа как основного акта, а также сопровождавшие его прагматические, или «поддерживающие», ходы. Также обращалось внимание на стратегии вежливости, длину речевого фрагмента, выражающего отказ, и его стилистические характеристики. Хотя нами осуществлялся как качественный, так и количественный анализ, мы не приводим точных количественных результатов (на данном этапе они находятся на стадии уточнения) и ограничиваемся лишь выявленными тенденциями. При отборе материала учитывался тот факт, что степень лаконичности / развернутости отказа, как и его стиль, могут зависеть от ряда контекстуальных факторов, однако основной акцент в исследовании был сделан на влиянии социокультурного контекста.

Исследование опирается на основные положения эмотивной лингвозоологии (Ионова, 2015; Солодовникова, 2013, Шаховский, 2016; 2018 и др.), кросс-культурной прагматики (House, Kádár, 2021; Wierzbicka, 2003 и др.), теории (не)вежливости (Brown, Levinson, 1987; Culpeper, 2011; Kasper, 2009; Leech, 2014; Leech, Larina, 2014; Rhee, 2023; Watts, 2003 и др.) и коммуникативной этностилистики (Ларина, 2007; 2009; House, 2006; Larina, 2015; Selting, 2009). В нем имеется ряд ограничений, касающихся объема эмпирического материала и отсутствия результатов количественного анализа.

5. Результаты анализа

Проведенный анализ позволил выявить три основных типа реакций на просьбу / приглашение:

- 1) отсутствие ответа;
- 2) краткий информативный ответ-отказ;
- 3) развернутый ответ-отказ.

Отсутствие ответа является проявлением невежливости в обеих культурах, поскольку означает, что просьба / приглашение, а значит и сам адресант, оказались проигнорированными, незамеченными. Хотя мы пока не обладаем точными количественными данными, в целом результаты показывают, что отсутствие ответа на просьбу / приглашение чаще наблюдается в русской коммуникативной культуре, чем англосаксонской. Кроме того, русские в большей степени склонны к краткому информативному ответу, в то время как представители англосаксонской культуры — к развернутому, содержащему большее количество поддерживающих ходов, совершаемых для эмоциональной / эмотивной поддержки адресата.

5.1. Анализ английского материала

В английских текстах прямой отказ с перформативным глаголом (*I refuse*) не был замечен. В ряде случаев встретились высказывания с глаголом *decline*, который обладает более мягкой семантикой:

- (1) *I have to decline your invitation.*

[Я вынужден отклонить ваше приглашение.]

Также имели место прямые неперформативные высказывания о невозможности выполнить просьбу (*I cannot / I am unable* 'я не могу'), как правило, в сочетании с сожалением, объяснением причины и извинением:

- (2) *I do apologize, but unfortunately, I am unable to take on this review work. I am too loaded up with tasks.*

[Я приношу свои извинения, но, к сожалению, я не могу взяться за эту рецензию. Я слишком загружен другими заданиями.]⁵

Помимо сожаления, извинения и объяснения причины в английских письмах регулярно встречались и другие прагматические ходы, реализующие стратегии позитивной вежливости. Поскольку они ориентированы на поддержание позитивного лица адресата и их прагматическая цель — «Я хочу, чтобы ты чувствовал себя хорошо» (*I want you to feel good*), их можно назвать эмотивными ходами.

⁵ Здесь и в дальнейшем мы преднамеренно даем буквальный перевод примеров с целью сохранить их особенности.

Наиболее конвенциональными среди них являются:

- благодарность за приглашение дать рецензию на статью:

(3) *Thank you for your invitation.* [Спасибо за приглашение.]

- желание помочь / выполнить просьбу:

(4) *Normally I would be only too willing to help.* [Обычно я бы с радостью помог.]

- выражение желания сотрудничать в будущем:

(5) *Another time feel free to call on me.* [В другой раз смело обращайтесь ко мне.]

- позитивная эмоциональная оценка:

(6) *I am honored to be asked to review this manuscript, and the title is very intriguing.*

[Для меня большая честь получить приглашение рецензировать эту рукопись, и ее название очень интригующее.]

В результате комбинации перечисленных ходов английское письмо-отказ, как правило, представляет собой многокомпонентный текст, отличающийся позитивной тональностью, что сводит до минимума его возможный негативный эффект. Наиболее частотными оказались пятикомпонентные письма-отказы, содержащие:

- сожаление + отказ + объяснение причины + благодарность + желание последующего сотрудничества:

(7) *Unfortunately, I am unable to review the submission to your journal at this time. I have far too many prior commitments. Thank you for thinking of me, and another time feel free to call on me.*

[К сожалению, в настоящее время я не смогу дать рецензию на статью в ваш журнал. У меня слишком много предыдущих обязательств. Спасибо, что подумали обо мне, и в другой раз смело обращайтесь ко мне.]

Возможны и более сложные письма с добавлением позитивной оценки:

(8) *Thank you for considering me as a potential reviewer of this manuscript. Normally I would be only too willing to help but just at the moment, and for the next six weeks, I am too loaded up with tasks and unfortunately, I am unable to take on this review work. Thank you for thinking of me, and another time feel free to call on me.*

[Благодарю вас за рассмотрение меня в качестве потенциального рецензента этой рукописи. Обычно я был бы очень рад помочь, но сейчас и в последующие шесть недель я слишком загружен и, к сожалению, не могу взять на себя это рецензирование. Спасибо, что подумали обо мне, и в другой раз смело обращайтесь.]

Интересно отметить, что в (8) благодарность выражена дважды — в начале и в конце письма, что типично для английского письма-благодарности. Здесь же мы встречаем ее в ответе на просьбу.

Отказ на приглашение прислать статью имеет практически те же структурные компоненты, однако извинение выражается реже, а на первое место выходит благодарность, которая часто удваивается. Кроме того, степень экспрессивности здесь выше, что создается за счет оценочных лексем, усиливающих позитивное воздействие на адресата (*it is indeed an honor, I feel honored, interesting invitation, very much appreciated* и др.):

(9) *Thank you for considering me as a potential contributor to the volume. It is indeed an honor. However, I feel a bit overextended at the moment with one book project. I simply don't think it is feasible at this time to add another project to my schedule at the moment. Thank you again for your consideration and apologies that I cannot accept your invitation at this time.*

[Спасибо, что рассматриваете меня как потенциального автора этого выпуска. Это действительно честь для меня. Однако сейчас я чувствую себя немного перегруженным одним книжным проектом. Я просто не думаю, что сейчас возможно добавить еще один проект в мое расписание. Еще раз благодарю вас за внимание и прошу прощения за то, что в этот раз я не могу принять ваше приглашение.]

Из новых прагматических ходов в данном типе отказа встречается пожелание успехов (*Good luck with this project* 'Удачи с Вашим проектом').

Были замечены и стратегии негативной вежливости, реализуемые через модальность, что придает отказу неуверенность и снижает его категоричность:

(10) *I simply do not think I will be able to squeeze in one more article in 2024.*

[Я просто не думаю, что смогу «втиснуть» еще одну статью в 2024 год.]

5.2. Анализ русского материала

Анализ русских писем позволил выявить существенные различия между отказом написать рецензию и отказом прислать статью в спец-выпуск.

Отказ написать рецензию в большинстве случаев выражается прямо с использованием глагола *отказаться*. При этом он в некоторой степени смягчается причастием *вынужден/а*, показывающим, что автор письма принимает данное решение не по своей воле. В данном типе писем это основная модель отказа, которая сопровождается объяснением причины:

(11) *В силу большой занятости я вынуждена отказаться от рецензирования статьи «.....».*

Встречаются также отказы с модальным глаголом с отрицанием (*не могу / не смогу*), сопровождаемые сожалением:

(12) *К сожалению, не смогу написать рецензию, потому что не считаю себя экспертом в данной области.*

В итоге в русских письмах в данном контексте были выделены следующие двух и трехкомпонентные модели отказа:

- отказ + объяснение причины;
- сожаление + отказ + объяснение причины.

Наиболее частотна по предварительным данным трехкомпонентная модель:

(13) С сожалением *вынужден отказаться* от предложенной мне функции эксперта, так как мне не хватает компетенции в данной области.

Извинение и/или выражение желания к дальнейшему сотрудничеству встречалось лишь в единичных случаях (14). Позитивной оценки в виде благодарности, а также выражения желания помочь замечено не было.

(14) Приношу свои извинения, но я *вынуждена отказаться* от рецензирования рукописи по объективной причине. Надеюсь, что в следующий раз у меня будет такая возможность.

Отказы на приглашение прислать статью в целом строятся по той же модели. Однако в них заметна большая экспрессивность в выражении сожаления (*очень сожалею, к большому сожалению, к моему величайшему сожалению*), меньшая прямолинейность и употребление более разнообразных средств смягчения отказа:

(15) *К большому сожалению*, в ближайшее время мне не удастся прислать статью в ваш специальный выпуск. Сейчас *очень много* поручений и обязательств, которые необходимо завершить, поэтому я не успею подготовить статью в срок.

Помимо сожаления, в значительном количестве отказов на приглашение содержатся извинение и/или благодарность:

(16) *Спасибо за приглашение. К сожалению*, напряженный график не позволяет мне его принять. *Прошу прощения и очень сожалею*.

Выражение желания дальнейшего сотрудничества было замечено в единичных случаях в реплике прощания (*С надеждой на будущее сотрудничество*).

Таким образом, в отказе на приглашение русские авторы предпринимают больше коммуникативных усилий, нацеленных на смягчение отказа и оказание адресату эмотивной поддержки, чем в отказе написать рецензию, что проявляется в большей степени экспрессивности, эмотивности и длине письма. Однако по данным показателям они по-прежнему значительно уступают английским.

6. Обсуждение результатов

Результаты подтверждают, что в обоих культурных контекстах отказ — это сложный РА, который, как правило, состоит из двух, трех и более компонентов, выражающих причину отказа, сожаление, извинение, благодарность и др. Данные прагматические ходы совершаются для реализации стратегий вежливости и ослабления негативного перлокутивного эффекта. Однако интенсивность коммуникативных уси-

лий, нацеленных на смягчение отказа, в английских письмах значительно выше, чем в русских, что проявляется как на уровне лексики, так и в выборе и количестве поддерживающих ходов, и в результате — в стилистических чертах письма-отказа.

Хотя ни в английских, ни в русских письмах не был замечен прямой отказ в виде глагола *отказаться* в перформативном употреблении, в русских встречаем *Я вынужден/а отказаться*, в то время как в английских вместо *I have to refuse* употребляется *I have to decline* («вынужден отклонить»). Семантические различия между данными глаголами весьма существенны: по данным словарей *refuse* означает прямолинейный отказ, *decline* — вежливый отказ⁶.

Важно отметить, что в английских письмах делается меньше различий между отказом на просьбу, которая скорее обременительна, и отказом на приглашение, которое может быть выгодно и адресату. В обоих случаях отказ сопровождается благодарностью и позитивной оценкой:

(17) *Thank you for your email. I am honored to be asked to review this manuscript.*

[Спасибо за ваше письмо. Для меня большая честь получить приглашение рецензировать эту рукопись.]

(18) *Thank you for considering me as a potential contributor to the volume. It is indeed an honor.*

[Спасибо, что рассматриваете меня как потенциального автора этого выпуска. Это действительно честь.]

Можно предположить, что в английском контексте благодарность за обращение с просьбой — это скорее не семантическая формула благодарности, а в некоторой степени десемантизированный знак вежливости, который прагматически является позитивным сигналом адресату с целью вызвать у него приятные чувства. Этой же цели служит и позитивная эмоциональная оценка (*I am honored / It is an honor*). В английском отказе на приглашение прислать статью совершаются те же ходы, что и в отказе на просьбу, но с большей степенью конвенциональности и экспрессивности. При этом извинение здесь выражается реже, а на первое место выходит благодарность, которая практически в каждом письме выражается дважды. Возможно, это объясняется тем, что приглашение обладает меньшей иллокутивной силой, чем просьба, и в данной ситуации автор письма-отказа является не только исполнителем действия, в котором заинтересован адресат, но и его бенефициаром, что побуждает его в меньшей степени извиняться за непринятие приглашения, а больше благодарить за предоставленную возможность.

Анализ русских писем выявил большую зависимость от контекста. В отказе на просьбу благодарность в них практически отсутствует, что логично, так как русские, как правило, «благодарят за что-то», то есть должен быть объект благодарности (Ларина, 2009, с. 347), а просьба к таким объектам не относится. Извинение, хотя и встречается, не является конвенциональным ходом. Наиболее регулярные компоненты от-

⁶ Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2002.

каза на просьбу — сожаление и объяснение причины. В английском отказе, как было показано, этого недостаточно, там необходимы дополнительные коммуникативные действия в виде благодарности, позитивного отношения к просьбе, желания ее выполнить, заверения в готовности это сделать в будущем и т.д. Поскольку написание рецензии — это скорее обременяющий акт, данные ходы — это знаки эмотивной вежливости, свидетельствующие о стремлении максимально уменьшить негативное воздействие отказа и оказать адресату эмоциональную поддержку. Как показал анализ, русские отказы на приглашение в большей степени, чем отказы на просьбу, похожи на английские и также содержат извинение и благодарность, однако уступают английским как по количеству реплик, так и по их экспрессивности и конвенциональности.

Таким образом, как свидетельствуют полученные результаты, русские в большей степени ориентированы на сохранение своего лица и в меньшей степени — на лицо и эмоции адресата. В отказе для них важно объяснить причину невозможности выполнить действие и выразить сожаление. В английских письмах наблюдается ориентированность автора не только на сохранение своего лица (сожаление и объяснение причины), но и на поддержание позитивного лица адресата, выражаемое через благодарность, позитивную оценку, намерение сотрудничать и др. Данные ходы используются для реализации стратегий позитивной вежливости и являются своего рода коммуникативными подарками адресату. В результате в английских письмах мы наблюдаем «баланс отрицательного и положительного модусов эмотивности» (Солодовникова, 2013, с. 45), который в русских письмах-отказах соблюдается менее строго.

Проведенный сопоставительный анализ выявил те же особенности, что были отмечены и в отказе принять статью к публикации в жанре рецензии (Larina, Ponton, 2020; 2022), и в исследованиях отказа в бытовом дискурсе (Iliadi, Larina, 2017; Litvinova, Larina, 2023). Представляет интерес тот факт, что они также соотносятся с ранее выделенными чертами английского и русского стилей коммуникации (см. подробно: Ларина, 2009). Как показал анализ, английские письма-отказы характеризуются большей косвенностью, эмотивностью, ориентированностью на форму и на лицо как адресанта, так и адресата, что в целом характерно для английского стиля коммуникации. Русские письма, напротив, отличаются большей прямолинейностью, меньшей эмотивностью, ориентированностью на содержание и лицо адресанта. Кроме того, английские письма-отказы более многословны, экспрессивны и позитивны, для них характерна большая ритуализованность и меньшая зависимость от контекста. Русские письма-отказы более лаконичны, информативны и демонстрируют значительную зависимость от контекста.

А. Вежбицкая, анализируя кросс-культурные различия в выражении отказа в иврите, американском английском и японском, отмечает, что, если в израильской культуре прямолинейность в отказе приветствуется и можно ограничиться однословным «нет», то в американской этого недостаточно и надо обязательно «сказать что-то еще»; в то время

как в ориентированной на сохранение гармонии японской культуре прямое «нет» недопустимо и вместо него «надо сказать что-то другое» (Wierzbicka, 2003, р. 92–93). Что касается русского отказа, то, судя по результатам наших исследований, он, помимо прямого «нет», предполагает «что-то еще», но этого *еще* требуется не так много.

Результаты позволяют в очередной раз проследить зависимость выявленных особенностей от культурных / коммуникативных ценностей, которые определяют стратегии вежливости и формируют этнокультурные стили коммуникации. Они показывают, что, как справедливо отмечает Г. Каспер (Kasper, 2009), хотя такт и вежливость являются универсалиями человеческого поведения, что считать тактичным и при помощи каких языковых и коммуникативных / стратегических средств такт реализуется, представляется культурно вариативным из-за различий в способах организации социального взаимодействия (Kasper, 2009, р. 162).

7. Заключение

Принимая во внимание тот факт, что текст письма-отказа может иметь индивидуальные особенности, мы тем не менее выявили некоторые культурно-специфичные черты отказа. Результаты показали, что в обоих лингвокультурных контекстах отказ представляет собой сложный РА, который состоит из нескольких компонентов, поддерживающих ходов, нацеленных на смягчение его негативного воздействия на адресата. Однако английские письма в большей степени ориентированы на смягчение отказа и на оказание эмоциональной поддержки адресату, чем русские, что проявляется в структуре отказа, в поддерживающих ходах и стратегиях вежливости. Русские письма, напротив, в большей степени ориентированы на информативность, чем на лицо и чувства адресата (особенно в отказе на просьбу), они менее эмотивны и более лаконичны.

Полученные результаты в очередной раз продемонстрировали, что ориентированность на эмоции собеседника — важная составляющая вежливого поведения, которая имеет культурную специфику. Они также согласуются с мнением А. Вежицкой о том, что русские больше ценят искренность, чем преувеличение, и в большей степени ориентируются на свои чувства, а не на чувства других (Wierzbicka, 2002).

Выявленные различия в выражении отказа позволяют сделать предположение об их системном характере. Они формируют стилистические черты, согласующиеся с доминантными чертами английского (в данном случае — англосаксонского) и русского стилей коммуникации, что вносит вклад в их дальнейшее описание и систематизацию. Полученные результаты выходят за пределы рассмотренных РА. Они открывают перспективу для сопоставительных исследований в области эмотивной вежливости и ориентированности на чувства адресата в других актах и типах дискурса, а также в других речевых жанрах и культурах.

Благодарности и финансирование. Выражаю благодарность рецензентам и авторам журнала "Russian Journal of Linguistics", которые любезно разрешили воспользоваться их письмами для данного исследования. Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Список литературы

Ионова С. В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Russian Journal of Linguistics. 2015. №1. С. 20–30.

Ларина Т. В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2007. Т. 66, №3. С. 3–17.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.

Ларина Т. В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в жанре английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. 2019. Т. 1, №39. С. 38–57. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57>.

Леонтович О. А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. №1. С. 164–177.

Солодовникова Н. Г. Содержание научного направления эмотивная лингво-экология: проблемы и перспективы // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / под ред. В. И. Шаховского. Волгоград, 2013. С. 43–52.

Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград, 2016.

Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22, №1. С. 54–79. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79>.

Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.

Culpeper J. Impoliteness: Using language to cause offence. Cambridge, 2011.

Deveci T., Midraj J. 'Can we take a picture with you?' The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati speakers // Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25, №1. P. 68–88. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88>.

Eslami Z. R., Larina T. V., Pashmforoosh R. Identity, politeness and discursive practices in a changing world // Russian Journal of Linguistics. 2023. Vol. 27, №1. P. 7–38. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>.

Goffman E. Interaction ritual: essays on face-to-face interaction. N. Y., 1967.

House J. Communicative styles in English and German // European Journal of English Studies. 2006. Vol. 10, №3. P. 249–267. <https://doi.org/10.1080/13825570600967721>.

House J., Kádár D. Cross-cultural pragmatics. Cambridge, 2021.

Iliadi P. L., Larina T. Refusal strategies in English and Russian // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2017. Vol. 8, №3. P. 531–542. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542>.

Jannay R. W., Arndt H. Intracultural tact versus intercultural tact // Politeness in language. Studies in its history, theory and practice / ed. by R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. Berlin, 1992. P. 21–41.

Kasper G. Politeness // The pragmatics of interaction / ed. by S. D'hondt, J.-O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam; Philadelphia, 2009. P. 157–173.

Lakoff R. T. The logic of politeness; or, minding your Ps and Qs // Papers from the Ninth regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973. P. 292–305.

Larina T. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. 2015. Vol. 7, №2. P. 195–215. <https://doi.org/10.1163/18773109-00702003>.

Larina T., Ponton D.M. Tact or frankness in English and Russian blind peer reviews // *Intercultural Pragmatics*. 2020. Vol. 17, №4. P. 471–496. <https://doi.org/10.1515/ip-2020-4004>.

Larina T., Ponton D.M. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review // *Journal of Politeness Research*. 2022. Vol. 18, №1. P. 201–226. <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>.

Leech G. *The pragmatics of politeness*. Oxford, 2014.

Leech G., Larina T. Politeness: West and East // *Russian Journal of Linguistics*. 2014. №4. P. 9–34.

Litvinova A., Larina T. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures // *Training, Language and Culture*. 2023. Vol. 7, №1. P. 116–130. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130>.

Locher M.A., Larina T.V. Introduction to politeness and impoliteness research in global contexts // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 23, №4. P. 873–903. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903>.

Malyuga E.N., McCarthy M. 2021. 'No' and 'ne' as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 25, №P. 391–416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>.

Rhee S. Politeness and impoliteness in social network service communication in Korea // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Vol. 27, №1. P. 39–66. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32031>.

Selting M. *Communicative style* // *Pragmatics of interaction* / ed. by S. D'hondt, J-O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam, 2009. P. 21–39.

Watts R. *Politeness*. Cambridge, 2003.

Wierzbicka A. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications // *Ethos*. 2002. Vol. 3, №4. P. 401–432. <https://doi.org/10.1525/eth.2002.30.4.401>.

Wierzbicka A. *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin, 2003.

Wierzbicka A. *English: Meaning and culture*. Oxford, 2006.

Об авторе

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-6167-455X

E-mail: larina-tv@rudn.ru

Для цитирования:

Ларина Т.В. Эмотивная вежливость в лицеугрожающих речевых актах: кросс-культурный аспект // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2025. Т. 16, №2. С. 118–135. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-7.

EMOTIVE POLITENESS IN FACE-THREATENING SPEECH ACTS: CROSS-CULTURAL PERSPECTIVES

Tatiana V. Larina

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

Submitted on 02.05.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-7

The discursive approach to the study of politeness has expanded its scope by incorporating the hearer, in addition to the speaker, as well as the context of interaction, which determines various aspects of communication, including the emotional/emotive dimension. This article examines politeness through the prism of the emotional component of communication. It contributes to the study of emotive politeness, which focuses on the recipient's feelings, in face-threatening acts. The purpose of this study is to identify the means of mitigating refusal through emotional support to the addressee in English and Russian academic digital communication and to trace their culture-specific variability. The material consists of authentic Russian and English emails that contain a refusal to a request to write a review of an article and a refusal to an invitation to contribute to a special issue of a journal. The study focuses on the structure of refusal, the ways it is performed, supporting moves that aim to mitigate its threat, as well as combinations of these and their conventional features. Contrastive analysis draws on the main provisions of emotive lingua-ecology, cross-cultural pragmatics, the theory of (im)politeness and communicative ethnostyles. Taking into account the fact that each e-mail may have its own features, predetermined by the author's idiosyncrasy and psychological characteristics, as well as the context of the exchange, we have identified some culture-specific features. The findings suggest that English emails are more focused on mitigating refusal and its negative effect on the addressee's feelings, thereby saving face, compared with the Russian ones. This can be observed in the structure of refusal, its supporting moves and politeness strategies. The results confirm that politeness is not only a social, but also a psychological phenomenon based on empathy and tact. Emotive politeness, its manifestations and relevance may vary across cultures and are shaped by the values shared by its representatives.

Keywords: emotive politeness, face, face-threatening act, refusal, emotive sensitivity, tact, communicative ethnostyle, English, Russian

References

- Brown, P. and Levinson, S.C., 1987. *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge.
- Culpeper, J., 2011. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge.
- Deveci, T. and Midraj, J., 2021. 'Can we take a picture with you?' The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati speakers. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), pp. 68–88, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88>.
- Eslami, Z.R., Larina, T. V. and Pashmforoosh, R., 2023. Identity, politeness and discursive practices in a changing world. *Russian Journal of Linguistics*, 27 (1), pp. 7–38, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-34051>.
- Goffman, E., 1967. *Interaction ritual: essays on face-to-face interaction*. New York.
- House, J. and Kádár, D., 2021. *Cross-Cultural Pragmatics*. Cambridge.
- House, J., 2006. Communicative styles in English and German. *European Journal of English Studies*, 10 (3), pp. 249–267, <https://doi.org/10.1080/13825570600967721>.

Iliadi, P. L. and Larina, T., 2017. Refusal strategies in English and Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (3), pp. 531–542, <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-3-531-542>.

Ionova, S. V., 2015. Emotional Effects of Positive Forms of Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 1, pp. 20–30 (in Russ.).

Janney, R. W. and Arndt, H., 1992. Intracultural tact versus intercultural tact. In: R. Watts, S. Ide and K. Ehlich, eds. *Politeness in language. Studies in its history, theory and practice*. Berlin, pp. 21–41.

Kasper, G., 2009. Politeness. In: S. D'hondt, J.-O. Östman and J. Verschueren, eds. *The pragmatics of interaction*. Amsterdam; Philadelphia, pp. 157–173.

Lakoff, R. T. 1973. The logic of politeness; or, minding your Ps and Qs. In: *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, 292–305.

Larina, T. and Ponton, D. M., 2020. Tact or frankness in English and Russian blind peer reviews. *Intercultural Pragmatics*, 17 (4), pp. 471–496, <https://doi.org/10.1515/ip-2020-4004>.

Larina, T. and Ponton, D. M., 2022. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review. *Journal of Politeness Research*, 18 (1), pp. 201–226, <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>.

Larina, T., 2015. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies. *International Review of Pragmatics*, 7 (2), pp. 195–215, <https://doi.org/10.1163/18773109-00702003>.

Larina, T. V., 2007. Ethnostylistics in its Communicative Aspect. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya: literatura i yazyk* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series: Literature and language], 66 (3), pp. 3–17 (in Russ.).

Larina, T. V., 2009. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvo-kul' turnykh traditsii* [Politeness and Communicative Styles: Comparative analysis of English and Russian Language and Culture Traditions]. Moscow (in Russ.).

Larina, T. V., 2019. Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review. *Journal of Psycholinguistics*, 1 (39), pp. 38–57, <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57> (in Russ.).

Leech, G. and Larina, T., 2014. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, 4, pp. 9–34.

Leech, G., 2014. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford.

Leontovich, O. A., 2015. Positive Communication: A Theoretical Perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 1, pp. 164–177 (in Russ.).

Litvinova, A. and Larina, T., 2023. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures. *Training, Language and Culture*, 7 (1), pp. 116–130, <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130>.

Locher, M. A. and Larina, T. V., 2019. Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), pp. 873–903, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903>.

Malyuga, E. N. and McCarthy, M., 2021. 'No' and 'net' as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (2), pp. 391–416, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>.

Rhee, S., 2023. Politeness and impoliteness in social network service communication in Korea. *Russian Journal of Linguistics*, 27 (1), pp. 39–66, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-32031>.

Selting, M., 2009. Communicative style. In: S. D'hondt, J.-O. Östman and J. Verschueren, eds. *Pragmatics of Interaction*. Amsterdam, pp. 21–39.

Shakhovskiy, V.I., 2018. The cognitive matrix of emotional-communicative personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), pp. 54–79, <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79> (in Russ.).

Shakhovsky, V.I., 2016. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krug: chelovek, yazyk, emotsii* [The dissonance of environmental friendliness in the communicative circle: man, language, emotions]. Volgograd (in Russ.).

Solodovnikova, N.G., 2013. The content of the scientific field emotive linguoecology: problems and prospects. In: V.I. Shakhovsky, ed. *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Emotive Linguoecology in the modern communicative space]. Volgograd, pp. 43–52 (in Russ.).

Watts, R., 2003. *Politeness*. Cambridge.

Wierzbicka, A., 2002. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications. *Ethos*, 3 (4), pp. 401–432, <https://doi.org/10.1525/eth.2002.30.4.401>.

Wierzbicka, A., 2003. *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2nd ed. Berlin.

Wierzbicka, A., 2006. *English: Meaning and Culture*. Oxford.

The author

Prof. Tatiana V. Larina, Professor, RUDN University, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-6167-455X

E-mail: larina-tv@rudn.ru

To cite this article:

Larina, T.V., 2025, Emotive politeness in face-threatening speech acts: cross-cultural perspectives, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 2, p. 118–135. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-7.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ПРИНЦИПЫ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ОБЪЯСНЕНИЯ В УЧЕБНОМ ТЕКСТЕ

П. Н. Трущелёв^{1, 2}, А. В. Горбачева¹

¹ Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

² Российско-Армянский (Славянский) университет,
Армения, 0051, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123

Поступила в редакцию 14.08.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-8

Уточнена функциональная трактовка объяснения как речевого феномена, реализующего коммуникативную задачу раскрытия понятий в рамках учебной коммуникации. Используются методы прагматического анализа речевых выражений и функционального анализа компонентов текста. В качестве языкового материала привлечены отрывки текстов из российских школьных учебников. Объяснение анализируется в двух аспектах — как коммуникативный акт и как двухчастная речевая форма. Акт объяснения выделяется на основе перлокутивной задачи вызвать у адресата понимание. Понимание направлено на такие характеристики фрагмента действительности, которые ранее не были очевидны / ясны адресату. Такое понимание противопоставляется пониманию пропозициональной структуры текста (знанию пропозиций, приведенных в тексте). Перлокутивная задача определяет ключевую особенность акта объяснения, которая значительно усложняет его анализ, — привлечение в коммуникацию различных вербальных средств для раскрытия предмета объяснения. Предложена перформативная модель, которая описывает механизм конструирования объяснения и прагматические условия его успешности. Привлечение средств и приемов объяснения должно быть референциально адекватным и должно наделять представляемый в тексте фрагмент действительности смыслом. С учетом выделенных условий успешности рассмотрены принципы развертывания информации в речевой форме объяснения и содержательные параметры ее компонентов.

Ключевые слова: объяснение, перлокутивная задача, понимание, релевантность, информационная структура, учебный текст

1. Введение

Объяснение — коммуникативная практика, в рамках которой адресант раскрывает характеристики фрагмента действительности (ФД), стремясь сделать предмет речи доступным для понимания адресата (Dalton-Puffer, 2011; Esmonde, 2009; Smit, 2010). Такая практика воплощается в речевой форме, которая состоит из (1) ядерного компонента, представляющего ФД, и (2) зависимых компонентов, представляющих отличительные характеристики заданного ФД доступным образом (Девкин, 1984; Smit, 2010). Модель акта объяснения описана так:

адресант *объясняет* пропозицию *p* адресату, когда он конструирует репрезентацию *R*, которая при должном усвоении приводит к пониманию пропозиции *p* адресатом, и когда он намеревается объяснить пропозицию *p* посредством конструирования репрезентации *R* и вызвать понимание у адресата (Wilkenfeld, 2014, p. 3371).

Фокус модели на перлокутивной сущности объяснения — эффекте «понимание» и задаче «вызвать понимание». Это же подчеркивается при анализе учебной коммуникации, в которой основной формой взаимодействия является объяснение (Liew, 2013; Smit, 2010). В этом смысле суть акта объяснения передается основным значением глагола *объяснить* — «сделать более ясным, понятным» (Большой толковый словарь..., 2014).

Лингвистические работы подтверждают адекватность модели. Большинство работ посвящены анализу приемов объяснения (напр., Вознесенская, 2015; Календр, 2016; Пупынина, 2018; Трухина, 2014; Трущелёв, 2022a; Хутыз, 2019; Doran, Martin, 2021; Parodi, 2014; Trushchelev, 2023; van Dijk, Atienza, 2011). Сам анализ представляет собой идентификацию языковых средств и соотнесение их с намерением представить сведения о каком-либо ФД. Результаты демонстрируют ключевую роль перлокутивной задачи вызвать понимание: задача определяет, какие языковые и речевые средства выбирает адресант для представления ФД в рамках определенной коммуникации.

2. Постановка проблемы

Прагмалингвистические признаки объяснения — то, как представляется в речи ФД и его характеристики, — до сих пор не выделены. Так, авторы работ (Трухина, 2014; Dalton-Puffer, 2011; Herman, 2008), выделяя наряду с объяснением формы «описание», «повествование», «классификация» и др., пишут, что эти формы могут использоваться для объяснения. Изученные приемы объяснения характеризуют в большей степени типы коммуникации, а не объяснение как таковое (Девкин, 1984; Куриленко, 2006; Пупынина, 2018; Трухина, 2014; Трущелёв, 2022b; Dalton-Puffer, 2011; Doran, Martin, 2021; Herman, 2008; Veel, 1997). Содержательный анализ позволил выделить только характеристики ФД, которые раскрывает объяснение (напр., функции объекта или причины события; см. Вознесенская, 2015). Таким образом, параметризация объяснения неоднозначна.

Цель настоящей работы — дать прагмалингвистическое описание объяснению как речевому феномену. Для этого планируется (i) с опорой на модель объяснения рассмотреть его как коммуникативный акт и выделить его прагматические параметры, (ii) описать лингвистические свойства объяснения как двухчастной речевой формы, которая наполняет акт объяснения. Для реализации задач привлекаются методы (i) анализа акта коммуникации (теория речевых актов и релевантности), (ii) анализа информационной структуры, (iii) анализа текстовых функций языковых средств.

В работе используются примеры из корпуса современных учебных текстов (2–9-й классы), который разрабатывается лабораторией когнитивных и лингвистических исследований ГосИРЯ им. А.С. Пушкина. Обращение к учебным текстам обусловлено их прагматической презумпцией: они вводят и объясняют предметные понятия. Другие параметры учебной коммуникации в работе не учитываются.

Отметим принцип нумерации примеров. Каждый порядковый номер (n) маркирует конкретный пример языкового материала или теоретического суждения. Следующие за номером английские буквы, расположенные в алфавитном порядке, маркируют этапы анализа пронумерованного примера.

3. Перлокутивная задача объяснения

Обратимся к перлокутивной задаче акта объяснения «вызвать понимание». Ее целесообразно рассматривать в свете теории релевантности, которая исходя из принципа кооперации, анализирует речь в аспекте ее когнитивной обработки (см.: Wilson, 2019). Постулат теории – коммуникативный принцип релевантности:

...в коммуникации выражение манифестирует презумпцию собственной оптимальной релевантности: оно стоит усилий адресата по его обработке; сообщаемые сведения соответствуют целям, возможностям, предпочтениям адресата (Ibid.).

Принцип позволяет моделировать презумпции выражения (но не условия его восприятия), учитывая перлокутивную задачу и выводимую на ее основе позицию адресата. При этом в реальных ситуациях общения презумпция может оказаться неточной (напр., обработка выражения вызывает трудности или выражение только опосредованно связано с целями адресата). Далее при моделировании презумпций мы будем обращаться только к презумпции цели; цель адресата анализируется как компонент коммуникации, *предполагаемый* с учетом известной перлокутивной задачи «вызвать понимание».

В следующем пассаже ядерным компонентом объяснения являются предложения (i) и (ii), представляющие событие; предложения (iv) – (vi) раскрывают его причины:

(1) а. (i) *В царствование Федора Борис Годунов фактически стал правителем государства.* (ii) *Он получил высокое звание ближнего великого боярина. <...>* (iii) *И это не случайно.* (iv) *Борис был не только властолюбив, но умен и опытен.* (v) *Пребывание при дворе сделало его изощренным политиком и интриганом.* (vi) *Он умел, когда было нужно, выжидать и заискивать, чтобы затем, выбрав момент, нанести сокрушительный удар по сопернику.*

Прежде всего предложения (iv) – (vi) имеют информативную функцию. Эту функцию можно связать с перлокутивной задачей и выразить в презумпции релевантности; например:

(1) b. Предложение (iv) манифестирует презумпцию, что соответствует цели адресата **узнать**, что *Борис был не только властолюбив, но умен и опытен*.

Однако объяснение не всегда связано с незнанием информации (Рович, 2021), а информирование — универсальная задача любого общения (Wilson, 2019). Значит, объяснение не сводится к информированию. Так, если анализировать информативную функцию предложений (i) и (ii), они будут обладать аналогичной презумпцией; например:

(1) c. Предложение (i) манифестирует презумпцию, что соответствует цели адресата **узнать**, что *в царствование Федора Борис Годунов фактически стал правителем государства*.

Следовательно, презумпция (1b) является некорректной из-за своей недостаточности.

С опорой на модель акта объяснения в (Inglis, Mejia-Ramos, 2021) было предложено заимствовать различие между пропозициональным (propositional) и объектуальным (objectual) пониманием (см.: Baumberger, 2014). Рассмотрим эти типы понимания, используя языковой материал.

Первый тип предполагает только обработку пропозиций выражения, результат которой можно описать следующим образом:

(1) d. Адресат понимает, что *Борис был не только властолюбив, но умен и опытен* ($p: s \rightarrow (\text{агент(Борис)} \ \& \ \text{быть-властолюбивым-умным-опытным(агент)})$).

Утверждение коррелирует с презумпцией (1b), так как связано с информативной функцией. Часто такие утверждения можно преобразовать в утверждения типа *Адресат знает, что...* Следовательно, потенциальный результат этого типа понимания — знание пропозиционального содержания выражения.

Объектуальное понимание не ограничивается обработкой пропозиций и предполагает познание ФД (который является предметом речи). Качество такого понимания можно измерить по градуальным параметрам глубины, точности, ясности и т. п. (Ibid.). Следующие утверждения описывают потенциальный результат понимания, привлекая средства выражения его параметров (выделенные наречия):

(1) e. Адресат **глубоко** / **точно** / **(не)полностью** / **(не)достаточно** / **смутно** / **всесторонне** / **четко** / **основательно** / **слабо** / **ясно** / **поверхностно** понимает причины того факта, почему (во время царствования Федора) стал править Борис;

f. **Адресат **глубоко** / ... / **поверхностно** понимает, что *в царствование Федора Борис Годунов фактически стал правителем государства*.

Объектом понимания в (1e) является ФД — причины события. Объектом же понимания в (1f) является пропозиция, что делает саму формулировку неприемлемой.

Противопоставление указанных типов понимания обнаруживается в психологии. Так, модель понимания текста У. Кинча различает уровни понимания текстовой базы и модели ситуации (Kintsch, 2019). Первый тип связан с обработкой пропозициональной структуры текста, а второй — с построением ментальной модели ситуации, которую представляет текст. Понимание текстовой базы можно оценить с точки зрения корректности извлечения пропозиций и их знания, а понимание модели ситуации — с точки зрения глубины, точности и ясности ее ментального представления.

С учетом структуры пассажа (1a) смоделируем вероятный результат понимания (1e):

- (1) g. В результате прочтения предложений (iv)–(vi) адресат **(не)полностью** понимает причины факта, представленного предложениями (i) и (ii).

Утверждение репрезентует объяснение, которое ориентировано на понимание ФД: предложения (i) и (ii) представляют ФД (ядерный компонент), для объяснения которого привлекаются предложения (iv)–(vi), представляющие отличительные характеристики (причины). Отметим, что компоненты объяснения выражают действительность согласно универсальной модели {E, R}, где E(ntity) — референт, R(eferring expression) — референциальное выражение (Mackenzie, 2004).

Отразим воздействие типа (1g) в презумпции релевантности. Для ее моделирования примем три допущения: (i) понимание ФД всегда связано с параметрами глубины и точности (Baumberger, 2014, p. 83); (ii) в русском языке эти параметры выражаются наречиями *глубоко* и *точно*, а их градуальность — формой сравнительной степени; (iii) обозначение предмета объяснения вызывает или актуализирует у адресата как минимум поверхностное понимание — например, представление или догадку о наличии некоторых характеристик, — которое можно углубить или уточнить. Эти допущения позволят сформулировать обобщенную презумпцию, связанную с перлокутивной задачей (напр., наречия в исходной форме фиксируют слишком конкретную цель типа *глубоко* / *поверхностно понять*):

- (2) a. В акте объяснения выражение *e* манифестирует презумпцию, что соответствует цели адресата **глубже / точнее понять** фрагмент действительности *x*;

- (1) h. Предложения (iv)–(vi) манифестируют презумпцию, что соответствуют цели адресата **глубже / точнее понять** (причины факта), почему стал править Борис.

С учетом позиции адресанта презумпция релевантности может быть переформулирована в перлокутивную задачу:

- (2) b. В акте объяснения адресант использует выражение *e* для того, чтобы адресат **глубже / точнее понял** фрагмент действительности *x*.

Задачу акта объяснение «вызвать понимание» следует обсуждать не с точки зрения пробелов в знаниях адресата, а с точки зрения того, что в характеристиках некоторого ФД — ставшего предметом объяснения — неочевидно / неясно адресату (из этого исходит презумпция релевантности). Так, после прочтения (1a) адресату стали (в той или иной степени) очевидны / ясны причины события. При этом информирование является основным способом представления сведений о ФД в речи, а обработка пропозиций — основным способом познания ФД (как текстовая база — основной способ представления модели ситуации, а ее обработка — ведущая стратегия понимания текста; Kintsch, 2019; см.: Povich, 2021). Следовательно, справедливо следующее:

(3) в акте объяснения фрагмента действительности x выражение e с пропозицией p вызывает понимание (знание) пропозиции $know$ и понимание фрагмента действительности $understand$ таким образом, что $e \models know(p) \models understand(x)$.

4. Перформативность объяснения

С учетом перлокутивной задачи «вызвать понимание» рассмотрим ключевую проблему, связанную с возможностью использовать в акте объяснения различные языковые решения для раскрытия ФД. Можно заметить, что интерпретация понимания (1e) и (1g) коррелирует с интерпретацией перформатива: не учитывается истинность выражений и делается акцент на действиях и их последствиях (см.: Doerge, 2013, p. 211; Liew, 2013). Тогда перформативный индикатор акта объяснения будет связан с фактом намеренного привлечения выражения для объяснения ФД. В этом смысле акт объяснения сходен с перформативным актом присвоения имени *Let n refer to an/the F : Let e explain x* (см.: Assadian, Sbardolini, 2023; Ebert, 2016). Модель такого акта будет следующей:

(4) а. $LET(e, xE)$, где LET — оператор императива, который не оценивается по параметру истинности, e — выражение, используемое для объяснения фрагмента действительности x , xE — фрагмент действительности x , который представлен выражением E (ядерный компонент объяснения).

Акт выражается косвенным императивом (см.: Vanderveken, 2013):

(4) б. Пусть выражение e объясняет фрагмент действительности x , выраженный E ;

(1) i. Пусть предложения (iv)–(vi) объясняют, почему стал править Борис, о чем сказано в предложении (i).

Успешность акта будет определяться объяснительной силой e — его возможностью раскрыть характеристики ФД и вызвать понимание (см. о дефиниции: Ebert, 2016, p. 140–147; см. также: Assadian, Sbardolini, 2023, p. 7–8; Doerge, 2013; Vanderveken, 2013):

(4) с. существует фрагмент действительности x , который в акте объяснения становится предметом референции E и делает референциально адекватным привлечение e (то есть E референциально лицензирует e);

d. привлеченное e наделяет смыслом x E таким образом, что обеспечивает коммуникативно значимое, ранее недоступное понимание фрагмента действительности x .

Таким образом, акт объяснения предполагает перформативное действие по привлечению разнородных языковых средств и приемов для раскрытия ФД. Эти средства формируют конкретный способ объяснения с учетом его условий успешности в рамках коммуникации.

Условия успешности определяют допустимость презумпции релевантности. Приведем два примера недопустимой презумпции — (1j) и (5b):

(1) j. ****Предложение (i) манифестирует презумпцию, что соответствуют цели адресата глубже / точнее понять^{??}(причины факта), почему стал править Борис.**

(5) а. *Началась Полтавская баталия. Русские редуты... приняли на себя первый удар шведских войск... Одна из колонн шведов так и не сумела преодолеть укрепления;*

б. ****Второе / третье предложение манифестирует презумпцию, что соответствует цели адресата глубже / точнее понять^{??}[характеристики] события Полтавская баталия (или более обобщенно: ...глубже / точнее понять^{??}что стоит за Полтавской баталией).**

Неадекватность презумпций (1j) и (5b) обусловлена тем, что названные предложения референциально не лицензированы отмеченными (знак «^{??}») характеристиками предмета речи (в [5а] однозначно выделить характеристики не представляется возможным). Поэтому отмеченные ФД заявленным смыслом не наделяется и коммуникативно значимое понимание (напр., понимание причин) не обеспечивается.

Теперь рассмотрим пример, взятый из параграфа *Инфляция и семейная экономика*:

(6) а. *Некоторые предпочитают хранить деньги дома, но это опасно и невыгодно, так как ценность денег из-за высокой инфляции постоянно утрачивается.*

Предмет референции второй клаузы — факт «хранить деньги дома опасно и невыгодно» — имеет причины, что делает привлечение третьей клаузы с их объяснением адекватным. Презумпция релевантности будет следующей:

(6) б. Третья клауза манифестирует презумпцию, что соответствуют цели адресата глубже / точнее понять (причины), почему хранить деньги дома опасно и невыгодно.

Автор использует одну клаузу с указанием причины. Она, принося смысл, вызывает понимание факта, коммуникативно значимое в контексте заявленной темы параграфа. Эта значимость, в частности, связана с установлением связи между понятиями *инфляция* и *семейная экономика*.

5. Информационная структура объяснения

Информирование о характеристиках ФД составляет основу акта объяснения. Раскроем это утверждение с помощью анализа информационной структуры. Для этого можно использовать метод моделирования «обсуждаемых вопросов», или QUD (questions under discussion; Benz, Jasinskaja, 2017; Roberts, 2012). Согласно концепции QUD, развертывание информации можно представить как ответы на вопросы — эксплицитные и имплицитные, — которые направлены на уточнение предмета речи.

Учебные тексты нередко включают эксплицитные вопросы. Следующий пассаж взят из параграфа, который посвящен объяснению, почему воздух перемещается с океана на сушу:

(7) а. (i) *Называются они постоянными ветрами.* (ii) **Что такое ветер, помните?** (iii) *Это горизонтальное движение воздуха из областей с высоким атмосферным давлением в области с низким атмосферным давлением.* (iv) *А постоянные ветры связаны с поясами высокого и низкого атмосферного давления...*

Вопрос (ii) имеет следующее значение:

(7) b.?(что(x | ветер(x))).

Он уже вводит модель ответа и определяет допустимость следующих выражений. Конкретнее, структура вопроса включает дискурсивную переменную x , которую необходимо обозначить. Для этого используется предложение (iii). Оно, обозначая x , уточняет предмет речи и устанавливает, что именно такое положение дел в дискурсе — а не с другой переменной x — имеет место.

Обсуждаемые вопросы часто не выражены. В (7а), например, можно выделить имплицитный вопрос после предложения (iii):

(7) с.?(с-чем(y | связаны-постоянные-ветры(y))).

Последовательность вопросов образуют структуру QUD, отражающую тематическую структуру и информационные цели.

Анализ QUD использует фактор релевантности для оценки соответствия вопросов и ответов заданному информационному контексту. В то же время можно обратиться к принципу релевантности и анализировать вопросы с учетом информационного состояния адресата (Breheny, 2019, р. 49–50). Тогда вопрос можно включить в презумпцию релевантности выражения-«ответа»:

(8) а. Выражение *e* манифестирует презумпцию, что соответствует цели адресата получить ответ на вопрос *q*;

(7) d. Предложение (iii) манифестирует презумпцию, что соответствует цели читателя получить ответ на вопрос *Что такое ветер?*

Структура QUD отражает такое информационное состояние адресата, которое связано с обработкой пропозиций (пропозициональное понимание). Так, после прочтения выражения с презумпцией (7d) состояние адресата передает следующее утверждение:

(7) е. Адресат понимает / знает, что такое ветер: *Это горизонтальное движение воздуха...*

Основываясь на модели $e \models \text{know}(p) \models \text{understand}(x)$, уточним презумпцию и дополним ее индикатором акта объяснения (2a):

(8) b. В акте объяснения выражение *e* манифестирует презумпцию, что соответствует цели адресата получить ответ на вопрос *q* для того, чтобы глубже / точнее понять характеристики фрагмента действительности *x*;

(7) f. Предложение (iii) манифестирует презумпцию, что соответствует цели адресата получить ответ на вопрос *Что такое ветер?* для того, чтобы глубже / точнее понять (причины), почему воздух перемещается с океана на сушу.

В утверждении (7f) показано, как индикатор акта объяснения становится основанием для привлечения целого единства (описания понятия *ветер*) и делает это привлечение референциально адекватным.

Рассмотрим индикатор акта объяснения более детально, используя предложение (6a). В нем между двумя частями объяснения можно выделить имплицитный вопрос:

(6) с. *Некоторые предпочитают хранить деньги дома, но это опасно и невыгодно, <Что происходит с ценностью денег?> так как ценность денег из-за высокой инфляции постоянно утрачивается.*

Одновременно можно выделить еще один — альтернативный — вопрос:

(6) d. *...<Почему?> так как ценность денег из-за высокой инфляции постоянно утрачивается.*

Здесь привлечен так называемый *почему*-вопрос. В учебниках он может быть выражен; например:

(9) а. *Если на шкаф нажать слабо, то он не тронется с места. Почему? Действующая со стороны человека сила ... уравновешивается силой трения...*

Согласно презумпции (6b), *почему*-вопрос, в отличие от вопроса из (6с), может адекватно выразить цель понять характеристики ФД (см.: Baumberger, 2014). И в отличие от (6с), анализировать *почему*-вопрос как часть информационной структуры QUD некорректно: его значение не

содержит модель ответа ($^{**?}(\text{почему}(x \mid \text{это-опасно-невыгодно}(x)))$). В (Roberts, 2012) он отнесен к уровню риторической структуры речевого произведения, которая организует информационную структуру с учетом коммуникативных задач. Для того чтобы уточнить отношения между *почему*-вопросом и информационной структурой, обратимся к речевому акту принятия пропозиции (см.: Onea, 2016, p. 138–139). В этом акте пропозиция выражения, представляющего предмет объяснения, включается в состав *почему*-вопроса:

(6) е. Почему ты утверждаешь, что *это* [= хранить деньги дома] опасно и невыгодно?

(9) б. Почему ты утверждаешь, что *Если на шкаф нажать слабо, то он не тронется с места*?

Эти вопросы и учитывают пропозициональную структуру, и передают коммуникативную специфику вопросов-аналогов из (6d) и (9a). Эта специфика заключается в том, что они выражают потребность в объяснении; например:

(6) е. Я хочу глубже / точнее понять, почему (ты утверждаешь, что) *это* опасно и невыгодно.

Тем самым *почему*-вопросы связывают пропозиции, а также представляют задачу акта объяснения и являются его индикатором. Эксплицируя этот индикатор, примеры эксплицируют коммуникативные основания для референциальных отношений между компонентами объяснения. Развертывание объяснения можно представить в виде ответов на информационные запросы, цель которых не просто получить информацию, а с помощью этой информации понять характеристики ФД.

6. Предмет объяснения

Объяснение предполагает раскрытие различных характеристик ФД, которые причинами не ограничиваются (см., напр.: Вознесенская, 2015).

Обратимся к случаю уточнения и рассмотрим предложение с пояснительной клаузой:

(10) а. Суд осуществляет правосудие, то есть разрешает конкретные правовые споры на основе закона.

Вероятный результат понимания может быть выражен адекватным утверждением типа:

(10) б. Адресат (не)полностью понимает, что представляет из себя процесс «осуществлять правосудие».

Тогда можно сформулировать допустимый принцип релевантности:

(10) с. Предложение манифестирует презумпцию, что соответствуют цели адресата глубже / точнее понять, что представляет из себя процесс «осуществлять правосудие».

Презумпция утверждает, что предложение (10а) реализует задачу акта объяснения. Его перформативная интерпретация будет следующей:

(10) d. Пусть пояснительная клауза объясняет (делает понятным), что представляет из себя процесс «осуществлять правосудие», о котором сказано в первой клаузе.

Аналогичным образом опишем еще два пассажа, в одном из которых раскрываются функции, а в другом — различия:

(11) а. Эпителиальные ткани... покрывают тело снаружи, участвуют в образовании роговых покровов (ногти), выстилают грудную, брюшную и другие полости, участвуют в образовании...;

б. Предложение манифестирует презумпцию, что соответствует цели адресата глубже / точнее понять, какие функции выполняют эпителиальные ткани;

с. Пусть рематические части первого предложения объясняют, какие функции выполняют эпителиальные ткани, о которых сказано в теме предложения.

(12) а. Овес отличается от ячменя и ржи. На веточках его раскидистого соцветия метелки расположены колоски, в каждом из которых по 2 – 3 цветка.

б. Второе предложение манифестирует презумпцию, что соответствует цели адресата глубже / точнее понять, чем овес отличается от ячменя и ржи;

с. Пусть второе предложение объясняет, чем овес отличается от ячменя и ржи, о чем сказано в первом предложении.

Для приведенных пассажей коммуникативная задача объяснения может быть выражена вопросами:

(10) е. Что представляет собой процесс «осуществлять правосудие»?

(11) d. Какие функции выполняют эпителиальные ткани?

(12) d. Чем овес отличается от ячменя и ржи?

Легко заметить сходство этих вопросов с информационными QUD-вопросами, которые задают модели ответов (напр.,?(что(х | представляет-собой-процесс-развитие-растений(х))); см. выше [7b] и [7c]). Но на деле это не так, о чем, например, свидетельствует допустимость имплицитных вопросов в пассажах (10а) и (12а) (полужирным выделены приемлемые вопросы):

(10) f. Суд осуществляет правосудие → <**(что(х | представляет-собой-процесс-осуществлять-правосудие(х)) / ++?(что(х | делает-суд(х))> → то есть разрешает конкретные правовые споры на основе закона;

(12) е. Овес отличается от ячменя и ржи. → <**(чем(х | овес-отличается-от-ячменя-и-ржи(х)) / ++?(что(х | расположено-на-веточках-его-метелки(х))> → На веточках его раскидистого соцветия метелки расположены колоски...

Кроме того, приведенные вопросы могут быть преобразованы в обобщенный вопрос типа Что стоит за понятием / явлением / процес-

сом / феноменом / положением дел x ? Такой вопрос, в свою очередь, может использоваться для моделирования речевого акта принятия пропозиции; например:

(10) г. Что стоит за процессом «осуществлять правосудие»? → Что стоит за твоим выражением *суд осуществляет правосудие*?

(11) е. Что стоит за понятием *эпителиальные ткани*? → Что стоит за твоим выражением *эпителиальные ткани*?

Вопросы (10е), (11д) и (12д) представляют коммуникативную задачу акта объяснения и определяют информационную структуру его речевой формы.

Обсуждаемые примеры представляют случаи пояснения, выделения функций и сопоставления. Список видов объяснения может быть продолжен и конкретизирован с опорой на характеристики ФД (Вознесенская, 2015; Meyer, Rey, 2011). Например, сопоставление может выражаться в выявлении не только отличий, но и сходств.

Виды объяснения могут манифестироваться специальными речевыми сигналами (см: Ibid.). При этом такие сигналы в качестве теста могут использоваться при лингвистическом анализе объяснения. Очевидным сигналом является вопрос, фиксирующий предмет объяснения. Введение такого вопроса в текст будет приемлемым; например:

(12) ф. *Овес отличается от ячменя и ржи.* <Чем (же) [овес отличается от ячменя и ржи]?>.

Другие сигналы состоят из средств, маркирующих логические отношения. Например, причинно-следственные отношения манифестируют союзы *так как*, *потому что*, *поэтому*, а также дискурсивы *в связи с этим*, *по этой причине*, *следовательно*. Предложение *И это не случайно*, представленное в (1а), по всей видимости, можно рассматривать как маркер формы «объяснение причины события». Это предложение отражает контрастивную природу представления причин, которое, как правило, содержит импликацию «почему так, а не иначе». К сигналам также относятся средства выражения взаимодействия между коммуникантами; к ним мы обратимся ниже.

7. Содержательные аспекты развертывания объяснения

Рассмотрим особенности информирования с учетом условий успешности акта объяснения. Для этого обратимся к двум аспектам содержания — репрезентативному и межличностному (взаимодействие коммуникантов) (Dik, 1997, p. 425–426).

Репрезентативный аспект. Ядерный компонент x_E , представляющий предмет речи, организует объяснение. Он фиксирует предмет объяснения и референциально обосновывает привлечение выражений для его раскрытия. При развертывании эти функции связаны с установлением темы и поля референциальной когерентности.

В учебниках эти параметры задаются с помощью языковых приемов, хорошо описанных лингвистами.

Так, предмет объяснения часто представлен в заголовке (напр., номинация *Сердечный цикл* или вопрос *Почему капли круглые?*). Кроме того, он нередко вводится с помощью именных групп в зачине тематического блока (напр., в параграфе с объяснением понятия *состав преступления*: ...в административном правонарушении можно выделить **определенные элементы**. В совокупности их называют **составом преступления**). Такая коммуникативно значимая позиция задает тему и референциальную область текста. Использование именной группы как *xE* обусловлено среди прочего ее текстовой функцией — указать на референт, о котором затем можно что-то сообщить (Givon, 2018; Halliday, 2014, p. 387).

Предмет объяснения может быть выражен предикативными отношениями, как в (10а) или (12а). Предикация приписывает свойства сущностям и устанавливает связи между ними. Свойства и связи становятся предметом объяснения. Так, в (10а) с помощью парафразы объясняется предикативное свойство:

(10) *h. осуществлять-правосудие (агент) = разрешать-конкретные-правовые-споры-на-основе-закона (агент).*

При использовании предикативных структур для *xE* нередко привлекаются сигналы, которые вносят вклад в установление релевантной области референции. Например, в (10а) используется союз *так как*, выражающий отношения уточнения, в (11а) — глагол *отличаться*, выражающий отношения сопоставления, а в (9а) — *почему*-вопрос.

Для успешности объяснения нужно наделить новым смыслом *xE*. Это условие не всегда сводится только к идентификации характеристик ФД (см. [10а] или [12а]). Следующий пассаж посвящен теме «строение цветка»:

(13) *Рассмотрим в качестве примера цветок вишни. Самая заметная часть цветка вишни — венчик. Он образован пятью лепестками молочно-белого цвета. Под венчиком располагается чашечка, состоящая из пяти зеленых чашелистиков. Венчик и чашечка вместе образуют околоцветник.*

Предикативные структуры, кроме первой, являются неакциональными, что обусловлено стативностью предикатов и «слабой» агентивностью актантов. Тем самым объяснение презентует новые референты (именные группы), фиксируя между ними статичные отношения (предикаты). Это позволяет не только детализировать заданную область референции, но и представить установленную таксономию фрагмента биологического знания (см.: Doran, Martin, 2021). При этом в первом предложении тему занимает глагол восприятия, а дальнейшая тематическая перспектива задается именной группой *самая заметная часть вишни*. Объяснение ведется с точки зрения визуального восприятия.

В (13) xE наделяется смыслом следующим образом: (i) детализируется референциальная область (идентификация характеристик ФД), (ii) очерчивается таксономия биологического знания, (iii) передается визуальное восприятие предмета речи. Тем самым обеспечиваются коммуникативно значимые параметры понимания. Так, вероятно, для автора важно учесть фактор визуального восприятия, который определяет специфику таксономии.

Сам процесс понимания косвенно отражен в информационной структуре, которая моделирует информационное состояние адресата. Примеры QUD-моделей (7b), (7c), (10f), (12e) показывают, как экспликация дискурсивных переменных отражает изменение информационного состояния. Вопросы указывают на референты, которые нужны в акте объяснения для понимания ФД. Пример же (13) показывает, как темы высказываний моделируют последовательное восприятие характеристик предмета объяснения.

Интерес представляет и сам выбор выражений при объяснении. Сравним пассажи, посвященные объяснению понятия *скорость прямолинейного равномерного движения*:

(14) а. Скоростью v прямолинейного равномерного движения называют отношение пути l , пройденного телом за промежуток времени t , к этому промежутку времени;

(15) а. Предположим, что турист за 1 ч проходит 5 км, автомобиль 90 км, а самолет пролетает 850 км. Тогда говорят, что *скорость* туриста 5 км в час, *скорость* автомобиля 90 км в час, а *скорость* самолета 850 км в час.

В (14а) используется две абстрактные клаузы с отвлеченными терминологическими номинациями, предметом референции которых выступают физико-математические феномены. В (15а) приведены три клаузы с описанием конкретных ситуаций с единичными участниками и точными данными. Относительно высокая конкретность второго пассажа обнаруживается с помощью тестов Дэвидсона; например:

(14) б. ****Мы видим, как **в лаборатории** скоростью v прямолинейного равномерного движения ****негромко** называют отношение пути l ...

(15) б. **Мы видим, как в лесу** турист **неспешно** за 1 ч проходит 5 км.

В (15а) также используются физические термины *скорость*, км (километр) и час. Однако их употребление сложно назвать сугубо научным, поскольку они нередко используются в повседневном общении для описания похожих конкретных ситуаций.

Пассажи наделяют xE различным смыслом, обеспечивая «различное» понимание в акте объяснения. (14а) дает теоретическую (формульную) интерпретацию физического понятия. Его понимание требует предварительных знаний по физике и направлено на представление в контексте научного знания сути концепции скорости как физической величины. (15а) представляет прикладную интерпретацию. Его понимание направлено на более конкретное представление понятие скорости с учетом «повседневного» знания. Такой пассаж может использоваться для первичного изучения понятия.

Межличностный аспект. Лингвистические маркеры взаимодействия при объяснении отмечались лингвистами ранее (см.: Трущелёв, 2022а; 2022б; Esmonde, 2009; Martin, Matruglio, 2020). Обратимся к некоторым из них.

Примечательны случаи экспликации вопросов. Выраженные вопросы определяют дальнейшую информационную перспективу объяснения. Тем самым они позволяют «управлять» развертыванием объяснения. Кроме того, основная функция вопроса — выразить взаимодействие между автором и читателем (Dik, 1997, p. 257–258). Это позволяет вопросу маркировать сферу восприятия адресата.

При объяснении предложения могут содержать инициальные модусные компоненты. Распространенными являются императивные рамки; например:

(16) *Английский ученый Роберт Гук... установил, как зависит сила упругости от деформации. Рассмотрим опыт. Возьмем резиновый шнур...*

Известно утверждение, что вопрос — это разновидность императива (Austin, 1962). Приведенные рамки могут трактоваться как частичная замена вопросов к следующей части текста. При этом замещенные вопросы, скорее, связаны с темпоральной — а не с информационной — организацией взаимодействия: *Что мы делаем дальше?* (см.: Benz, Jasinskaja, 2017). Такие вопросы отражают состояние адресата, связанное с коммуникативной деятельностью. И в (16) императив фиксирует действие адресата.

Помимо императивных конструкций можно выделить вводно-модальные элементы. Следующие пассажи являются фрагментами из объяснений феномена «человек» и фразы «Столетие безумно и мудро»:

(18) а. *Наше тело, кровь, мозг принадлежат природе. Следовательно, человек — существо биологическое;*

(19) б. *Писатель А. Н. Радищев так сказал о своем времени: «Столетие безумно и мудро». На первый взгляд кажется, что в этом определении соединено несоединимое: безумие и мудрость.*

Выделенные вводно-модальные средства также частично представляют вопросы к следующей части текста. Исключение вводного слова изменит имплицитный вопрос; например:

(18) б. ...<**Что из этого следует? / ++**Что такое человек?**> → *Человек — существо биологическое;*

(19) б. ...<**Что (нам) кажется на первый взгляд? / ++**Что есть в этом определении?**> → *В этом определении соединено несоединимое...*

Похожая функция и у рамок, эксплицирующих (обще)известные знания. Следующий пример взят из пассажа с объяснением причин, почему общество становится все более криминальным:

(20) <Что (нам) известно?> → *Известно, что множество преступлений совершается людьми именно в состоянии алкогольного опьянения...*

В учебниках часто используются акцентуализирующие эгоцентрики (см.: Трущелёв, 2022а); например:

(21) Многие птицы улетают задолго до того, как исчезнет для них корм. Они как бы заранее узнают о приближении голодного времени. <...> Перелетные птицы замечают, что дни ближе к осени становятся короче. Это и служит для них сигналом...

Частица *и*, стоящая перед предикатом последнего предложения, модифицирует его информационную структуру. Имплиcitный вопрос среди прочего должен учитывать альтернативное положение дел с учетом значения предиката. Вопрос типа *Чем это [положение дел] служит для птиц?* корректнее заменить вопросом *Это служит для птиц сигналом?*. Такой вопрос отражает такой «сценарий» объяснения: уже известно, что для птиц существует некоторый сигнал к перелету, но еще не известно, какой именно.

Средства выражения взаимодействия управляют потоком информации и манифестируют отношения. Эта функция хорошо известна лингвистам. Для нас же важно определить вклад средств в успешность объяснения. Во-первых, они выражают типы связи и тем самым (i) делают привлечение компонентов в объяснение обоснованным и (ii) маркируют смысловые элементы, которыми наделяется предмет речи (предмет объяснения). Во-вторых, они направляют объяснение с учетом информационного состояния адресата и выражают это состояние. Тем самым средства моделируют коммуникативно значимое понимание объекта объяснения.

8. Заключение

Результатом работы стала интерпретация объяснения как прагмалингвистического феномена. Предложена модель акта объяснения, выделены условия его успешности, описан механизм привлечения речевых средств для объяснения и выявлены принципы развертывания речевой формы объяснения. Предложенная интерпретация составляет основу для (прагма)лингвистического анализа объяснения в рамках различных типов коммуникации, прежде всего учебно-научной. Такой анализ, во-первых, позволяет провести классификацию речевых форм объяснения на основе предмета объяснения (сущностей, качеств, событий, реляций и т.д.) и речевых средств, привлеченных для объяснения. Во-вторых, анализ позволяет провести оценку коммуникативной эффективности содержательных и формальных признаков объяснения на основе условий его успешности. Это, в свою очередь, делает возможным отбор материала для корпусов объяснительных текстов и разметку их прагматических параметров.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке госзадания, проект FZNM-2024-0003 «Комплексное изучение когнитивно-эмоциональных и лингвистических факторов коммуникативной деятельности человека в современном образовательном контексте». Авторы от всей души благодарят анонимного рецензента за ценные и содержательные замечания и советы, которые позволили значительно улучшить содержание и текст статьи.

Список литературы

Большой толковый словарь русского языка / под общ. ред. С. А. Кузнецова. 2014. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 14.08.2024).

Вознесенская И. М. Текст-объяснение: семантические модели и языковые средства их оформления // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : в 15 т. СПб., 2015. Т. 8. С. 70–75.

Девкин А. П. Определение и объяснение как композиционно-речевые формы в английских научных и научно-популярных текстах : дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1984.

Календр А. А. Объяснение в популярно-медицинском дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. №3 (107). С. 140–147.

Куриленко В. Б. Функционально-коммуникативная организация учебно-научного текста // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Русский язык нефилологам, теория и практика. 2006. №1. С. 71–79.

Пупынина Е. В. Описательный компонент в объяснении маршрута (на материале английского языка) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. №54. С. 117–124. <https://doi.org/10.17223/19986645/54/7>.

Трухина Т. А. Взаимопроницаемость форм выражения мысли в объяснительном образовательном дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2014. №4. С. 27–33.

Трущелёв П. Н. Взаимодействие автора и читателя в учебном тексте // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022а. №3. С. 186–192. https://doi.org/10.47438/2309-7078_2022_3_186.

Трущелёв П. Н. Грамматика учебного текста и предметные знания (пресуппозиция) // Сибирский филологический журнал. 2022б. №4. С. 312–325. <https://doi.org/10.17223/18137083/81/24>.

Хутыз И. П. Сторителлинг в лекционном дискурсе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, №2. С. 64–73. <https://doi.org/10.18721/JHSS.10206>.

Assadian B., Sbardolini G. Performative reference // Synthese. 2023. Vol. 202, art. 57. P. 1–18. <https://doi.org/10.1007/s11229-023-04284-2>.

Austin J. L. How to do things with words. Oxford, 1962.

Baumberger C. Types of understanding: Their nature and their relation to knowledge // Conceptus. 2014. Vol. 40, №98. P. 67–88. <https://doi.org/10.1515/cpt-2014-0002>.

Benz A., Jasinskaja K. Questions under discussion: From sentence to discourse // Discourse Processes. 2017. Vol. 54, №3. P. 177–186. <https://doi.org/10.1080/0163853X.2017.1316038>.

Breheny R. Language processing, relevance and questions // Relevance, pragmatics and interpretation / ed. by K. Scott, B. Clark, R. Carston. N. Y., 2019. P. 42–52.

Dalton-Puffer C. Explaining: A central discourse function in instruction // Learning through another language / ed. by C. Escobar, L. N. Napdevila. Barcelona, 2011. P. 119–139.

Dik S. C. The theory of functional grammar. Berlin; N. Y., 1997. P. 2: The structure of the clause. Complex and derived constructions.

Doerge F. Ch. Performative utterances // Pragmatics of Speech Actions / ed. by M. Sbisà, K. Turner. Berlin; Boston, 2013. P. 203–256.

Doran Y. J., Martin J. R. Field relations: Understanding scientific explanations // Teaching science / ed. by K. Maton, J. R. Martin, Y. J. Doran. L.; N. Y., 2021. P. 105–133.

Ebert Ph. A. A framework for implicit definitions and the a priori // *Abstractionism: Essays in philosophy of mathematics* / ed. by Ph. A. Ebert, M. Rossberg. N. Y., 2016. P. 133–160.

Esmonde I. Explanations in mathematics classrooms: A discourse analysis // *Canadian Journal of Science, Mathematics and Technology Education*. 2009. Vol. 9, №2. P. 86–99. <https://doi.org/10.1080/14926150902942072>.

Givón T. *Coherence*. Amsterdam ; Philadelphia, 2020.

Halliday M. A. K. *Halliday's introduction to functional grammar*. N. Y., 2014.

Herman D. Description, narrative, and explanation: Text-type categories and the cognitive foundations of discourse competence // *Poetics Today*. 2008. Vol. 29, №3. P. 437–472. <https://doi.org/10.1215/03335372-073>.

Inglis M., Mejia-Ramos J. P. Functional explanation in mathematics // *Synthese*. 2021. Vol. 198. P. 6369–6392. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02234-5>.

Kintsch W. Revisiting the construction-integration model of text comprehension and its implications for instruction // *Theoretical models and processes of literacy* / ed. by D. E. Alvermann, N. J. Unrau, M. Sailors, R. B. Ruddell. N. Y., 2019. P. 178–203.

Liew W. M. Effects beyond effectiveness: Teaching as a performative act // *Curriculum Inquiry*. 2013. Vol. 43, №2. P. 261–288. <https://doi.org/10.1111/curi.12012>.

Mackenzie J. L. Entity concepts // *Morphology: An international handbook on inflection and word-formation*. Berlin ; N. Y., 2004. Vol. 2. P. 973–983.

Martin J. R., Matruglio E. Revisiting mode: Context in/dependency in Ancient History classroom discourse // *Accessing academic discourse* / ed. by J. R. Martin, K. Maton, Y. J. Doran. L. ; N. Y., 2020. P. 89–113.

Meyer B. J. F., Rey M. N. Structure strategy interventions: Increasing reading comprehension of expository text // *International Electronic Journal of Elementary Education*. 2011. Vol. 4, №1. P. 127–152.

Onea E. *Potential questions at the semantics-pragmatics interface*. Leiden ; Boston, 2016.

Parodi G. Genre organization in specialized discourse: Disciplinary variation across university textbooks // *Discourse Studies*. 2014. Vol. 16, №1. P. 65–87. <https://doi.org/10.1177/1461445613496355>.

Povich M. Information and explanation: an inconsistent triad and solution // *European Journal for Philosophy of Science*. 2021. Vol. 11, art. 43. P. 1–17.

Pustejovsky J. The structure of meaning // *The Cambridge encyclopedia of the language sciences* / ed. by P. C. Hogan. Cambridge ; N. Y. ; Melbourne ; Madrid ; Cape Town ; Singapore ; São Paulo ; Delhi ; Dubai ; Tokyo ; Mexico City, 2011. P. 23–34.

Roberts C. Information structure: Towards an integrated formal theory of pragmatics // *Semantics and Pragmatics*. 2012. Vol. 5, art. 6. P. 1–69. <https://doi.org/10.3765/sp.5.6>.

Smit U. CLIL in an English as a lingua franca (ELF) classroom: On explaining terms and expressions interactively // *Language use and language learning in CLIL classrooms* / ed. by Ch. Dalton-Puffer, T. Nikula, U. Smit. Amsterdam ; Philadelphia, 2010. P. 259–278.

Trushchelev P. N. Emotive pragmatics of popularisation discourse: The impact of contextualisation on reader's interest // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2023. Vol. 22, №1. P. 173–185. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.14>.

van Dijk T. A., Atienza E. Knowledge and discourse in secondary school social science textbooks // *Discourse Studies*. 2011. Vol. 13, №1. P. 93–118. <https://doi.org/10.1177/1461445610387738>.

Vanderveken D. Towards a formal pragmatics of discourse // *International Review of Pragmatics*. Vol. 5, №1. P. 34–69. <https://doi.org/10.1163/18773109-13050102>.

Veel R. Learning how to mean – scientifically speaking: Apprenticeship into scientific discourse in the secondary school // *Genre and institutions: Social processes in the workplace and school* / ed. by F. Christie, J. R. Martin. Cambridge, 1997. P. 161 – 195.

Wilkenfeld D. A. Functional explaining: A new approach to the philosophy of explanation // *Synthese*. 2014. Vol. 191, № 14. P. 3367 – 3391. <https://doi.org/10.1007/s11229-014-0452-z>.

Wilson D. Relevance theory // *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/344545533_Relevance_Theory_Oxford_Research_Encyclopedia (дата обращения: 14.08.2024). <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.201>.

Об авторах

Павел Николаевич Трущелёв, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия, Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения.

ORCID ID: 0000-0003-0810-2434

E-mail: pavel.trushchelev@gmail.com

Александра Вячеславовна Горбачева, соискатель, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-8906-3870

Email: avgorbacheva@pushkin.institute

Для цитирования:

Трущелёв П. Н., Горбачева А. В. Прагматическая модель и принципы развертывания объяснения в учебном тексте // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2025. Т. 16, № 2. С. 136 – 157. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-8.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

FUNCTIONAL SPECIFICITY OF EXPLANATION IN EXPOSITORY TEXTS: A PRAGMATIC MODEL AND ELABORATION PRINCIPLES

Pavel N. Trushchelev^{1, 2}, Alexandra V. Gorbacheva¹

¹ Pushkin State Russian Language Institute,
6 Akademika Volgina St., Moscow, Russia, 117485

² Russian-Armenian (Slavonic) University,
123 Hovsep Emin St, Yerevan, Armenia 0051

Submitted on 14.08.2024

Accepted 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-8

The article provides a functional interpretation of explanation. It is based on the principles of Linguistic Pragmatics and Functional Linguistics. Explanation is analysed from two perspectives: as a communicative act and as a two-part discursive structure. The communicative act of explanation is characterised by a perlocutionary goal of making the reader un-

derstand the properties of an entity. This understanding focuses on the properties that are unclear or not obvious to the reader. The perlocutionary goal defines the key feature of the explanation act, which uses diverse verbal tools to clarify the properties of an entity. The article proposes a performative model of the explanation act, which outlines the mechanism of constructing an explanation and the pragmatic conditions for its success. Taking these conditions into account, the discursive structure of explanation is examined, focusing on the principles of information unfolding and the content parameters of its components.

Keywords: explanation, perlocutionary goal, understanding, expository text, relevance, information structure

Acknowledgements. The article was prepared within the state assignment of Ministry of Education and Science of the Russian Federation for 2024 – 2028 (No. FZNM-2024-0003).

References

- Assadian, B. and Sbardolini, G., 2023. Performative reference. *Synthese*, 202 (57), pp. 1 – 18, <https://doi.org/10.1007/s11229-023-04284-2>.
- Austin, J.L., 1962. *How to Do Things with Words*. Oxford, 166 p.
- Baumberger, C., 2014. Types of understanding: Their nature and their relation to knowledge. *Conceptus*, 40 (98), pp. 67 – 88, <https://doi.org/10.1515/cpt-2014-0002>.
- Benz, A. and Jasinskaja, K., 2017. Questions under discussion: From sentence to discourse. *Discourse Processes*, 54 (3), pp. 177 – 186, <https://doi.org/10.1080/0163853X.2017.1316038>.
- Breheny, R., 2019. Language processing, relevance and questions. In: K. Scott, B. Clark and R. Carston, eds. *Relevance, Pragmatics and Interpretation*. New York, pp. 42 – 52.
- Dalton-Puffer, C., 2011. Explaining: A central discourse function in instruction. In: C. Escobar and L.N. Napdevila, eds. *Learning through another language*. Barcelona, pp. 119 – 139.
- Devkin, A.P., 1984. *Opreделение i ob'yasnenie kak kompozitsionno-rechevye formy v angliiskikh nauchnykh i nauch-no-populyarnykh tekstakh* [Definition and Explanation as Compositional Speech Forms in English Academic and Popular Science Texts]. PhD Dissertation. Minsk, 175 p. (in Russ.).
- Dik, S.C., 1997. *The Theory of Functional Grammar. Part 2. The Structure of the Clause. Complex and Derived Constructions*. Berlin; New York, 512 p.
- Doerge, F. Ch., 2013. Performative utterances. In: M. Sbisà and K. Turner, eds. *Pragmatics of Speech Actions*. Berlin; Boston, pp. 203 – 256.
- Doran, Y.J. and Martin, J.R., 2021. Field relations: Understanding scientific explanations. In: K. Maton, J.R. Martin and Y.J. Doran, eds. *Teaching Science*. London; New York, pp. 105 – 133.
- Ebert, Ph.A., 2016. A framework for implicit definitions and the a priori. In: Ph. A. Ebert and M. Rossberg, eds. *Abstractionism: Essays in Philosophy of Mathematics*. New York, pp. 133 – 160.
- Esmonde, I., 2009. Explanations in mathematics classrooms: A discourse analysis. *Canadian Journal of Science, Mathematics and Technology Education*, 9 (2), pp. 86 – 99, <https://doi.org/10.1080/14926150902942072>.
- Givon, T., 2020. *Coherence*. Amsterdam; Philadelphia, 300 p.
- Halliday, M.A.K., 2014. *Halliday's Introduction to Functional Grammar*. New York, 808 p.
- Herman, D., 2008. Description, narrative, and explanation: Text-type categories and the cognitive foundations of discourse competence. *Poetics Today*, 29 (3), pp. 437 – 472, <https://doi.org/10.1215/03335372-073>.

- Inglis, M. and Mejia-Ramos, J.P., 2021. Functional explanation in mathematics. *Synthese*, 198, pp. 6369–6392, <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02234-5>.
- Kalendr, A. A., 2016. Explanation in the popular medical discourse. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 3 (107), pp. 140–147 (in Russ.).
- Khoutyz, I.P., 2019. Storytelling in lecture discourse. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 10 (2), pp. 64–73, <https://doi.org/10.18721/JHSS.10206> (in Russ.).
- Kintsch, W., 2019. Revisiting the construction–integration model of text comprehension and its implications for instruction. In: D.E. Alvermann, N.J. Unrau, M. Sailors and R.B. Ruddell, eds. *Theoretical models and processes of literacy*. New York, pp. 178–203.
- Kurilenko, V.B., 2006. Functional-communicative structure of academic text. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii yazyk nefilologam, teoriya i praktika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian for non-philologists, theory and practice], 1, pp. 71–79 (in Russ.).
- Kusnetsov, S.A., ed., 2014. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: <https://gramota.ru/biblio/teka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> [Accessed 14 August 2024].
- Liew, W.M., 2013. Effects beyond effectiveness: Teaching as a performative act. *Curriculum Inquiry*, 43 (2), pp. 261–288, <https://doi.org/10.1111/curi.12012>.
- Mackenzie, J.L., 2004. Entity concepts. In: *Morphology: An International Handbook on Inflection and Word-Formation*. Vol. 2. Berlin; New York, pp. 973–983.
- Martin, J.R. and Matruglio, E., 2020. Revisiting mode: Context in/dependency in Ancient History classroom discourse. In: J.R. Martin, K. Maton and Y.J. Doran, eds. *Accessing Academic Discourse*. London; New York, pp. 89–113.
- Meyer, B.J.F. and Rey, M.N., 2011. Structure strategy interventions: Increasing reading comprehension of expository text. *International Electronic Journal of Elementary Education*, 4 (1), pp. 127–152.
- Onea, E., 2016. *Potential Questions at the Semantics-Pragmatics Interface*. Leiden; Boston, 480 p.
- Parodi, G., 2014. Genre organization in specialized discourse: Disciplinary variation across university textbooks. *Discourse Studies*, 16 (1), pp. 65–87, <https://doi.org/10.1177/1461445613496355>.
- Povich, M., 2021. Information and explanation: an inconsistent triad and solution. *European Journal for Philosophy of Science*, 11 (43), pp. 1–17.
- Pupynina, E.V., 2018. Descriptions in route directions (in the English language). *Vestnik Tomskego gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 54, pp. 117–124, <https://doi.org/10.17223/19986645/54/7> (in Russ.).
- Pustejovsky, J., 2011. The structure of meaning. In: P.C. Hogan, ed. *The Cambridge Encyclopedia of the Language Sciences*. Cambridge; N.Y.; Melbourne et al., pp. 23–34.
- Roberts, C., 2012. Information structure: Towards an integrated formal theory of pragmatics. *Semantics and Pragmatics*, 5, pp. 1–69, <https://doi.org/10.3765/sp.5.6>.
- Smit, U., 2010. CLIL in an English as a lingua franca (ELF) classroom: On explaining terms and expressions interactively. In: Ch. Dalton-Puffer, T. Nikula and U. Smit, eds. *Language Use and Language Learning in CLIL Classrooms*. Amsterdam; Philadelphia, pp. 259–278.
- Trukhina, T., 2014. Interaction of Discourse Modes within Expository Educational Discourse. *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 4, pp. 27–33 (in Russ.).

Trushchelev, P.N., 2022a. The author-reader interaction through school textbooks. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University], 3, pp. 186–192, https://doi.org/10.47438/2309-7078_2022_3_186 (in Russ.).

Trushchelev, P.N., 2022b. Expository text grammar and disciplinary knowledge (presupposition). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 4, pp. 312–325, <https://doi.org/10.17223/18137083/81/24> (in Russ.).

Trushchelev, P.N., 2023. Emotive pragmatics of popularisation discourse: The impact of contextualisation on reader's interest. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22 (1), pp. 173–185, <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.14>.

van Dijk, T.A. and Atienza, E., 2011. Knowledge and discourse in secondary school social science textbooks. *Discourse Studies*, 13 (1), pp. 93–118, <https://doi.org/10.1177/1461445610387738>.

Vanderveken, D., 2013. Towards a Formal Pragmatics of Discourse. *International Review of Pragmatics*, 5 (1), pp. 34–69, <https://doi.org/10.1163/18773109-13050102>.

Veel, R., 1997. Learning how to mean – scientifically speaking: Apprenticeship into scientific discourse in the secondary school. In: F. Christie and J.R. Martin, eds. *Genre and Institutions: Social Processes in the Workplace and School*. Cambridge, pp. 161–195.

Voznesenskaya, I.M., 2015. An explanation as a text type: the semantic model and language tools. In: *Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: v 15 t.* [Russian language and literature in the space of world culture: in 15 volumes]. Vol. 8. St. Petersburg, pp. 70–75 (in Russ.).

Wilkenfeld, D.A., 2014. Functional explaining: A new approach to the philosophy of explanation. *Synthese*, 191 (14), pp. 3367–3391, <https://doi.org/10.1007/s11229-014-0452-z>.

Wilson, D., 2019. Relevance theory. In: Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. Available at: https://www.researchgate.net/publication/344545533_Relevance_Theory_Oxford_Research_Encyclopedia [Accessed 14 August 2024]. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.201>.

The authors

Dr Pavel N. Trushchelev, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia), Russian-Armenian (Slavonic) University (Yerevan, Armenia).

ORCID ID: 0000-0003-0810-2434

E-mail: pavel.trushchelev@gmail.com

Aleksandra V. Gorbacheva, PhD student, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia).

ORCID ID: 0000-0002-8906-3870

E-mail: avgorbacheva@pushkin.institute

To cite this article:

Trushchelev, P.N., Gorbacheva, A.V., 2025, Functional specificity of explanation in expository texts: a pragmatic model and elaboration principles, *Slovo.ru: Baltic accent*, 2025, Vol. 16, no. 2, pp. 136–157. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-8.

ВОПРОС «КТО Я? / ЧТО Я?» КАК МАРКЕР ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ

Ли Юэчуань¹, Е. В. Маркасова²

¹ Пекинский университет иностранных языков,
Китай, 100081, Пекин, ул. Сисаньхуаньбэйлу, 2

² Пекинский университет,
Китай, 100091, Пекин, ул. Ихэюаньлу, 5

Поступила в редакцию 14.07.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-9

Исследование посвящено вопросам «Кто я? Что я?», активно распространяющимся в русском языке с конца XVIII – начала XIX века, причем и в поэзии, и в прозе. В качестве языкового средства самопрезентации и самоидентификации вопросы употребляются в ситуациях, располагающих человека к размышлениям о своем месте в социуме и о собственных ранговых ощущениях. Сам факт употребления риторических вопросов «Кто я? Что я?» исключает нейтральное отношение индивида к ситуации, ставшей поводом для осмысления своего «Я». Будучи инструментом самопознания, анализируемые вопросы являются показателем фиксации внимания человека на собственной социальной и личной идентичности и отражают изменения в его психологии на фоне социально-экономических процессов, трансформирующих традиционные формы взаимодействия в социуме. На основе данных НКРЯ показано, что изменения в восприятии «Я» в XIX – XX веках, описанные в философии, привели к появлению в языке риторических вопросов «Кто я? Что я?». Эта конструкция распространяется одновременно с другими «Я-конструкциями» (я есть я, я не я, я хороший, я плохой и др.).

Ключевые слова: риторический вопрос, самоидентификация, идентичность, самопрезентация, диахроническая психология, «я-конструкция»

1. Введение

В XVIII – первой половине XIX века процессы, происходившие в социально-экономической и культурной сферах, изменили отношение человека к самому себе и восприятие им своего места в социуме. Это период освоения в России сначала картезианской философии (появление понятия «чистого Я», развитие философской проблематики познаваемости мира и достоверности знания), а затем наследия Канта. Философия обращается к проблеме «Я», переосмысливая картезианское *cogito ergo sum*, по-разному оценивая внешние факторы, воздействующие на поведение и психологию человека и, следовательно, на структуру самосознания (Федоров, 2006; Шарипова, 2010; Крючкова, 2012, с. 128; Брюшинкин 2012; Леонтович, 2017).

Философские концепции личности оказывают серьезное влияние на русскую культуру и литературу этого периода (Исупов, 2007; Проблема..., 2012; Идентичности..., 2022), и на этой основе формируются и «русское кантианство», и «русское фихтеанство», и — к последней трети XIX века — «русское берклианство». Проблема познаваемости мира воспринимается как связанная с вопросом о природе человека, о границах его возможностей и о соотношении в нем личного и социально обусловленного.

Впоследствии интерес социальных наук, психологии и неклассической философии к «Я»-проблематике (эго-идентичности, самоидентификации, идентичности) усиливается в условиях политических, военных, национальных, религиозных конфликтов XX—XXI веков (Shoemaker, 1963; Doise, 1998; Glover, 1988; Гвардини, 1993; Бергер, Лукман, 1995; Иванова, 2004; Borge, 2011; Olson, 2019). Особой проблемой становятся массовые и индивидуальные кризисы идентичности (Хёсле, 1994; Павленко, Корж, 1998), в связи с чем складывается традиция дифференцированного изучения возрастных кризисов и кризисов профессиональной, гендерной, социальной идентичностей на основе различных методик (Шнейдер, 2013), в том числе методики Куна — Макпартленда (тест «Кто я?»). Среди наиболее распространенных поводов для кризиса — «диспропорция между аутентичной и феноменальной (социальной) самостью», «столкновение с доминирующей личностью», «разочаровывающее поведение близких людей» и мн. др. (Жукова, Жуков, 2014).

На протяжении XIX—XX веков происходит «сложный процесс, в котором объективное (пространственное и социальное) обособление индивида и рост его социальной самостоятельности сочетались с повышением психологической ценности «Я» (Кон, 1984, с. 97). Эти изменения создают почву для развития в языке «Я-конструкций», в которых реализуется потребность человека эксплицитно заявить о себе. Например, это тавтологические конструкции (*я есть я, я не я*) (Лю Гаочэнь, Маркасова, 2021), конструкции, содержащие прилагательные и наречия оценки (*я плохой, я очень даже*) (Норман, Плотникова, 2016; Маркасова, 2023а; 2023б). Список таких конструкций, интенсивно распространяющихся в русском языке, не может быть закрытым, поскольку в условиях социально-экономической и политической турбулентности человек остро ощущает потребность в самоидентификации (Маркасова, 2024).

Вопросы *Кто я? Что я?* как средство поиска своего «Я» также входят в состав «Я-конструкций». Описать риторический вопрос *Кто я? Что я?* на основе данных НКРЯ необходимо, чтобы выяснить, как появление этого вопроса соотносится с историей бытования уже исследованных «Я-конструкций».

2. Методология и терминология

В основе нашей методологии лежит синтез корпусного подхода и комбинированной стратегии (mixed methods) (Методология..., 2014, с. 55—59, 243—250). Применение комбинированной стратегии, соединяющей качественный и количественный анализ, необходимо для верифицирования выводов, полученных другими науками (Там же, с. 56).

Вопрос *Кто я? Что я?* мы называем риторическим, как и любой вопрос, используемый не для получения информации (переспрос, рефлексивный вопрос, делиберативный вопрос и др.). В работах по риторике и стилистике существует традиция противопоставлять риторический вопрос медитативному и делиберативному (Энциклопедический словарь-справочник, 2005, с. 270). Этот подход не соответствует задачам исследования, а потому нами не применяется. В современной русистике термин «риторический вопрос» принято рассматривать отдельно от прочих вопросов во «вторичной функции» (обзор: Мостовая, 2009; Путина, 2018). Эта позиция противоречит классической риторике и истории изучения риторического вопроса, которая была детально освещена в 1996 году (Schöpsdau, 1996), то есть уже после открытия косвенных речевых актов.

Мы работаем с литературными текстами (не с записями устной речи!), так как принятые в социуме сценарии речевого поведения запечатлеваются именно в репликах персонажей и, оказываясь отражением канонических речевых ситуаций, воздействуют на устную речь. В связи с этим употребление в работе слова «говорящий» следует понимать широко (тот, кому принадлежит реплика). Многоаспектная структура местоимения «Я» (Золян, 2023) в работе не рассматривается.

Термин «личная идентичность» понимается в соответствии со Стэнфордской энциклопедией философии: «Личная идентичность человека... состоит из тех свойств, которые он принимает, чтобы “определить себя как личность” или “сделать ее такой, какая она есть”, и которые отличают ее от других. <...> Эта личная идентичность контрастирует с этнической или национальной идентичностью» (Olson, 2019).

3. Материал и его предварительная обработка

Материал выбран из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) по формуле «кто / что» (мест.-сущ., именительный падеж, ед. число) + «я» (мест.-сущ., именительный падеж, ед. число) с дополнительными признаками «в конце предложения, перед вопросительным знаком». Кроме формального критерия учитывался содержательный: вопрос должен был выражать идею самоотождествления говорящего с определенной группой. Хронологические рамки исследования — с 1700 по 2020 год.

В результате поиска в НКРЯ (в поэтическом и основном подкорпусах) созданы и обработаны вручную две выборки «Кто я?» и две выборки «Что я?».

Возможны следующие варианты пунктуационного оформления риторических вопросов, формально соответствующих условиям поиска: «Кто я?», «Кто «я»?», «Кто, я?», «Кто? я?», «Кто — я?!/?»; «Что я?», «Что, я?», «Что — я?», «Что? я?». Интересующий нас вопрос об идентичности имеет два варианта пунктуационного оформления: стандартный (1) и с тире (2).

(1) *Кто я?* Я невольно задаю себе этот вопрос... [И. Н. Кнорринг. Дневник (1919)].

(2) «*А кто — я?* Кто?! — спросил я себя и принял позу, среднюю между аристотелевской и сократовской. — Кто?! Не Пospelов? — нет! [В. Ерофеев. Записки психопата (1956–1957)].

Кроме примеров расположения вопросительного и личного местоимения в двух соседних предложениях (типа «*А вы кто?*» — «*Я? Мама*»), из выборки исключены следующие случаи:

А). Говорящий требует, чтобы собеседник назвался, реагируя на его неясный (иногда умышленно) ответ (3) или передразнивает спрашивающего (4):

(3) — Это я! — *Кто «я»?* — Ну я! [Дм. Стахов. Кредитная история // Октябрь (2013)].

(4) — Кто это? — спросил за дверью голос Гели. — Я. — Кто — вы? — Ну я, Лопатин! *Кто — я?* Кто еще может быть? [К. Симонов. Так называемая личная жизнь (Четыре шага) (1956–1965)].

Б). Говорящий имитирует непонимание связи между ситуацией и его персоной или искренне не понимает этой связи, как в (5):

(5) — А вы? — *Что я?* — Если со мной все это будет, — вы за мной в Сибирь не поедете? [Е. А. Салиас. На Москве (1880)].

В). Говорящий выражает сомнение в возможности совершения какого-либо действия («*Что я могу сделать в этой ситуации? Ничего...*»), как в (6):

(6) — Уж ступайте спать, Федор Иванович! Едва на ногах стоите. Заметила бы — всем бы за вас досталось! — *А что я?* Я — ничего! [М. А. Осоргин. Свидетель истории (1932)].

Г). Лексикализованная конструкция, означающая «Зачем (что / к чему / почему) я это говорю?» либо «Вернемся к тому, о чем речь» в ситуации признания бессмысленности предыдущего или последующего разговора или возвращения к начатой теме (7).

(7) — «Итак, *что я?* Да... О папуасе: папуас, так сказать, существо земнородное... [Андрей Белый. Петербург (1913–1914)].

Все подобные примеры исключены как не имеющие отношения к процессу самоидентификации.

В некоторых контекстах точно определить семантику и прагматику вопроса нельзя, но интерпретация вопроса как вопроса об идентичности возможна (8).

(8) [Аполлон Евгеньевич Окоемов (муж)] Пять минут тому назад я считал себя обладателем миллионов, а теперь *что я?* О, с какой радостью пошел бы я теперь в лакеи к самому себе [А. Н. Островский. Красавец мужчина (1882)].

Если ориентироваться на левый контекст («Пять минут тому назад я считал себя обладателем миллионов»), вопрос «Что я?» можно понять либо как «Что я могу теперь сделать?», либо как вопрос о том, кем человек может считать себя после случившегося. В этом случае говорящий пытается определить свою идентичность, сравнивая Я-до и Я-после. При произнесении варианты предполагают различия в эмфатическом элементе, вариативность мелодики и частоты основного тона.

(9) Мне воля русская дана И разум, чтоб родной стране Вернуть все ведомое мне... Кто говорит? Кто это говорит здесь, в зоне, бродя по дороге, обсаженной чахлыми березками? Я? Кто – я? Нет, это говорит Михаил Васильевич Ломоносов, когда одолевают его враги: тупые и недвижные умы, засевшие в конференц-зале [Н. И. Гаген-Торн. Memoria (1936 – 1979)].

В примере (9) «Кто – я?» квалифицируется либо как переспрос («Действительно ли я это говорю?»), либо как самоуничижение («Кто я такой, чтобы это говорить?»), либо как вопрос о том, кем является говорящий в этот момент, либо как сомнение в том, что «Я» — это действительно Я. В последних трех вариантах это вопрос об идентичности.

Случаи с вводными конструкциями типа «знаешь / понимаешь, кто я?» мы рассматриваем как примеры включения одного риторического вопроса в состав другого [знаешь, [кто я?]?].

4. Общая характеристика вопросов «Кто я? Что я?», связанных с поиском идентичности

Первые примеры употребления конструкции появляются во второй половине XVIII — начале XIX века. Вопрос «Что я?» фиксируется в поэзии во второй половине XVIII столетия, в прозе же он появляется позже, в первой четверти XIX века [В. Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник (1825)].

Первый случай «Кто я?» в прозе датируется 1769 годом [А. П. Сумароков. Приданое обманом], а в поэзии — 1791 годом [А. Н. Радищев. Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?..]. Информацией о распространённости вопроса до XVIII века мы не располагаем, хотя известно, что он есть в Житии протопопа Аввакума (1672): «Кто есмь аз?»

Количество вопросов «Кто я?» в поэзии больше, чем в прозе, при этом их объединяет тенденция к росту (табл.).

Количество вопросов «Кто я? Что я?» в НКРЯ

Вопрос	Количество вхождений	
	Основной корпус 374 449 975 слов	Поэтический корпус 13 879 558 слов
Кто я?	391	50
Что я?	253	38

Чтобы убедиться в достоверности этого наблюдения, можно вычислить интенсивность употребления каждого типа, определив ее как отношение объема корпуса N к количеству найденных конструкций n . Таким образом, $I = N / n$. В нашем случае $I = 374\,449\,975 / 391 = 957\,672,570$. Значит, в основном корпусе, то есть в прозе, в среднем одна конструкция приходится на 957 673 (здесь и далее с округлением до целых) слова, или же (при условии ее равномерного распределения в корпусе) интервал между употреблениями в среднем должен быть 957 673 слова. В поэтическом — один случай на 277 591 слово. То есть в поэтическом корпусе вопрос *Кто я?* встречается в 3,45 раза чаще, чем в основном.

Иные пропорции в использовании второго вопроса. В основном корпусе *Что я?* встречается один раз на 1 480 039 слов, а в поэтическом же — один раз на 365 251 слово. Это значит, что плотность употребления *Что я?* в поэтическом корпусе в 4 раза больше, чем в основном.

Процесс самоидентификации порождает риторическую аттракцию. Возникают цепочки риторических вопросов, пунктуационное оформление которых вариативно. Кроме парной структуры («*Что я? Кто я?*») возможны многочленные цепочки вопросов с местоимениями-наречиями (*Где я? Куда я? Откуда я? Зачем я? Как я?*), как в (10) — (11). Возможно использование антитезы (12) и геминации (тройного повтора) (13) (Маркасова, Митрофанова, 2024):

(10) Тогда первые мои мысли были: «*Что я? Где я? Куда я?*» [В. Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник (1825)].

(11) Изнутри, только изнутри! *Кто — я? Зачем — я?* [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)].

(12) *Что ты и что я?!* [А. С. Серафимович. Мышиное царство (1913)].

(13) — Вот лежу я раз одна, — рассказывала она, — только часы на стене тикают: *кто ты, что ты? кто ты, что ты? кто ты, что ты?* Вот я и задумалась: и подлинно, думаю, *кто я, что я?* Так всю ночь об этом и продумала [Т. Л. Сухотина-Толстая. Детство Тани Толстой в Ясной Поляне (1910–1950)].

Сам прием нанизывания риторических вопросов типичен как средство выражения состояния аффекта и как средство вовлечения адресата в это состояние (Schöpsdau, 1996). *Кто я?, Что я?* есть во всех жанрах художественной литературы, что традиционно для риторических вопросов.

5. Адресат и наличие ответа на вопросы *Кто я? Что я?*

Адресатом может быть сам говорящий или другое лицо. В условиях автокоммуникации вопрос «*Кто я?*» становится отправной точкой для размышлений о собственной идентичности и поиска внутренней опоры.

(14) Среди предметов необъятного мироздания вижу и себя — человека. *Кто я?* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)].

(15) Впрошала я себя: *кто я?* [Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию (1777)].

Этот вопрос может быть не только метафизическим. Он часто является следствием «отвержения самости со стороны “я”» (Хёсле, 1994), как в (16):

(16) Он сидел мрачный и говорил, моргая глазами, как бы собираясь заплакать: — *Кто я?* Нешто я человек? [А. П. Чехов. Ворона (1884–1885)].

Вопрос такого рода, произносимый публично и безадресно, может означать кризис идентичности или иметь манипулятивные функции: спекуляция на чувствах собеседника либо очевидцев, формирование группы сочувствующих, заявление о собственном доминировании (это характерно, когда адресат — другое лицо).

Другой человек становится адресатом в двух случаях: когда нужно найти психологическую поддержку (17) и когда есть цель оказать психологическое давление (вопрос воспринимается как угроза) (18).

(17) Братцы, — *кто я?* — взвизгнул Игнат, обняв его за шею. — Скажите скорее, а то — убьюсь! [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина (1928)].

(18) — Для этого нашлось, а для меня нет? Да ты знаешь, *кто я?* Я — Топтыгин! [Коллекция анекдотов: СССР (1956–1993)].

В таких случаях человек апеллирует к своему социальному статусу с целью самоутверждения и доминирования. Ответ на вопрос «*Кто я / Что я?*» может быть известен только говорящему (эта информация сиюминутна и интимна). Когда ответ дает адресат, возникает ситуация принуждения: адресат обязан дать ответ, на который рассчитывает говорящий. В (19) человек вынужден делать выбор между тем, что от него хотят услышать, и тем, что он думает. В таких условиях вопрос *Кто я?* может стать конфликтогенным (20):

(19) [Юнона (жен)] Пирогов, *кто я?* [Пирогов] (проглатывая) Гений [А. А. Образцов. Магнитные поля (1980–1995)].

(20) — Я не идеалист, — сказал председатель. — Значит, *кто я?*
— Неграмотный, — сказал дед. — И брехун [М. Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)] (ожидаемый ответ — *Материалист.* — Е. М.).

В условиях переживаемого кризиса идентичности этот вопрос имеет принципиально иное значение: человеку свойственно делегировать установление своей идентичности другим людям, привлекая их внимание (как это происходит в случае публичного использования вопроса «*Кто я? Что я?*») (21)–(22).

(21) Узник прикладывается ко кресту, вопрошает с жаром: — Скажи, отец, *кто я?* — Раб божий, — робко отвечает священник... [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)].

(22) Слуги ада... *Кто я?* — Безымянный узник, — с волнением отвечает Овцын и пятится... [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)].

Этот шаг может быть паллиативом лишь в случае благожелательного отношения адресата к адресанту.

Вопрос о своей самости считается вопросом, который задают люди, имеющие определенный уровень рефлексии, что связано с ранговым чувством. Поэтому публичное использование вопроса иногда становится способом выразить свое притязание на статус «мыслящей личности».

Если адресату предлагают домыслить отсутствующий ответ и осознать возможные в этой ситуации последствия (23), вопрос может быть угрозой, способом принуждения к действию.

(23) Требовал, чтобы его отпустили... — Знаете, *кто я?*! У вас могут быть большие неприятности! [А. Мацанов. Мастер и подмастерье // Ковчег (2016)].

Предложение отреагировать на вопрос, ответ на который вариативен, является элементом асимметричного общения. Иерархия, созданная говорящим, обычно парализует волю собеседника. Если же попытка использовать этот вопрос не отвечает реальной расстановке сил, говорящий теряет статус быстрее, чем если бы не задавал его. Это клише часто обыгрывается в детективах, когда арестованный (будучи представителем власти или родственником высокопоставленного лица) спрашивает «Знаете, кто я?», надеясь быть узнанным.

Отсутствие ответа может быть обусловлено потерей чувства реальности, невозможностью размышлять в актуальном на момент речи психологическом состоянии. Это уже не постановочный трюк манипулятивного характера, а настоящая драма.

(24) Где я? *Что я?* Я чувствую: моя душа куда-то ушла [В. В. Вересаев. К жизни (1908)].

Ответ на вопрос может быть кратким, из слова, словосочетания или фразеологизма (25)–(26), либо развернутым, то есть содержащим факты, на основе описания которых можно представить характеристику человека (27)–(28).

(25) Теперь какая жизнь моя? *Что я? Раб?* [П. А. Словцов. Послание к М. М. Сперанскому: «Пока с холодного пера текут чернила...» (1794)].

(26) *Что я? Пыль на ветру...* [В. Г. Галактионова. Спящие от печали (2010)].

(27) А тебе ведомо, *кто я?* Я первый пиита в России, да меня весь свет знает, Париж обо мне пишет [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)].

Чтобы сохранить свое «Я» или убедиться в его утрате, говорящий обычно прибегает к описанию своих социально значимых действий (28)–(29).

(28) Разве ты не знаешь, *кто я?* Я сам собою привез страх и ужас всем деревенским молодцам; у меня и в городе из горнишных ни одна красавица не показывалась; деревенские же, увидя такого молодца, каков Хватов, все ахнут и все передо мною растают [П. А. Плавильщиков. Бобыль (1790)].

(29) *Кто я?* Я так и не издала «полного собрания сочинений» и не научилась ремеслу наборщика, я едва не умерла от шпильки и близко знала последних великих людей России; я любила минуту жизни больше славы и сделала из этого для себя выводы; и вот теперь я смотрю «на царский поезд» русской литературы, уходящий все дальше [Н. Н. Берберова. Курсив мой (1960–1966)].

Кроме апелляции к событийному ряду, значимому в социальном плане, возможно сравнение себя с другим лицом или группой лиц. На этой основе происходит осознание своей идентичности через повышение или понижение своего статуса, как в (30)–(31).

(30) Я-то знаю себе истинную цену! Кто Вы, и *кто Я?*! Разве нас можно сравнивать? [В. В. Кунин. Кыся (1998–2000)].

(31) Ну, что ты сравниваешь? Кто ты, и *кто я?* У меня же на всех рынках места откуплены — на Кузнечном, на Сытном, на Некрасовском... [В. В. Кунин. Кыся (1998–2000)].

Критериями обычно являются либо социально-имущественное положение, либо профессиональные заслуги, талант, способности, нравственные и интеллектуальные качества, неформальные достижения (32)–(33).

(32) Возьми, например, Семенукина и положи нас с ним на весы. Что он и *что Я?* А Семенукин полторы тысячи зарабатывает, а у меня четыреста восемьдесят с вычетами [А. С. Бухов. Роковое влечение (1936)].

(33) Он красивый, умный, сын известного ленинградского архитектора, любой девушке будет лестно внимание такого парня. А *кто я?* Как говорится, ничего особенного, талантов никаких [А. Б. Чаковский. Блокада (1968)].

Сравнение с более статусной фигурой, которая в подобной ситуации действовала так же или была бы бессильна, может служить оправданием своих действий или бездействия (34):

(34) О вас уже песни слагают. — Песни слагают не обо мне, а о моем воеводе Цеко Петкове. Он более тридцати лет воюет с турками, три года просидел в Диарбекире прикованным к стене, бежал. А я, *что я?* Я такой же, как Кирчо или Митко [Б. Л. Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)].

Сравнение себя в прошлом с собой в настоящем обычно является психотравмирующим для говорящего, причем потеря *прежнего Я* воспринимается именно как утрата, а не как «шаг к новым возможностям» (35):

(35) Кто я? *Что я?* Был богат, свободен, немножко счастлив, а теперь... [А. П. Чехов. Иванов (1887)].

6. Классификация ответов на вопросы *Что я? / Кто я?*

Ответы на вопрос *Что я?* — за редким исключением одушевленные существительные или словосочетания, выражающие отрицательную оценку лица по признаку его места в социуме.

А) Низкое (или воспринимаемое как низкое) место в социальной иерархии:

- Слуга двух господ [А. Ф. Вельтман (1848)];
- Приживалка [Е. А. Салиас (1891)];
- Холоп, да еще беглый... [Н. Н. Алексеев (1900)];
- Банковский чиновник, так, чепуха какая-то [Л. Н. Андреев (1901 — 1902)];
- Каторжник [В. М. Дорошевич (1903)];
- Я мужик, не больше не меньше [А. И. Батюто (1938)];
- Сын гнилого интеллигента, пауков любившего... [В. П. Астафьев (1995)];
- Немолодой и не очень здоровый одинокий бухгалтер... [А. Маринина (1996)] и др.

Б) Неопределенное место либо отсутствие места в социуме (никчемность):

- Бедный грешник, старый и хромой [Н. А. Полевой (1828)];
- Ничтожный человек, никому и ни для кого не нужный [Л. Н. Толстой (1878)];
- Сумасшедший [Л. Н. Толстой (1878)];
- Больной, недалекого ума, женоподобный, сентиментальный, обиженный богом [А. П. Чехов (1878)];
- Не то барышня, не то «своя сестра»... дура полуграмотная! [А. В. Амфитеатров (1907)];
- Истеричка [А. Тришатов (1912)];
- Пасынок везения [А. В. Иличевский (2009)].
- Я не страдалец за народ, не ВПЗР, не правозащитник, не святой, даже толком не журналист... [А. Иванов (2012)] и др.

В) Исключенность (метафорическая) из числа людей:

- Птица с обломанными крыльями! [А. Е. Зарин (1902)];
- Образина. Насекомое с человеческим паспортом [И. Г. Эренбург (1921)];
- Червь, рожденный во мраке [А. П. Ладинский (1937)];
- Заяц, бегущий через темный лес... [О. Гладов (2000)].

Неодушевленные существительные также выражают низкую самооценку (*отребие, обноски человечества* [А. Н. Островский (1871)]) вплоть до отрицания своего существования: *Трупъ живой* [А. К. Шеллер-Михайлов (1882)]; *Пень обгорелый...* [А. С. Серафимович (1913)]; *Клеточка!* [Л. Н. Андреев (1916)]; *Пыль на ветру...* [В. Г. Галактионова (2010)].

Среди нестандартных ответов на вопрос *Что я?* отметим название профессии (*Скульптор!* [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)] и местоимение (*Ничто* [А. И. Цветаева (1914)]). Эти случаи не входят ни в одну из описанных групп.

Ответы на вопрос *Кто я?* могут содержать как отрицательную, так и положительную оценку. Отрицательная оценка в основном обусловлена социальным положением.

А) Низкое (или воспринимаемое как низкое) место в социальной иерархии:

- Сын бедного чиновника, ничтожный разночинец [Н. А. Полевой (1833)];
- Акробат, сын сапожника в Милане [Л. Н. Андреев (1915)];
- Я — обыкновенный статистик [Е. А. Попов (1970—2000)];
- Приживалка у отца... [М. Горький (1899)];
- Пленный [А. А. Успенский (1933)];
- Ничего особенного, талантов никаких [А. Б. Чаковский (1968)];
- Я старая, старая дева, бледно-голубая муха-девственница [В. Д. Дудинцев (1987)];
- Шантрапа [В. П. Астафьев (1968—1991)];
- Рядовой сотрудник, с заурядной внешностью и рядовым жалованьем. [Э. А. Рязанов, Э. В. Брагинский (1977)];
- Старая кумхозяница... [Ф. А. Искандер (1997)];
- Молчунья, почти дурнушка [В. В. Михальский (2003)];
- Обыкновенная тягловая лошадка [В. В. Михальский (2003)].

Б) Неопределенное место либо отсутствие места в социуме (никчемность):

- Я поконченный человек, больше ничего [Ф. М. Достоевский (1866)];
- Ничтожество из ничтожеств [А. И. Сvirский (1901)];
- Ничтожество! [Д. Я. Айзман (1907)] и др.

В) Исклученность (метафорическая) из числа людей

- Пылинка! Лист осенний! [М. Горький (1909)];
- Полусгнившая мокрица с известью вместо мозга... [П. В. Кожевников (2003)].

Г) Положительная оценка «Я» в основном связана с социальными характеристиками (власть, профессия, род занятий):

- Я — Муравьев [В. Ф. Одоевский (1866)];
- Я лесной князь [Ф. М. Решетников (1868)];
- Бурятский князь! [И. С. Тургенев (1883)];
- Я — голос вашей совести и голос мести! [В. Я. Брюсов (1908)];
- Кронштадтский мѣщанинъ [П. Н. Краснов (1932)];
- Я первый пиита в России [В. Я. Шишков (1934—1939)];
- Я опасный для фашистов человек! [Д. Н. Медведев (1948)];
- Я боец, минометчик [Б. Ш. Окуджава (1960—1961)];

- Строитель! [Ю. П. Казаков (1962)];
- Солдат, летчик [Ф. Ф. Кнорре (1973)];
- Чекист [В. В. Шульгин (1973)];
- Писатель европейского масштаба [В. П. Аксенов (1996)];
- Я — свободный художник [В. В. Левашов (2000)];
- Я человек [В. Д. Алейников (2002)];
- Крестный, можно считать, отец повести [В. Д. Алейников (2002)];
- Крупный ученый Сторин! [В. В. Щигельский (2013)].

Именно в ответах на вопрос *Кто я?* возможно сочетание положительной и отрицательной оценки. Например:

(36) А я? *Кто я? Человек мягкий, робкий до идиотизма, путаник. Но с другой стороны — как бы даже и украшение. Я и честный, я и — соль, я и — кит, а также я и — ось. Но ведь и это — ошибка. Тут бедой пахнет! Тут — зыбкость! Тут от зыбкости беда выйти может!* [Е. А. Попов. Под солнцем (1970—2000)].

Ответы на вопрос *Что я?* существенно отличаются от ответов на вопрос *Кто я?* однообразием и обилием негативных автохарактеристик, отражающих острое осознание человеком своей малозначимости, вплоть до ощущения собственного ничтожества.

7. Сравнение конструкций *Кто я?* / *Что я?* в прозе и поэзии

Вопросы, как было отмечено, более свойственны поэзии, чем прозе. Различия очевидны по всем параметрам: наличие / отсутствие адресата / ответа, варианты ответов.

В прозе вопрос *Кто я?* функционально весьма вариативен: он может быть и показателем размышлений о своем «Я», и средством самоуничижения, и угрозой, и способом принудить собеседника к действию, которое может не соответствовать его интересам (37):

(37) — Как! еще смеет отвечать, когда я говорю! спорить! ах грубиянка; да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя от нищего отца-негодая взяла на свои руки... <...> ты забываешь, *кто я?* [М. Ю. Лермонтов. Вадим (1833—1834)].

Если вопрос представляет собой придаточное предложение при глаголах «знать», «забывать», «помнить» и др., он порождает парную реплику «(не) знаю / знал (а)» (38):

(38) — Кто уполномочил меня? — сказал гордо Ипсиланти. — Вы знаете, *кто я?* — Знаю. Вы служили в русской службе генералом, я служил поручиком, но здесь не Россия. — Неужели вы думаете, что я обязан открывать Дивану Валахии тайны европейских конгрессов? [А. Ф. Вельтман. Радой (1839)].

В поэзии же вопрос *Кто я?* лирический герой обычно адресует самому себе, и это показатель нестабильности восприятия своего «Я», о

чем свидетельствует традиция давать в качестве ответа ряды существительных, которые представляют собой сложную систему контекстуально синонимичных или антонимичных элементов (39) – (40).

(39) Меняю шум на пенье стрел, Меняю строй на стрепет гневный. *Кто я?* Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, — Двuruшник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик [О.Э. Мандельштам. Грифельная ода: «Мы только с голоса пойдем...» (1923)].

(40) *Кто я?* — паяц, бурлак, воин, монах, король? [В.А. Соснора. Этот эпилог: «Слушай! я говорю — горе! — себя кляня...» (1973)].

Вопрос *Что я?* и в прозе, и в поэзии обычно является средством самоуничтожения и свидетельствует о тяжелом психологическом состоянии говорящего, который часто сам дает ответ. Общая черта таких ответов — наличие негативной автохарактеристики.

Вопрос *Что я?* в поэзии часто задают на лоне природы, которая поэтически осмыслена либо как адресат (41), либо как свидетель (42). Адресатом может быть и неодушевленный объект.

(41) Подымая, опуская очи долу, к небу очи: — Кто я? *что я?* птичья стая, в непроглядном мраке ночи разрываемая бурей, разбиваемая оземь... [Н.Е. Горбаневская. «И, подымая взгляд нетрезвый...» (1983)].

(42) То ли сойку спугну мимоходом, то ли друга умершего вспомню — и как бы очнусь ото сна: где я? *что я?* Иду — и не знаю дороги, только слышу, как воздух горчит... [О.Г. Чухонцев. «На окраине кладбища, где начинается поле...» (1969)].

Основой этого вопроса могут быть размышления о выдающихся личностях, сопоставление с которыми приводит лирического героя к отрицанию своей ценности как индивидуума, то есть к кризису (43):

(43) В мышцах жила несказанная мощь, Нега — в изгибе колен, Был он прекрасен, как облако, — вождь Золотоносных Микен. *Что я?* Обломок старинных обид, Дротик, упавший в траву [Н.С. Гумилёв. Воин Агамемнона (1910)].

8. Вопрос *Кто я?* / *Что я?* в истории «Я-конструкций»

Описывая хронологию любой «Я-конструкции», важно разделять два параметра: 1) время появления первых (единичных) случаев, 2) время возникновения устойчивой тенденции к росту.

Единичные случаи употребления вопросов *Кто я?* / *Что я?* появляются во второй половине XVIII — начале XIX века, то есть одновременно с конструкцией «Я + адъективный предикат», употребление которой складывается в циклы с конца 1850-х годов. Это легко установить благодаря многочисленности примеров (Маркасова, 2024). На основе нашего

материала был построен график с распределением по пять лет (ось X — годы, ось Y — количество примеров). Он показывает, что в истории двух конструкций есть общие периоды роста и снижения их употребительности.

Корреляция Я-конструкций «Я + адъективный предикат» и «Кто я? Что я?» в русском языке с 1800 по 2000 год

Выявленная корреляция графиков (0,917) значительна и потому достаточна, чтобы предполагать общую причину их сходства.

Тавтологические конструкции с местоимением «Я» появляются в конце 1840-х годов, то есть позже, чем прочие тавтологические конструкции в русском языке (Лю Гаочэнь, Маркасова, 2021). Можно говорить о росте количества этой конструкции, как и о росте количества вопросов *Кто я?* / *Что я?*, но невозможно (по крайней мере по имеющимся пока данным) создать достоверные графики, доказывающие или опровергающие наличие циклизации.

9. Выводы

С конца XIX века растет употребительность риторических вопросов *Кто я?* и *Что я?*, которые являются зеркалом сложных процессов, происходящих в психологии личности. Анализируемые риторические вопросы, как и другие Я-конструкции, могут указывать либо на принадлежность говорящего к социальной группе (соответственно, на его социальную идентичность), либо на его персональные характеристики, которые также влияют на возможность отождествления себя с некой группой.

Мы предполагаем, что *Кто я?* чаще выступает как вопрос о социальной идентичности, а *Что я?* — как вопрос философский, связанный с персональной идентичностью, с сущностными характеристиками личности. В обоих случаях в риторическом вопросе возникает зона имплицитного знания-о-себе, в которую не может проникнуть посторонний.

Вопрос *Кто я?* допускает и положительную, и отрицательную оценку себя как личности. Использование же вопроса *Что я?* обычно является указанием на кризис идентичности или на низкую самооценку. Процесс самоидентификации связан с переживанием неравенства прежней и актуальной идентичности, что часто вызывает отрицательные эмоции.

Амплификация вопросов о своем «Я» функционально близка тавтологическим конструкциям *я есть я / я не я*, поскольку использование обоих речевых средств может быть либо способом манипулирования, либо отражением в речи кризиса идентичности, суть которого в признании человеком неравенства самому себе.

Благодарности. Мы признательны за помощь в математической обработке данных и обсуждение статьи независимому исследователю В.И. Бескровных (Штутгарт, Германия) и канд. филол. наук О.А. Митрофановой (Санкт-Петербург, Россия).

Список литературы

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Брюшинкин В.Н. Особенности исследования идентичности // Субъективность и идентичность / отв. ред. А.В. Михайловский. М., 2012. С. 261–272.
- Воге П.Н. Я. Индивид в истории культуры. СПб., 2011.
- Гвардини Р. Конец нового времени // Феномен человека: антология. М., 1993. С. 240–296.
- Жукова О.И., Жуков В.Д. Кризис идентичности как нормообразующее становление личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. Т. 29, №1. С. 81–88.
- Золян С.Т. Местоимение Я: механизм само- и иноописания // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. 2023. №2 (36). С. 26–39. <http://doi.org/10.31912/pvrl-2023.2.2>.
- Иванова Н.Л. Структура социальной идентичности личности: проблемы анализа // Психологический журнал. 2004. Т. 25, №1. С. 52–60.
- Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования / под ред. А.А. Тесли, С.Т. Золяна, Г.Л. Тульчинского. Калининград, 2022.
- Исупов К.Г. Я (как проблема самосознания) // Культурология: энциклопедия : в 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 1149–1150.
- Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984.
- Крючкова С.Е. Идентичность и принцип «тождества неразличимых» Лейбница // Субъективность и идентичность / отв. ред. А.В. Михайловский. М., 2012. С. 293–318.
- Леонтович О.А. «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21, №2. С. 247–259. <http://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-247-259>.
- Лю Гаочэнь, Маркасова Е.В. Я есть я (идентичность и коммуникация) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, №4. С. 701–716. [http://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(4\).701-716](http://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(4).701-716).
- Маркасова Е.В. «Я несчастный, но живой»: адъективный предикат при местоимении «Я» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023а. №82. С. 103–117. <http://doi.org/10.17223/19986645/82/6>.
- Маркасова Е.В. Адъективный предикат «плохой / хороший» при местоимении «Я» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023б. Т. 9, №4 (36). С. 23–35. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-23-35>.

Маркасова Е. В. «Я + адъективный предикат» и исторические обстоятельства (к постановке проблемы) // Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. №12. С. 14–29. <http://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-12-14-29>.

Маркасова Е. В., Митрофанова О. А. Геминация (тройной повтор) по корпусным данным // Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова. 2024. №4 (42). С. 41–59. <http://doi.org/10.31912/pvrl-2024.4.3>.

Методология и методы социологического исследования / под ред. В. И. Дудинной, Е. Э. Смирновой. СПб., 2014.

Мостовая Л. А. Риторический вопрос в группе косвенных речевых актов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. №4. С. 39–45.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.08.2024).

Норман Б., Плотникова А. Семантика конструкций со значением социальной самоидентификации и самопрезентации в русском языке // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, №4. С. 107–120. <http://doi.org/10.15826/qv.2016.4.194>.

Павленко В. Н., Корж Н. Н. Трансформация социальной идентичности в пост-тоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. Т. 19, №1. С. 75–89.

Проблема «Я»: философские традиции и современность / под ред. В. Н. Поруца. М., 2012.

Путина О. Н. Типология вопроса: традиционный подход // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4, №4. С. 127–143. http://doi.org/10.22250/2410_7190_2018_4_4_127_143.

Федоров А. А. «История меня»: традиция европейской философской мистики и строительство персональных миров. СПб., 2006.

Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. №10. С. 112–123.

Шарипова Р. Х. Проблема «Я» в истории социально-философской мысли // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. №3. С. 68–75.

Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. М., 2005.

Doise W. Social representations in personal identity // Social identity (international perspectives). L. ; New Delhi, 1998. P. 13–24.

Glover J. I. The philosophy and psychology of personal identity. L., 1988.

Olson E. T. Personal identity // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by N. Zalta. 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal> (дата обращения: 09.07.2020).

Schöpsdau K. Rhetorische Frage // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / hrsg. von G. Ueding. Tübingen, 1996. Bd. 3. S. 445–454.

Shoemaker S. Self-knowledge and self-identity. Ithaca, 1963.

Об авторах

Ли Юэчуань, магистрант, Пекинский университет иностранных языков, Пекин, Китай.

ORCID ID: 0009-0002-0843-5714

E-mail: leefan0810@163.com

Елена Валерьевна Маркасова, доктор филологических наук, доцент Института русского языка, Пекинский университет, Пекин, Китай.

ORCID ID: 0000-0002-9231-1476

E-mail: markasovaelena@yandex.ru

Для цитирования:

Ли Юэчуань, Маркасова Е.В. Вопрос «Кто я? / Что я?» как маркер поиска идентичности // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 16, №2. С. 158–176. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ
CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE QUESTION “WHO AM I? / WHAT AM I?” AS A MARKER OF IDENTITY SEARCH

Li Yuechuan¹, Elena V. Markasova²

¹ Beijing Foreign Studies University,

2 Xisanhuan North Road, Beijing, 100081, China

² Peking University,

5 Yiheyuan Road, Beijing, 100091, China

Submitted on 14.08.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-9

The article is devoted to the questions "Who am I? What am I?", which have been actively spreading in the Russian language since the end of the 18th – beginning of the 19th century, both in poetry and prose. As a linguistic means of self-presentation and self-identification, questions are used in situations that encourage a person to reflect on their place in society and their own rank feelings. The very fact of using the rhetorical questions "Who am I? What am I?" excludes a neutral attitude of the individual to the situation that has become the reason for understanding their "I". Being a tool of self-knowledge, the analyzed questions are an indicator of a person's fixation on their own social and personal identity and reflect changes in psychology against the background of socio-economic processes that transform traditional forms of interaction in society. Based on the data of the National Russian Corpus, it is shown that changes in the perception of the "I" in the 19th – 20th centuries, described in philosophy, led to the emergence of rhetorical questions "Who am I? What am I?" in the language. This construction is distributed synchronously with the I-constructions I am I, I am not I, I am good, I am bad, etc.

Keywords: rhetorical question, self-identification, identity, self-presentation, diachronic psychology, "I-constructions"

Acknowledgements. We are very grateful to independent researcher V.I. Beskrovnnykh (Stuttgart, Germany) and Dr O.A. Mitrofanova (St. Petersburg, Russia) for their assistance with mathematical data processing and for their valuable discussions of the article.

References

Berger, P. and Lukman, T., 1995. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The Social Construction of Reality]. Moscow, 323 p. (in Russ.).

Bryushinkin, V.N., 2012. Features of identity research]. In: A.V. Mikhailovsky, ed. *Sub'ektivnost' i identichnost'* [Subjectivity and Identity]. Moscow, pp. 261 – 272 (in Russ.).

Doise, W., 1998. Social Representations in Personal Identity. In: *Social Identity (international perspectives)*. London; New Delhi, pp. 13 – 24.

Dudina, V. I. and Smirnova, E. E., eds., 2014. *Metodologiya i metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methodology and methods of sociological research]. St. Petersburg, 388 p. (in Russ.).

Fedorov, A. A. 2006. «Istoriya menya»: traditsiya evropeiskoi filosofskoi mistiki i stroitel'stvo personal'nykh mirov ["The Story of me": the tradition of European philosophical mysticism and the construction of personal worlds] St. Petersburg, 221 p. (in Russ.).

Glover, J. I., 1988. *The Philosophy and Psychology of Personal Identity*. London, 207 p.

Gvardini, R., 1993. The end of modern times. In: *Fenomen cheloveka: antologiya* [The Human Phenomenon]. Moscow, pp. 240 – 296 (in Russ.).

Hösle, V., 1994. The crisis of individual and collective identity. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 10, pp. 112 – 123 (in Russ.).

Isupov, K. G., 2007. I as a problem of self-awareness. In: *Kul'turologiya: entsiklopediya: v 2 t.* [Cultural studies: encyclopedia: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow, pp. 1149 – 1150 (in Russ.).

Ivanova, N. L., 2004. Structure of the social identity of a person: problems of analysis. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 25 (1), pp. 52 – 60 (in Russ.).

Kon, I. S., 1984. *V poiskakh sebya: lichnost' i ee samosoznanie* [In Search of Oneself: Personality and its self-consciousness]. Moscow (in Russ.).

Kryuchkova, S. E., 2012. Identity and the Leibniz's principle of the "identity of the indistinguishable". In: A. V. Mikhailovsky, ed. *Sub'ektivnost' i identichnost'* [Subjectivity and Identity]. Moscow, pp. 293 – 319 (in Russ.).

Leontovich, O. A., 2017. "A Mirror in which Everyone Displays their Image": Identity Construction in Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), pp. 247 – 259, <http://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-247-259> (in Russ.).

Liu, G. and Markasova, E. V., 2021. I Am I (Identity and Communication). *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 4 (8), pp. 701 – 716, [http://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(4\).701-716](http://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(4).701-716) (in Russ.).

Markasova, E. V. and Mitrofanova, O. A., 2024. Geminatio (Triple Repeat) According to The Corpus Data. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 4 (42), pp. 41 – 59, <http://doi.org/10.31912/pvrli-2024.4.3> (in Russ.).

Markasova, E. V., 2023a. "I am unhappy, but alive": The adjectival predicate for the pronoun "I". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 82, pp. 103 – 117, <http://doi.org/10.17223/1998-6645/82/6> (in Russ.).

Markasova, E. V., 2023b. Adjectival predicate "bad/good" with the pronoun I. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9 (4), pp. 23 – 35, <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-23-35> (in Russ.).

Markasova, E. V., 2024. "I + adjectival predicate" and historical circumstances (stating the issue). *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 12, pp. 14 – 29, <http://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-12-14-29> (in Russ.).

Mostovaya, L. A., 2009. Rhetorical question in groups of indirect speech acts. *Russian Language Studies*, 4, pp. 39 – 45 (in Russ.).

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 12 August 2024] (in Russ.).

Norman, B. and Plotnikova, A., 2016. Semantics of Social Self-Identification and Self-Presentation in Russian Language Structures. *Quaestio Rossica*, 4 (4), pp. 107 – 120, <http://doi.org/10.15826/qr.2016.4.194> (in Russ.).

Olson, E. T., 2019. Personal Identity In: N. Zalta, ed. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal> [Accessed 9 July 2020].

Pavlenko, V.N. and Korzh, N.N., 1998. Transformation of social identity in a post-totalitarian society. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 19 (1), pp. 75–89 (in Russ.).

Porus, V.N., ed., 2012. *Problema «Ya»: filosofskie traditsii i sovremennost'* [The problem of "I": philosophical traditions and modernity]. Moscow, 351 p. (in Russ.).

Putina, O.N., 2018. Typology of Questions: Traditional approach. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (4), pp. 127–143, http://doi.org/10.22250/2410_7190_2018_4_4_127_143 (in Russ.).

Schneider, L.B., 2007. *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki* [Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnosis]. Moscow, 234 p. (in Russ.).

Schöpsdau, K., 1996. Rhetorische Frage. In: von G. Ueding, ed. *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*. Bd. 3. Tübingen, s. 445–454.

Sharipova, R. Kh., 2010. The problem of "I" in the history of socio-philosophical thought. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in the Eastern Siberia and the Far East], 3, pp. 68–75 (in Russ.).

Shoemaker, S., 1963. *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca, 276 p.

Skovorodnikov, A.P., ed., 2005. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings]. Moscow, 480 p. (in Russ.).

Teslya, A. A., Zolyan, S. T. and Tulchinsky, G. L., eds., 2022. *Identichnosti: semiotika reprezentatsii i pragmatika pozitsionirovaniya* [Identities: semiotics of representation and pragmatics of positioning]. Kaliningrad, 347 p. (in Russ.).

Voge, P.N., 2011. *Ya. Individ v istorii kul'tury* [I. An individual in the history of culture]. St. Petersburg, 727 p. (in Russ.).

Zhukova, O.I. and Zhukov, V.D., 2014. Identity crisis as a norm-forming personality formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 29 (1), pp. 81–88 (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2023. "I" as a Subject of Self- And Other-Reference: a Linguistic Perspective. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2 (36), pp. 26–39, <http://doi.org/10.31912/pvrli-2023.2.2> (in Russ.).

The authors

Li Yuechuan, Master' student, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China.

ORCID ID: 0009-0002-0843-5714

E-mail: leefan0810@163.com

Prof. Elena V. Markasova, Associate Professor, Russian Language Institute, Peking University, Beijing, China.

ORCID: 0000-0002-9231-1476

E-mail: markasovaelena@yandex.ru

To cite this article:

Li Yuechuan, Markasova, E. V., 2025, The questions "Who am I? / What am I?" as a marker of identity search, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 2, pp. 158–176. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-9.

**ТЫ, ТЫ, ТЫ: «ТЫ-ПОВЕСТВОВАНИЕ»
В РОМАНЕ «НЕВИДИМЫЙ» ПОЛА ОСТЕРА (2010)**

Д. В. Шулятьева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Поступила в редакцию 05.06.2024 г.
Принята к публикации 15.01.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-10

«Ты-повествование» определяется нарратологом Б. Ричардсоном как одна из наиболее значимых повествовательных форм со времен литературы потока сознания. И неслучайно: оно не только изменяет взаимодействие читателя с повествовательным миром, но и предъявляет собственные требования к современной нарратологии — языку и способу его описания. «Ты-повествование» проблематизирует границы между нарратором и наррататором, актуальным и потенциальным, субъектом и объектом. И более того: оно по-своему пытается указать на те изменения, которые происходят с современными повествованиями в новом для них цифровом контексте. «Ты-повествование» потому привлекает внимание представителей самых разных направлений постклассической нарратологии — естественной и неестественной, трансмедийной, исследующей интерактивные и цифровые повествования. «Ты-повествование» становится «переходной» формой между традиционными повествованиями (рассказывающими об уже завершившихся событиях) и «нарративами будущего». В данной работе «ты-повествование» рассмотрено на примере романа Пола Остера «Невидимый» (2010), в его функционировании нами как изучаются свойства и функции, уже прежде отмеченные исследователями (на другом, более раннем литературном материале), так и выделяются новые: «ты-повествование» способствует более активному погружению читателя в повествовательный мир, создает иммерсию, переносит акцент на читателя как на несущего «ответственность» за выбор и оценку происходящего. Но оно же и дистанцирует его, вселяя неуверенность в собственном статусе, в реальности происходящих событий, в собственной агентности. «Ты-повествование» у Остера, наконец, показывает, как традиционные нарративы переживают трансформацию под влиянием цифровой (интерактивной) среды и как такая повествовательная форма способна если не переопределить повествование и его базовые понятия, то указать на необходимость такого переопределения.

Ключевые слова: ты-повествование, интерактивность, иммерсивность, нарративы будущего, неестественная нарратология

«Поди знай, как это рассказать... — спрашивает себя герой новеллы “Слюни дьявола” Х. Кортасара, а затем продолжает, — то ли от первого лица, то ли от второго, а если попробовать от третьего и во множественном числе?» Кажется, вопрос, заданный в новелле Кортасара, становится вполне актуальным для героя романа «Невидимый» Пола Остера.

Выбор повествовательного режима — одна из ключевых проблематик в романе, который состоит из нескольких частей, и каждая написана

на от разного (грамматического) лица: то от первого, то от третьего, то от второго. Повествование от второго лица, или «ты-повествование», — самое примечательное, поскольку оно наименее распространено в литературной традиции. И одновременно с этим «экспериментальным» ореолом оно же оказывается и самым «близким» к читателю, все время как будто бы обращаясь к нему («ты идешь... ты видишь» и пр.), все время потому проблематизируя взаимодействие читателя с повествованием и с нарратором.

«Ты-повествование» (или *second-person narrative* в англоязычной традиции) рассматривается современными нарратологами в разных контекстах. Так, М. Флудерник, активно исследующая этот режим повествования, указывает на некоторые его функции (Fludernik, 1994a; 1994b). «Ты-повествование» проблематизирует отношения между нарратором и наррататором, при этом нарратор не только обладает повествовательным «голосом», но и рассказывает историю «за того», к кому обращается. Кроме того, «ты-повествование» в производимом им эффекте сближается с функциями императива: нарратор в таком случае направляет (если не наставляет) наррататора, указывая ему на события, как будто бы происходящие непосредственно с ним (а не с самим нарратором). Флудерник подчеркивает: исследование «ты-повествования» значимо для понимания функционирования современных нарративов (обращающихся к нему). Но «ты-повествование» наряду с этим требует и особого языка и способа его описания — и этим предъявляет уже свои требования к современной нарратологии и к тем ее базовым понятиям, которые, видимо, должны быть переосмыслены и «адаптированы» к современной повествовательной ситуации, должны стать адекватными таким повествовательным формам.

«Ты-повествование» ищет новые способы коммуникации с читателем, но по-своему задает вопросы и способу ее описания — нарратологии: меняется ли с его распространением само определение повествования, может ли оно быть изменено, как оно трансформируется?

На эти вопросы предлагают ответы представители неестественной нарратологии — исследовательского направления, выросшего во многом из диалога с М. Флудерник и ее концепцией естественного нарратива. Представители неестественной нарратологии призывают обращать большее внимание не на устойчивые, продуктивные, воспроизводимые повествовательные схемы и конвенции, но на все, что этой «устойчивости» и «конвенциональности» избегает — множество таких примеров они и обнаруживают в литературных повествованиях последних десятилетий. Неудивительно в этом контексте, что внимание они обращают и на «ты-повествование» как на особый, редко встречающийся способ литературного рассказывания. Б. Ричардсон подчеркивает: «ты-повествование» — один из наиболее значимых приемов для развития повествовательности со времен литературы потока сознания (Richardson, 2006). На его специфику указывает и Д. Герман, отмечая, что «ты-повествование» позволяет проблематизировать для читателя границы между «актуальным» (в действительности происходящим

внутри повествовательного мира) и «виртуальным» (не свершившимся в повествовании, но остающимся возможным), между фигурой нарратора и наррататора, между нарратором и героем, между интрадиггетическим измерением повествования и его измерением экстрадиггетическим (Herman, 2004). «Ты-повествование» поэтому все время стремится усложнить отношения между теми параметрами нарратива, разграничение которых прежде казалось более привычным.

Такие формы повествования представители неестественной нарратологии, заостряя, даже называют «экстремальными» и «буйными» (Richardson, 2006). «Экстремальность» «ты-повествования», вероятно, заключается в его способности проблематизировать интерактивность как свойство нарратива — и потому, наверное, оно оказывается так востребовано в интерактивной литературе. М.-Л. Райан отмечает, что «ты-повествование» в литературе способно не только производить эффект непосредственного погружения читателя в рассказываемую историю, но и предельно сближать время рассказа и время истории (в терминах Ж. Женетта), усиливая читательское ощущение, что все происходящее разворачивается на его глазах (Ryan, 2005). Размышление Райан продолжают и исследователи А. Белл и А. Энслин: «ты-повествование», пишут они, распространено не только в интерактивной литературе, но и в видеоигровых нарративах (и в сопровождающих их паратекстах) (Bell, Ensslin, 2011). В таком контексте использование «ты-повествования» позволяет смоделировать опыт выбора, предлагаемого игроку и им же совершаемого, подчеркнуть его активную роль в конструировании нарратива.

«Ты-повествование», получается, интересно и тем, что в современном контексте связывает традиционные нарративы (рассказывающие об уже завершенных событиях) и интерактивные нарративы (предполагающие непосредственное участие читателя в конструировании сюжетных линий, делающие ставку, таким образом, на «незавершенность» рассказываемой истории). «Ты-повествование» в таком контексте соединяет то, что исследователи К. Боде, Р. Дитрих, Ф. Мейферт-Менхард, С. Шенк, С. Домш называют в свою очередь «нарративами прошлого» и «нарративами будущего» (Bode, Dietrich, 2013; Meifert-Menhard, 2013; Schenk, 2013; Domsch, 2013), относя к последним тот тип повествований, который не только предполагает непосредственную интерактивность, но и пытается переопределить само понятие повествования, отказывая ему теперь в его базовом свойстве — быть «рассказом о прошлом», «о том, что уже свершилось».

«Ты-повествование», получая распространение в традиционных (неинтерактивных) нарративах, ставит в них вопрос о сочетании повествовательной и игровой логики, становится «переходным» феноменом, сигнализирующим об изменениях, происходящих в самом определении повествования. Функционирование «ты-повествования» в пределах традиционных (завершенных) нарративов потому наиболее любопытно: оно демонстрирует, как игровая логика вторгается в повест-

вовательную, вступает с ней в новые отношения, как меняет способ взаимодействия повествования с читателем и как — таким образом — в чем-то «предчувствует» будущее повествовательных форм.

«Ты-повествование» будет рассмотрено нами на примере романа «Невидимый» П. Остера: его творческий поиск примечателен тем, как он осмысляет многие идеи борхесовской и постборхесовской литературной традиции, не порывая с предшественниками, но и тем, как чутко он откликается на те изменения, которые происходят в повествованиях «вокруг» него уже в современности. В его творчестве становится явным и интерес к трансмедийному контексту современной литературы, и интерес к тому, как она неизбежно меняется под влиянием других нарративных медиа — кино, видеоигр, интерактивных и цифровых литературных форм. Его проза, «внешне» остающаяся традиционной (не предполагающей буквального эксперимента с повествовательной интерактивностью или с материальностью текста), кажется, — лучшее воплощение такого интереса; она позволяет потому рассмотреть ее в качестве примера, наглядно демонстрирующего изменения, происходящие в современной повествовательности.

Как «ты-повествование» у Остера вступает в диалог с предшествующей экспериментальной традицией, обращающейся к этой повествовательной форме? И какими функциями наделяется у него самого? Что «ты-повествование» в его воплощении у современного американского классика может рассказать нам об изменениях в современной литературной повествовательности в целом?

В центре повествования — молодой студент Адам Уокер, который случайно знакомится с парой (Борном и его подругой Марго): его заманивают в ловушку, провоцируют, соблазняют, как мальчишку из «Слюней дьявола», втягивают в чужую, странную и опасную игру, которая ему едва ли понятна, и в результате — он оказывается свидетелем и в чем-то соучастником преступления (убийства), мечется, не дает себе покоя и в итоге начинает писать роман, возвращаясь к случившемуся, к собственным переживаниям, а также проживая этот опыт заново уже в вымышленном мире.

Написанный им роман и предлагается читателю: он состоит из трех частей. В первой — «Весна» — он рассказывает о знакомстве с Борном и Марго и раскрывает обстоятельства, предшествовавшие убийству, которое переопределило его последующую жизнь. Во второй — «Лето» — переживание вины за случившееся дополняется иными, любовными, но тоже непростыми: герой вступает в любовную связь с собственной сестрой, винит себя и за этот инцест, но и (к тому же) за смерть брата, а потому его переживание вины лишь нарастает. Третья часть его романа — «Осень» — остается незаконченной, поскольку герой умирает, успев рассказать лишь о том, что спустя много лет все-таки сумел отыскать своих давних знакомых Борна и Марго, встретиться с ними. Герой даже попытался отомстить им, но от переживания вины — ключевого, по-видимому, для его жизни — избавиться ему не удалось.

Роман похож потому на «паутину» (как у Кортасара), сплетенную из соблазна, преступления, вины за него, осознания невозможности контролировать иррациональное, противиться чувственному, добиться ясности и определенности в понимании произошедшего. Эта «паутина», липкая, вязкая, как само дрящееся переживание, его не отпускает, потому роман он пишет почти всю свою сознательную жизнь. В романе он не возвращается к одному и тому же событию, но нанизывает всё новые и новые (притом относящиеся к разным периодам его жизни); не пытаясь рассказать одну и ту же историю с разных точек зрения, он предлагает каждый раз новую, но — и тут кроется фокус — каждый раз от нового (грамматического) лица. Первая часть его романа пишется от первого лица, вторая — от второго, третья (к тому же незаконченная) — от третьего. Структура романа изоморфна смене говорящих в нем «лиц» и вкуче представляет собой всю жизнь героя, то есть содержит события и переживания, оказавшиеся для него наиболее значимыми. Эту жизнь и этот опыт он «прокручивает» через разные способы рассказывания — то ли в попытке найти наиболее точный голос и интонацию для всего произошедшего и пережитого, то ли (как ни банально) пытаясь найти собственное «я», то ли желая дать своему читателю прожить эту предлагаемую вымышленную жизнь несколько раз подряд, каждый раз меняя свое взаимодействие с повествовательным миром.

«Ты-повествование» в романе Остера будет рассмотрено нами как с точки зрения воплощения тех его функций, которые прежде уже были отмечены исследователями, так и с точки зрения тех его особенностей, которые прежде не рассматривались. «Ты-повествование» раскрывается в его способности производить эффект сомнения и неопределенности на читателя, создавать иллюзию выбора и одновременно разоблачать ее, ставить под сомнение наконец разграничение понятий иммерсивности и интерактивности, которое прежде подчеркивалось исследователями-нарратологами (Ryan, 2001). Иммерсивность при этом рассматривается исследователями в разных контекстах (нарративной интриги, волощенности и пр.), мы сконцентрируемся лишь на «ты-повествовании».

«Ты-повествование» — форма, наименее привычная читателю, редко встречающаяся в художественных мирах, чаще связанная с экспериментированием (например, М. Бютор, И. Кальвино, Ж. Перек, К. Фукнтес, С. Беккет). Потому (своим неестественным эффектом (Richardson, 2006)) читательского внимания она привлекает куда больше и как будто становится «зоной аттракции» в романе. Но дело тут не только в нем: «ты-повествование» само по себе транслирует идею неопределенности, расшатанности, неустойчивости, поскольку постоянно балансирует между более привычными аспектами повествования. «Ты-повествование» у Остера балансирует между фигурой нарратора (указывает на нее) и нарратора (того, к кому обращено повествование), между гомодиегетической наррацией (объединяющей повествователя и героя) и гетеродиегетической (предполагающей разделение нарратора и героя), между, наконец, собственно повествовательным миром и читателем (эффект обращения к которому при помощи такой повествовательной формы, конечно, усиливается).

Режим «ты-повествования» акцентирует *дейктическую* функцию нарратива, особенно, как это и происходит у Остера, в сочетании с рассказом в настоящем времени: повествователь рассказывает своему адресату о том, что с ним происходит здесь и сейчас («ты слышишь», «ты говоришь»), причем делает это так, как будто сам адресат не может самостоятельно рассказать такую историю, то есть повествователь (действительно балансируя между собой и наррататором) не столько рассказывает сам о себе, сколько рассказывает за кого-то еще. Конечно, такой режим повествования приближает читателя и подчеркивает его включенность в происходящее и описываемое; более того, по выражению М. Флудерник, читатель в результате оказывается в положении *co-experiencer* (Fludernik, 1993), то есть не только (как бывает и традиционно) сопереживает герою, но проживает этот опыт здесь и сейчас *за* героя, становясь центром притяжения всех повествовательных сил. Особенно такой эффект у Остера усиливается за счет смены режимов повествования: «ты-повествование» возникает в его романе уже после «я-повествования», и этот контраст позволяет различить более традиционный режим создания сопереживания (Keen, 2007) и тот, который читателю менее привычен. В отличие от «я-повествования» из первой части романа, во второй его части читатель не только сопереживает кому-то другому (нарратору), но и сам разделяет его переживание, расширяя тем самым круг тех, кто испытывает вину за все произошедшее: теперь это не только нарратор, теперь это и тот, к кому нарратор обращается.

Это *приближение* к описываемому опыту выстраивается и на уровне его репрезентации — вот уж действительно «паутина», из которой читателю не вырваться. Личный опыт героя, его переживания, желания, страсти, аффекты описываются предельно телесно, в чем-то даже висцерально, и апеллируя к телесному опыту читателя, и пробуждая в нем сенсорную эмпатию, которая заключается в том, чтобы не только сопереживать кому-то (эмоционально), но и телесно проживать чужой опыт как собственный. Инцест в контексте романа — тоже как преступление, и переживание удовольствия — тут смешивается и с тревогой, и с виной. Оно так же, как вина за убийство из первой части романа, становится «липким», не отпускающим, затягивающим и главного героя, но и теперь (в большей степени) читателя, балансирующего между дистанцированием от героя и неизбежным приближением к нему (и его опыту). «Ты-повествование» «направляет» читателя, имитируя интерактивность, но, вовлекая его в этот более аффективный и более телесный диалог, кое-что и «берет на себя»: говоря «за» читателя, как будто бы (посредством такой повествовательной формы) заставляя его делегировать собственный опыт нарратору.

«Ты-повествование», таким образом, приближает читателя к происходящему, сокращая дистанцию между ним и описываемым событием, оно вкупе с используемым настоящим временем способно производить эффект «инструкции» или «указаний», становиться своеобразным «гидом» для читателя, сопровождающим его в процессе движения по повествовательному миру. Такой эффект — близкий к тому, который

производит императивная глагольная форма — предполагает не только присутствие «ты» (то есть наррататора) в ситуации повествовательного взаимодействия, но и того самого «я», который этим «гидом» является. Невидимое присутствие «я» в таком типе повествования ощущается, как и его обезличенность и одновременно всеисилие (это он направляет, это он управляет, это он знает, помнит и пр., а не тот, к кому обращаются). Такое положение «я» в этой конструкции потому напоминает акустический прием (Chion, 1999), который используется в кинематографе. Акустметр в кино предполагает, что голос персонажа действует внутри повествовательного мира, но при этом персонаж остается невидимым для всех остальных. Он описывается М. Шионом при помощи четырех «В»: всемогущий, всевидящий, всеслышащий, всеприсутствующий. Такой способ наррации в кинематографе заостряет соотношение звукового и визуального поля внутри кинообраза, подобно тому, как «ты-повествование» усложняет отношения между наррататором и наррататором: то сближая их, то противопоставляя (с точки зрения субъектности и объектности, наличия или отсутствия «власти» внутри этого мира).

При всей включенности в происходящее, создаваемой таким повествовательным режимом, чувствуется и его противоречивость: вроде бы читатель буквально становится на место героя (и повествователя), но и испытывает зависимость от него. Почему тот, к кому обращаются при помощи «ты», не может сам рассказать свою историю? В таком способе рассказывания ощущается эффект неспособности адресата говорить за самого себя (он не помнит, не видит, не осознает, что происходит, и какой-то иной голос ему говорит: *ты чувствуешь то или это, ты видишь то или это, ты движешься туда-то...*) и своеобразной вынужденной необходимости следовать чужим указаниям, как будто блуждая впотьмах.

Приближение читателя к описываемым событиям, которое создается при помощи «ты-повествования», таким образом, предполагает балансирование между проживанием событий «здесь и сейчас», подчас телесным, и *невидимым присутствием другого «я»*, более сильного, властного, направляющего; между переживанием удовольствия, связанного с влечением, влюбленностью, контактом, и пугающим чувством вины и порочности происходящего. Неопределенность, сомнение, шатание, которое и предполагается повествовательной формой, выбранной Остером в данном случае, распространяется и на другие уровни.

Эффект колебания, который создается таким режимом повествования, относится и к реальности произошедшего: Б. Ричардсон подчеркивает, что использование такой формы может указывать на гипотетичность описываемых событий (Richardson, 2006), а значит, читатель не может быть уверен в том, что это действительно произошло, и балансирует между реальным и потенциальным. Эта особенность «ты-повествования» тем более примечательна, что, как отмечают исследователи, наибольшее свое распространение этот режим повествования получил в интерактивной прозе (цифровой, гипертекстовой), предполагающей имитацию и диалогичности, и мгновенности происходящего.

В случае с романом Остера очевидно, что зазор между фабульными событиями и событием рассказывания велик, об этом в романе говорится прямо: герой описывает события, когда уже стар и болен, тогда как сами события относятся к его молодости. Это запускает дополнительное противоречие и создает еще одно сомнение для читателя — но именно благодаря этим колебаниям и сомнениям внимание читателя и удерживает. Разделение между «актуальным» миром и только «возможным» тоже, получается, снимается: эффект гипотетичности всего происходящего не позволяет читателю быть уверенным в том, что в действительности произошло внутри этого повествовательного мира, а значит, и «ответственность» за опознание «свершившегося» и «несвершившегося» тоже перекладывается на него: подобно тому, как и в интерактивных повествовательных формах (видеоиграх, литературе), «ты-повествование» моделирует для читателя опыт выбора и подчеркивает его значимость.

Наконец, в финале романа мы выясняем, что все описанное в «Лете» (то есть при помощи «ты-повествования») — самое ненадежное из трех представленных героем частей написанного им романа. Сестра Уокера после его смерти опровергает все события, утверждает, что все было им выдуманно и ничего из описанного в действительности не происходило — эффект сомнения лишь усиливается, гипотетичность событий интенсифицируется, а «ответственность» читателя возрастает.

Оказывается ли финальное «опровержение» прежде описанных событий значимым для читателя? Вероятно, да, если мы говорим о реконструировании в действительности произошедшего в представленной истории, то есть о выстраивании полной и непротиворечивой картины всех случившихся событий. Но значимо ли это для того, что было читателем уже прожито вместе с героем и даже («ты») вместо него, если оно уже было пережито, прожито во время чтения? М. Флудерник подчеркивает: дело не в том, что (в нарративе) кто-то рассказывает о том, что с ним произошло, а в том, что то, о чем рассказывается, действительно происходит (для читателя, здесь и сейчас).

Так, в романе первое лицо конструирует эмпатию по принципу сопереживания главному герою, второе лицо — заставляет читателя проживать его опыт как свой собственный, но и подчиняться «невидимому» голосу, сомневаться в действительности произошедшего, третье лицо — ставит читателя в позицию свидетеля, невидимого наблюдателя, которым (тем самым «невидимым» из названия романа) он все это время и являлся, но то (за счет повествовательной формы) приближался к происходящему, то удалялся от него.

Соотнесение (внутри повествования) нескольких режимов рассказывания — от первого лица, от второго, от третьего — дестабилизирует «я» героя, но и транслирует этот опыт (тряски, балансирования) читателю: во многом благодаря форме «ты-повествования» и тем эффектам, которая она производит, предельно приближая читателя к описанным событиям и одновременно вселяя в него неуверенность в том, что происходит, заставляя его балансировать между ощущением действитель-

ности собственного переживания здесь и сейчас, рождающегося при взаимодействии с текстом, и ощущением «слепоты», невозможности получить доступ к более полной (неограниченной) картине произошедшего.

«Невидимым», вынесенным в название романа, попеременно становится то нарратор, то сам читатель: невидимым, незаметным, но присутствующим и одновременно «невидящим» — при всем иллюзорном богатстве повествовательных режимов, которое они должны с собой нести, он скорее ограничен, и с этой собственной ограниченностью сталкивается каждый раз, когда сменяется и режим повествования, и сам нарратор, и фокальный персонаж.

Выбранная Остером форма «ты-повествования», таким образом, не только проблематизирует способность нарратива моделировать эмпатию, но и по-своему отражает изменения в современной повествовательности в целом: в том, как она, испытывая влияние интерактивных литературных форм, меняется и сама. «Ты-повествование» демонстрирует, как современные нарративы начинают балансировать между традиционным повествованием (рассказом об уже случившемся, произошедшем) и тем, что отдельные исследователи называют «нарративами будущего» (Bode, Dietrich, 2013), которые предполагают формирование иллюзии у читателя того, что описываемые события еще не были завершены, а конструируются «здесь и сейчас», благодаря его собственному выбору. «Ты-повествование» потому, как кажется, ставит под сомнение и то противопоставление повествовательных форм, которое было характерно для XX века: в его разграничении миметического (реалистического) и антимиметического (постмодернистского) повествования, которое описывалось, например, М.-Л. Райан при помощи понятий «иммерсивность» и «интерактивность» (Ryan, 2001). Первое предполагало погружение читателя в повествовательный мир, устраняющее (почти полностью) ощущение медиации, опосредования этого повествовательного мира при помощи литературной формы. Второе, напротив, настаивало на присутствии этой формы и на том, что читатель вступает во взаимодействие именно с ней, остро переживая наличие такой медиации. Оно предполагало поэтому, что (во втором случае) читатель устанавливает с повествовательным миром игровые отношения, исключая из этих отношений какое-либо «доверие» к происходящему в повествовании, какой-либо «эффект реального». «Ты-повествование» это разграничение, по-видимому, если не снимает, то точно проблематизирует: оно активно вовлекает читателя в происходящее, создавая переживание погружения в повествовательный мир (все происходит как будто бы именно с ним и прямо «здесь и сейчас»), но оно и не дает забыть о собственных интерактивных свойствах: в том их аспекте, которое требует от него переживания собственного «действия» внутри этого мира, которое требует от него постоянного выбора.

«Ты-повествование» потому как будто бы и заглядывает в это будущее повествовательных форм: и неудивительно поэтому, что и Пол Остер в собственном повествовательном эксперименте не остановится

только на «Невидимом» (2010). Напротив: через несколько лет, в 2017 году, в свет выйдет его роман «4321», который будет построен по еще более интерактивному принципу — и тем самым продолжит размышление о проблематизации читательского опыта и новых способах создания иммерсии, отвечающих требованиям современности и позволяющих вновь и вновь предъявлять свои требования к современной нарратологии.

Список литературы

Bell A., Ensslin A. 'I know what it was. You know what it was': Second-person narration in hypertext fiction // Narrative. 2011. Vol. 19, №3. P. 311—329. <http://doi.org/10.1353/nar.2011.0020>.

Bode Ch., Dietrich R. Future narratives: Theory, poetics, and media-historical moment. Berlin; Boston, 2013.

Chion M. The Voice in cinema. N. Y., 1999.

Domsch S. Storyplaying: Agency and narrative in video games. Berlin ; Boston, 2013.

Fludernik M. Second person fiction: Narrative "you" as addressee and / or protagonist // AAA: Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 1993. Bd. 18, H. 2. S. 217—247.

Fludernik M. Introduction: Second-person narrative and related issues // Style. 1994a. Vol. 28, №3. P. 281—311.

Fludernik M. Second-person narrative as a test case for narratology: The limits of realism // Style. 1994b. Vol. 28, №3. P. 445—479.

Keen S. Empathy and the novel. Oxford, 2007.

Herman D. Story logic: Problems and possibilities of narrative. Lincoln, 2004.

Meifert-Menhard F. Playing the text, performing the future: Future narratives in print and digiture. Berlin ; Boston, 2013.

Richardson B. Unnatural voices: Extreme narration in modern and contemporary fiction. Columbus, 2006.

Ryan M.-L. Narrative as virtual reality. Immersion and interactivity in literature and electronic media. Baltimore; L., 2001.

Ryan M.-L. Narrative and digitality: Learning to think with the medium // A companion to narrative theory / ed. by J. Phelan, P.J. Rabinowitz. Oxford, 2005. P. 515—528.

Schenk S. Running and clicking: Future narratives in film. Berlin; Boston, 2013.

Об авторе

Дина Владимировна Шулятьева, кандидат филологических наук, доцент Школы философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-mail: dshulyatyeva@hse.ru

Для цитирования:

Шулятьева Д. В. Ты, ты, ты: «ты-повествование» в романе «Невидимый» Пола Остера (2010) // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №2. С. 177—188. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-10.

YOU, YOU, YOU: SECOND-PERSON NARRATIVE IN THE "INVISIBLE" BY PAUL AUSTER (2010)

Dina V. Shulyatyeva

HSE University (Moscow),
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on 05.06.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-10

'Second-person narrative' is defined by Richardson as one of the most significant narrative forms since the introduction of the stream of consciousness. And not by chance: it not only changes the reader's interaction with the narrative world, but also imposes its own requirements on contemporary narratology, it demands new language and a new way to describe it. 'Second-person narrative' problematizes the boundaries between narrator and narratee, actual and virtual, subject and object. More than that: 'second-person narrative' tries to point out the changes that are taking place with contemporary narratives in a new digital context. 'Second-person narrative' therefore attracts the attention of researchers from diverse branches of postclassical narratology: natural and unnatural, transmedia, exploring interactive and digital narratives. 'Second-person narrative becomes a transitional form between traditional narratives (telling about events that have already happened) and "future narratives". In this article, 'second-person narrative' is researched using the example of Paul Auster's novel "Invisible" (2010). In its functioning, we study both the properties and functions previously noted by researchers (on other, earlier literary works), and new ones are highlighted: 'Second-person narrative' contributes to a more active immersion of the reader into the narrative world, creates immersion, shifts the focus to the reader as being "responsible" for choosing and evaluating what is happening. But it also distances him, instilling uncertainty in his own status, in the reality of the events taking place, in his own agency. Auster's 'second-person narrative' finally shows how traditional narratives are undergoing transformation under the influence of a digital (interactive) environment and how such a narrative form is able, if not to redefine the narrative and its basic concepts, then to point out the need for such a redefinition.

Keywords: second-person narrative, interactivity, immersion, future narratives, unnatural narratology

References

- Bell, A. and Ensslin, A., 2011. 'I Know What It Was. You Know What It Was': Second-Person Narration in Hypertext Fiction. *Narrative*, 19 (3), pp. 311 – 329, <http://doi.org/10.1353/nar.2011.0020>.
- Bode, Ch. and Dietrich, R., 2013. *Future Narratives: Theory, Poetics, and Media-Historical Moment*. Berlin; Boston.
- Chion, M., 1999. *The Voice in Cinema*. New York.
- Domsch, S., 2013. *Storyplaying: Agency and Narrative in Video Games*. Berlin; Boston.
- Fludernik, M., 1993. Second Person Fiction: Narrative "You" As Addressee And/Or Protagonist. *AAA: Arbeiten Aus Anglistik Und Amerikanistik*, 18 (2), pp. 217 – 247.
- Fludernik, M., 1994a. Introduction: Second-Person Narrative and Related Issues. *Style*, 28 (3), pp. 281 – 311.

- Fludernik, M., 1994b. Second-Person Narrative as a Test Case for Narratology: The Limits of Realism. *Style*, 28 (3), pp. 445 – 479.
- Herman, D., 2004. *Story Logic: Problems and Possibilities of Narrative*. Lincoln.
- Keen, S., 2007. *Empathy and the Novel*. Oxford.
- Meifert-Menhard, F., 2013. *Playing the Text, Performing the Future: Future Narratives in Print and Digiture*. Berlin; Boston.
- Richardson, B., 2006. *Unnatural Voices: Extreme Narration in Modern and Contemporary Fiction*. Columbus.
- Ryan, M.-L., 2001. *Narrative as Virtual Reality. Immersion and Interactivity in Literature and Electronic Media*. Baltimore; London.
- Ryan, M.-L., 2005. Narrative and Digitality: Learning to Think with the Medium. In: J. Phelan and P.J. Rabinowitz, eds. *A Companion to Narrative Theory*. Oxford, pp. 515 – 528.
- Schenk, S., 2013. *Running and Clicking: Future Narratives in Film*. Berlin; Boston.

The author

Dr Dina V. Shulyatyeva, Associate Professor, School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University, Moscow, Russia.

E-mail: dshulyatyeva@hse.ru

To cite this article:

Shulyatyeva, D.V., 2025, You, you, you: second-person narrative in the “Invisible” by Paul Auster (2010), *Slovo.ru: Baltic accent*, 2025, Vol. 16, no. 2, pp. 177 – 188. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-10.

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(на примере статей — обращений Президента России
к международной аудитории)**

И. А. Костенков

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, д.14
Поступила в редакцию 19.08.2024 г.
Принята к публикации 15.01.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-11

Настоящее исследование обусловлено возросшим значением политической риторики в международных отношениях, где языковые средства адресанта становятся инструментами стратегического управления восприятием адресата, а также проблемами взаимодействия языка и политики в условиях глобальной международной напряженности. Цель исследования — выявление и анализ вербализации коммуникативных стратегий во внешнеполитическом дискурсе (далее — ВПД) президента России на примере текстовых обращений к международной аудитории. Внимание уделяется сопоставительному анализу динамики изменений ВПД, изучению средств и механизмов реализации кооперативной и конфронтационной стратегий через коммуникативные тактики в рамках строгой жанровой композиции, анализу прагматической роли для достижения экстралингвистических целей. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу внешнеполитических обращений, объединяющем лингвистические, прагматические и жанрово-дискурсивные аспекты. Впервые осуществляется детализированное сопоставление кооперативных и конфронтационных стратегий через призму их языковой реализации в динамике временных изменений. Было установлено, что жанровая структура и языковая реализация внешнеполитических обращений адаптируются под изменения геополитического контекста, обеспечивая гибкость ВПД. Используемая кооперативная стратегия направлена на укрепление позитивного имиджа России через акцентирование исторических связей, общих ценностей и перспектив партнерства, тогда как конфронтационная стратегия использует соответствующие тактики для воздействия на имплицитных адресатов. Многоуровневый подход к адресатам позволяет эффективно сочетать стратегическое управление восприятием эксплицитной аудитории и решение имплицитных политических задач.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникативные стратегии и тактики, субъекты коммуникации, коммуникативный ход, теория речевых актов

1. Введение

Современный политический дискурс представляет собой сложную систему коммуникации, которая играет важнейшую роль в формировании международных и внутригосударственных отношений. Политические лидеры и государства всё чаще обращаются к вербальным ин-

струментам для создания желаемого имиджа на мировой арене, для утверждения своей позиции, а также для мобилизации и убеждения аудитории. В таких условиях особую актуальность приобретает изучение коммуникативных стратегий и тактик, применяемых в политическом дискурсе, так как через них происходит воздействие на восприятие и интерпретацию политических сообщений.

Проблема влияния политического дискурса на международные отношения активно изучается как отечественными, так и зарубежными учеными. Исследования в области политической риторики указывают на то, что дискурс формирует не только восприятие конкретных событий, но и создает модели взаимодействия, влияющие на долгосрочные международные отношения. Как и в случае общих теоретических моделей коммуникации, язык в политическом дискурсе можно описать как средство влияния на поведение других государств в форме речевых актов (Austin, 1962, p. 4–8, 94–102; Серль, 1986), при использовании которых выделяются определенные аспекты реальности, осуществляется фрейминг информации для направления восприятия аудитории в нужное русло (Chilton, 2004, p. 30–35). Ю. Хабермас утверждал, что дискурс, разворачивающийся в публичной сфере, ориентирован на достижение консенсуса посредством рационального обсуждения и принятия коллективных решений (Habermas, 1993, p. 81–125). В этом контексте обращения главы государства к народу другой страны играют ключевую роль в формировании международного политического диалога, способствуя созданию общего пространства для взаимопонимания и согласования позиций между государствами. При этом в рамках построения политического дискурса используются стратегии и тактики, характерные для любого коммуникативного акта. Однако их формирование, использование и структурирование отличается в зависимости от цели рассматриваемого дискурса. Как отмечают исследователи, общедискурсивными стратегиями можно считать стратегии кооперации и конфронтации, которые реализуются через совокупность речевых тактик, с помощью которых происходит прямое воздействие на эмоциональный и интеллектуальный фон аудитории. Исследование коммуникативных стратегий и тактик во внешнеполитическом дискурсе становится важным аспектом для понимания того, каким образом строится международный политический диалог. В свою очередь речевые акты, выраженные в тексте, создают прагматическую рамку, определяя взаимодействие между адресантом (политическим лидером) и адресатом (аудиторией). Политический дискурс есть инструмент власти (Золян, 2018, с. 33), поскольку он определяет восприятие государства на международной арене, и используемые внутри языковые средства, эксплицирующие коммуникативные стратегии, позволяют устанавливать и поддерживать определенные отношения между странами. Заметим, что эти коммуникации и определяющие их стратегии повторяют те же модели, что и в ситуации межличностного общения, и это делает возможным использование названных моделей и в сфере межгосударственных отношений. Согласно принципу кооперации П. Грайса (Grice, 1989, p. 22–40), стратегия кооперации предполагает, что участники комму-

никации должны стремиться к взаимопониманию и достижению общих целей. В контексте политического дискурса это может выражаться в использовании минимальных дискурсивных моделей — речевых актов, направленных на достижение коммуникативного воздействия с целью изменить социальную реальность через язык (Серль, 1986).

Важным элементом исследования политической риторики является изучение конкретных случаев, в которых речевые акты находят свое применение на практике. Одним из примеров могут являться тексты — обращения президента РФ к международной аудитории, где стратегическое использование коммуникативных тактик играет ключевую роль. Эти обращения помогают выявить, как язык политической коммуникации не только описывает действительность, но и активно влияет на нее, формируя условия для международного взаимодействия. Как показывают примеры текстов внешнеполитических обращений к надындивидуальному адресату, то есть к коллективным субъектам, от лица адресанта-института (государства), использование речевых актов в рамках кооперативных тактик может быть элементом стратегии, направленной на сохранение политического влияния и укрепление позиций государства в международных отношениях. В то же время конфронтационная стратегия, направленная на размежевание и критику, может использоваться для усиления конфронтации и подчеркивания разногласий между сторонами.

При рассмотрении внешнеполитических обращений становится очевидным, что выбор стратегий и тактик определяется конкретными целями, стоящими перед политическим лидером. Например, обращения к международным аудиториям часто включают в себя такие тактики, как побуждение, прогнозирование и обещание, которые направлены на стимулирование аудитории к определенным действиям. Важную роль играет и использование перформативных элементов, таких как глаголы будущего времени и риторические вопросы, которые позволяют создавать активный иллюкутивный эффект, усиливая влияние на аудиторию. Эти речевые средства помогают политическим лидерам управлять восприятием и достигать целей, поставленных в рамках политической коммуникации.

Кроме того, особое значение в политическом дискурсе имеет применение констативных и перформативных речевых актов. Теория речевых актов Дж. Л. Остина (Austin, 1962, p. 33–42) подчеркивает, что перформативные акты, выражающие намерения и обещания, не только описывают реальность, но и воздействуют на нее. В политическом контексте это особенно важно, так как политические лидеры используют высказывания для создания обязательств и формулировки определенных действий, ожидаемых от их исполнения. В свою очередь, констативы выполняют информативную функцию, фиксируя определенные факты, которые служат основой для аргументации. Использование сочетания перформативов и констативов позволяет политическим лидерам продвигать свои идеи, а также влиять на общественное восприятие и формировать определенное отношение к ключевым событиям. Таким образом, исследование коммуникативных стратегий и тактик во внеш-

неполитическом дискурсе позволяет глубже понять механизмы, через которые предполагается и по возможности реализуется воздействие на международную аудиторию (иллюкуция и перлюкуция).

2. Материал анализа

Целью нашего анализа международных отношений является выявление способов вербализации коммуникативных стратегий во внешнеполитическом дискурсе (далее – ВПД) лидера России на материале обращений к гражданам Нидерландов (далее – *текст 1*) и Греции (далее – *текст 2*), созданных и опубликованных в официальных газетных СМИ обеих стран в 2013 и 2016 годах и размещенных в форме стенограммы на официальном сайте Президента Российской Федерации Kremlin. Ru (Путин 2013; 2016). Для того чтобы избежать возможных расхождений в интерпретации понятия «политический дискурс», в нашем исследовании мы определили его в рамках официальной рубрики «Статьи-обращения», тексты которой являются институциональными, за счет чего входят в ядро ВПД по типологии Е.О. Тумановой (2023). Кроме того, однотипность текстов данной рубрики позволяет ограничиться данной выборкой, формирование которой основано на кардинальных изменениях в геополитическом контексте в 2014 году. С учетом задачи контрастивного микроанализа рассматриваем данные тексты как манифестацию минимальной дискурсивной модели речевого акта обращения к надындивидуальному (или коллективному) адресату (в данном случае – народы Греции и Нидерландов) от лица персонализированного адресанта-института (в данном случае – главы государства). Эти обращения репрезентируют ВПД, профильный подтип (Карамова, 2017, с. 365) политического дискурса, поскольку он обращен на внешнюю аудиторию и тематически рассматривает вопросы международных отношений. «Статьи-обращения» могут быть определены как послание на основании жанрообразующего коллективного адресата (Бахтин, 1986), взаимодействие с которым компонентно выстроено согласно процессу коммуникации Аристотеля (2007) и опосредовано цифровым и печатным контекстом размещения: первичная публикация текстов в бумажных газетных изданиях (*Текст 1* – в газете *De Telegraaf*; *Текст 2* – в газете «Катимерини») и сайт президента РФ, где размещены тексты, не предусматривает техническую возможность для взаимодействия с аудиторией.

3. Форма, жанр, композиция

Обращение к заголовкам позволяет выделить характерные черты, указывающие как на стабильность жанра (Туманова, 2023), так и на возникшие изменения во внешнеполитическом дискурсе Президента в ответ на геополитические события 2014 года (Buzan, Lawson, 2015, p. 235).

- *Текст 1*: «Россия и Нидерланды – традиции, историческая преемственность и новые перспективы партнерства»;

- *Текст 2*: «Россия и Греция: сотрудничество на благо мира и процветания».

Заголовки выделяют субъектов — две страны Европейского союза, а в качестве предиката к ним дана тема выступления. Неизменным в обоих заголовках остается обозначение позиции России как равноправного, но следующего первым субъекта (синтаксически это выражено посредством сочинительной связи в назывном предложении «Россия И субъект 2»). Вместе с тем эти субъекты выступают адресантами (Россия и Греция / Россия и Нидерланды — как партнеры и по коммуникации, хотя и здесь ситуация асимметрична). Несколько различаются интенциональные установки в формулировке заголовка. В тексте 1 заголовков акцентирует внимание на взаимоотношениях двух стран, что подразумевает узкую направленность на их двусторонние связи. В тексте 2 отношения с страной-партнером рассматриваются в широком контексте, в который имплицитно включено взаимодействие России с Евросоюзом, что отсылает к геополитическим событиям и процессам, относящимся к 2014 году.

Рассмотрим композиционную структуру текстов (рис. 1).

Рис. 1. Композиционная структура текстов

Тексты имеют однотипную композицию с некоторым изменением последовательности частей и введением дополнительного композиционного элемента, отраженного в примере обращения российского президента к гражданам Греции в 2016 году (рис. 1). Избранная композиция позволяет последовательно разворачивать стратегии коммуникации, так как смысловые блоки связаны очевидными логико-семантическими отношениями: описание перспектив выгодного сотрудничества опирается на исторический контекст, преимущество, обусловленную самим ходом истории и сложившимися в ее ходе связями, традициями и общими интересами европейских стран. Отношения между блоками регулируются отношениями, напоминающими импликации и пресуппозиции; одно предполагает другое, поэтому сама семантическая структура выступает как дополнительный механизм убеждения: связь между блоками предстает как естественный порядок вещей, не нуждающийся в особом обосновании (Swales, 2008).

Вместе с тем отличительный компонент структурной рамки текста 2 предполагает изменение коммуникативной стратегии, поскольку вводит новый смысловой блок.

4. Структура коммуникативного хода

Коммуникация в широком смысле всегда стратегична (Kellermann, 1992, р. 288) и может быть построена в рамках либо кооперативной, либо конфронтационной стратегий (Иссерс 2008, с. 70). Реализацией стратегии в текстах являются речевые тактики как способ достижения сверхзадачи стратегии (Верецагин и др., 1992, с. 86). Языковым инструментом реализации той или иной коммуникативной тактики является коммуникативный ход (Иссерс 2008, с. 117), который имеет реляционный характер (van Dijk, 2006, р. 285) и является минимальной диалогической единицей, а также вербализует избранную адресантом речевую тактику. Речевые экспликации коммуникативных ходов позволяют номинировать тактики относительно выбранных текстов с опорой на прототипические тактики коммуникации: максимы Грайса, правила вежливости Р. Лакофф, теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля. Для выявления используемых во ВПД президента РФ стратегий рассмотрены коммуникативные ходы и тактики избранных текстов относительно их композиционной структуры. Для иллюстрации приведен анализ текста 1 в таблице. Для текста 2 были использованы те же принципы анализа.

Коммуникативные ходы и номинации тактик в тексте 1

Коммуникативный ход	Цель	Речевая тактика
<i>Вступительная часть</i>		
В понедельник начинается мой визит в Нидерланды, в ходе которого вместе с Королевой Беатрикс мы торжественно откроем Год России в Нидерландах и Год Нидерландов в России	Сформировать у адресата понимание предмета обсуждения	Информирующая
В этом небывалом по масштабам проекте мы постараемся охватить как можно больше сфер двустороннего взаимодействия, поддерживать деловые и творческие инициативы наших граждан, общественных организаций, регионов и тем самым способствовать укреплению и дальнейшему развитию традиционно дружественных российско-нидерландских отношений	Смягчить тон дискурса Мотивировать собеседника для создания и поддержки долгосрочных отношений	Персонализация Обещание

Продолжение табл.

Коммуникативный ход	Цель	Речевая тактика
В рамках перекрестных Годов в наших странах пройдет более 200 культурно-просветительских мероприятий: художественные выставки, театральные гастроли и спортивные соревнования	Сформировать у адресата понимание предмета обсуждения	Информирование
Все это, несомненно, обогатит общественную жизнь России и Нидерландов, позволит нашим гражданам лучше узнать друг друга	Убедить адресата в компетентности адресанта с помощью предсказаний результатов определенных действий	Прогнозирование
Перекрестные Годы, в программе которых заявлено также более 60 бизнес-форумов и других мероприятий экономической направленности, должны дать серьезный импульс перспективным деловым проектам	Сформировать у адресата понимание предмета обсуждения	Информирование
	Убедить адресата в компетентности адресанта с помощью предсказаний результатов определенных действий	Прогнозирование
<i>Основная часть 1</i>		
На протяжении многих лет Нидерланды входят в тройку основных торговых и инвестиционных партнеров России	Сформировать у адресата понимание предмета обсуждения	Информирование
В 2012 году взаимный товарооборот достиг 82,7 миллиарда долларов США, а общий объем накопленных голландских инвестиций в России к концу прошлого года вышел на уровень 61,5 миллиарда долларов США	Убедить в обоснованности точки зрения	Аргументация
Эти цифры наглядно подтверждают наличие у нас огромного потенциала взаимодействия, прежде всего в таких отраслях, как энергетика, высокие технологии и инновации, агроиндустрия, пищевая промышленность	Упростить восприятие информации	Обобщение
<i>Основная часть 2</i>		
Мы гордимся славными страницами общей истории	Сформировать у адресата желаемый образ адресанта	Самопрезентация
	Укрепить позитивные отношения между коммуникантами	Комплимент

Продолжение табл.

Коммуникативный ход	Цель	Речевая тактика
И сегодня, в XXI веке стремимся обеспечить преемственность: развиваем гармоничные, по настоящему партнерские отношения с Нидерландами	Сформировать у адресата желаемый образ адресанта	Самопрезентация
В России хорошо знают, что именно голландцы учили Петра Великого морскому делу, ведь 400 лет назад Голландия была лидирующей морской и торговой державой, чьи выходцы оставили значительный вклад в мировой истории — и в том числе в России	Сформировать у адресата желаемый образ адресанта Укрепить позитивные отношения между коммуникантами Убедить в обоснованности точки зрения	Самопрезентация Комплимент Аргументация
В свою очередь, в Нидерландах хранят память о подвигах наших солдат, которые в 1813 году помогли освободить от наполеоновских захватчиков Амстердам, Бреду и другие нидерландские города, отдают дань уважения нашей соотечественнице — великой княгине Анне Павловне, супруге короля Виллема II	Создать благоприятную атмосферу между адресантом и адресатом Сформировать у адресата желаемый образ адресанта	Комплимент Самопрезентация
Я хочу надеяться, что сохранилось и огромное уважение ко многим русским солдатам, которые воевали и погибли, освобождая Европу от фашизма	Смягчить тон дискурса Стимулировать адресата к быстрому выполнению необходимых шагов по мнению адресанта	Персонализация Побуждение
Заключительная часть		
И, конечно, проведение перекрестных Годов создает хороший фон для дальнейшего углубления политического диалога России и Нидерландов	Убедить адресата в компетентности адресанта с помощью предсказаний результатов определенных действий	Прогнозирование
У нас во многом созвучные позиции по ключевым вопросам европейской и глобальной международной политики	Упростить восприятие информации	Обобщение
Мы намерены и дальше содействовать укреплению безопасности и стабильности в Европе и мире, снижению рисков экономических потрясений	Мотивировать собеседника для создания и поддержки долгосрочных отношений	Обещание

Окончание табл.

Коммуникативный ход	Цель	Речевая тактика
Я искренне надеюсь, что пере- крестные Года позволят нашим народам стать ближе, узнать друг друга лучше, откроют возможно- сти для разнообразных совмест- ных инициатив в перспективе	Смягчить тон дискурса Стимулировать адреса- та к быстрому выполне- нию необходимых ша- гов по мнению адресан- та	Персонализация Побуждение
	Убедить адресата в ком- петентности адресанта с помощью предска- ний результатов опре- деленных действий	Прогнозирование
Пользуясь возможностью, желаю читателям газеты «Телеграаф» и всему народу Нидерландов, пре- красной «страны тюльпанов», ми- ра, успехов и процветания	Создать благоприят- ную атмосферу между адресантом и адреса- том	Комплимент

В *тексте 1* нами выявлено использование девяти коммуникативных тактик: прогнозирования, самопрезентации, информирования, комплимента, обещания, аргументации, побуждения, персонализации и обобщения. Данный набор тактик типичен для реализации кооперативной стратегии коммуникации. Наиболее значимыми тактиками в данном тексте являются *тактика прогнозирования, тактика самопрезентации и тактика информирования*, каждая из которых составляет 17 % от общего числа употреблений, что свидетельствует о сбалансированном характере кооперативного взаимодействия (рис. 2). В *тексте 2*, напротив, применено двенадцать коммуникативных тактик: персонализации, аргументации, побуждения, самопрезентации, комплимента, размежевания и критики, обещания, обобщения, информирования, уступки, предупреждения и прогнозирования. Представленная совокупность тактик также в целом соответствует кооперативной стратегии построения текста, однако включение тактик размежевания и критики, а также предупреждения указывает на интеграцию элементов конфронтационной стратегии в общий кооперативный контекст. Ведущей тактикой является *персонализация* (23 % от общего числа используемых тактик), что придает институциональному тексту выраженный характер субъективизации (рис. 3).

Таким образом, оба текста на коммуникативном уровне эксплицитно созданы внутри дискурс-поля кооперативной стратегии с использованием соответствующих инструментов достижения спектра целей адресанта. Имплицитно в *тексте 2* появляется дополнительный адресат, коммуникация с которым построена на основе конфронтационной стратегии с использованием соответствующих тактик. Построение модели субъектов коммуникации по линейной формуле Гарольда Д. Лассвелла (Lasswell, 1948, p. 37) позволяет убедиться в наличии двух уровней коллективных адресатов (см. схему).

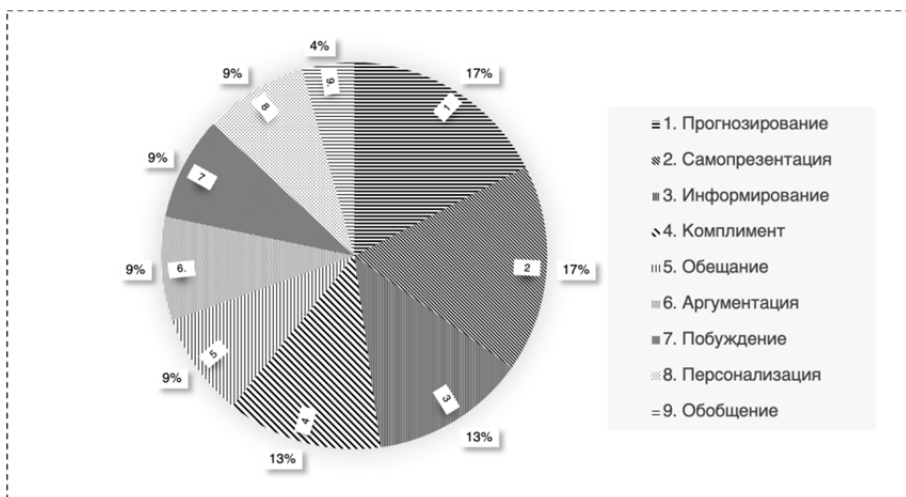

Рис. 2. Тактики в тексте 1

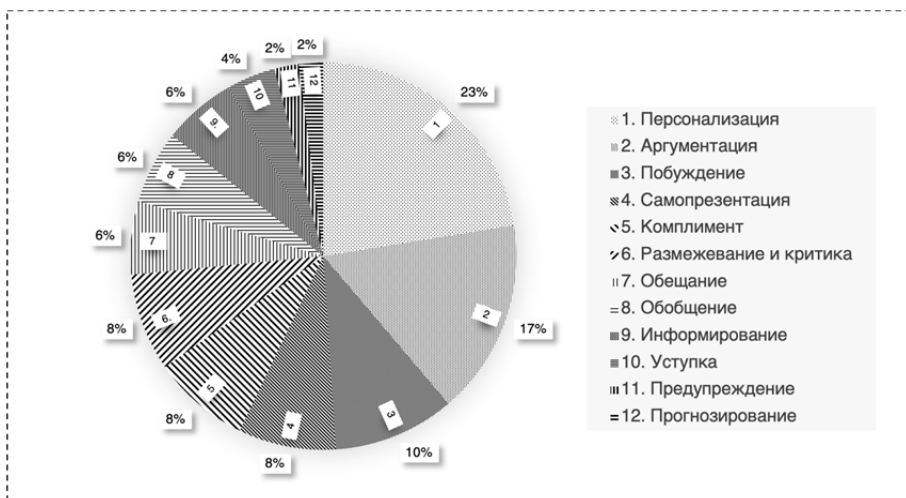

Рис. 3. Тактики в тексте 2

Модель субъектов коммуникации текстов

Кто говорит?	Кому говорит?	По какому каналу?	Что говорит?	С каким результатом?
Президент России	1. Народу Нидерландов (эксплицитно), народу Греции (эксплицитно). 2. Руководителям ЕС (имплицитно)	По каналу печатных СМИ	Композиционная рамка (рис. 1); таблица	1. Достижение целей тактик кооперативной стратегии (эксплицитно). 2. Достижение целей тактик конфронтационной стратегии (имплицитно)

Субъект 1 политического действия: адресант (говорящий) — президент России; субъект 2: прямой коллективный адресат, — правящая власть и граждане европейской страны обращения, внимания которых добиваются. Однако в *тексте 2* имплицитно представлен «скрытый коллективный адресат» — руководители ЕС, результатом имплицитного коммуникативного взаимодействия с которыми является достижение целей тактик конфронтационной стратегии.

5. Анализ вербализации речевых тактик кооперативной и конфронтационной стратегий

Ведущей тактикой вступительной части обращений является тактика информирования, цель которой сконструировать у адресата понимание предмета обсуждения, создать настрой на дальнейший диалог и показать готовность адресанта к обмену информацией. В рамках тактики информирования обозначается цель дальнейшего обращения. В случае с *текстом 2* вступительная часть ограничивается только тактикой информирования, тогда как в *тексте 1* добавляется личная оценка (тактика персонализации) с целью подчеркнуть значимость предмета обсуждения для обеих сторон, а также тактика обещания для упрощения понимания информации адресатом. На языковом уровне тактика персонализации выражена определительным словосочетанием «небывалом по масштабам», подчеркивает исключительный размах события краткой формой страдательного причастия прошедшего времени. Тактика обещания выражена личным местоимением 1-го лица множественного числа «мы» с использованием глагольных конструкций со значением намерения («постараемся охватить / поддержать», «(постараемся) способствовать», что является перформативным компонентом текста: личные местоимения, будущее время и инфинитивные конструкции подчеркивают решимость адресанта выполнить действия, о которых идет речь в *тексте 1*, производя тем самым активный иллокутивный эффект: ожидается, что высказывание создаст у адресата уверенность в успешном выполнении действий, озвученных в будущем времени.

Основная часть, вербализующая тему *исторических связей* адресанта и адресата (основная часть 1 и 2 соответственно), композиционно представлена в разном порядке: в *тексте 1* «Исторические связи» продолжают вступительную часть обращения, тогда как в *тексте 2* продолжает вступление абзац о *сотрудничестве в настоящее время*. При этом, с точки зрения единой задачи — иллюстрирования взаимоотношений адресата и адресанта через общий исторический контекст — данные блоки могут рассматриваться параллельно. Ведущими тактиками данной части являются самопрезентация, персонализация, комплимент и аргументация.

Благодарная память России транслируется в обоих текстах в рамках тактики самопрезентации на языковом уровне через глаголы в форме настоящего времени, множественного числа *дорожим, гордимся / хорошо знают, хранят память*. Через множественное число первого и третьего лица устанавливается, что память России имеет общегосударственный

характер и охватывает всех ее граждан. Форма настоящего времени имеет значение настоящего исторического времени, то есть описывает ситуацию, которая обобщается до не имеющего временных ограничений «всегда». Смягчая тон повествования, в *тексте 2* адресант через глагол единственного числа настоящего времени «знаю» положительно оценивает адресата на основании личных сведений в рамках тактик персонализации и комплимента. Тактика комплимента выражается через глагол настоящего времени множественного числа «хорошо помнят», формируя паритетное отношение к общему прошлому. Продолжает установление тесных «скреп» в обоих текстах констатация уникальных эпизодов взаимодействия на примере конкретных событий в рамках тактик аргументации с апелляцией к авторитету: *текст 1* — морское дело, становление государственности; *текст 2* — религия и персоналии. В обоих текстах используются отсылки исторической общности: *текст 1* — Пётр I, Великая княгиня; *текст 2* — Иоаннис Каподистрия. Констатация уникальных эпизодов выражена в текстах констативами с целью проиллюстрировать глубокие корни России с адресатом на фактических исторических событиях.

Сотрудничество в настоящее время, отраженное в композиционной рамке как основная часть (1 и 2 соответственно), представлено в *тексте 1* тактиками информирования, аргументации и персонализации. Тактика аргументации, выраженная количественными числительными о денежном эквиваленте товарооборота, продолжается тактикой персонализации, выраженной качественным прилагательным «огромный», что усиливает убеждение в правильности и важности сотрудничества между Россией и Нидерландами.

В *тексте 2* разворачиваются тактики персонализации и прогнозирования как начало сотрудничества с Грецией. Тактика прогнозирования, демонстрирующая намерение рассматривать перекрестные годы России и Греции как фактор, помогающий народам двух стран стать ближе, подтверждается перформативной составляющей краткого причастия «убежден» единственного лица прошедшего времени в рамках тактики персонализации: «Убежден, что они помогут нашим народам еще ближе познакомиться с историей, традициями и обычаями друг друга».

Используемые тактики способствуют укреплению сотрудничества, что продолжает линию стратегии кооперации.

В приведенных иллюстрациях кооперативная стратегия на языковом уровне определяет использование лексем со значением совместности: *партнер* (и производные), *сотрудничество*, *объединение*, *двусторонний*, *дружественный*, а также местоимение *наши* (*наши*). Частота употреблений таких слов в обращении к гражданам Нидерландов — 10 раз, к Греции — 15 раз: *наши народы*, *наши граждане*, *наши отношения*, *наше сотрудничество*, *наше объединение*, *наши энергоносители*, *наше общее достояние*.

Дополнительный композиционный элемент о взаимоотношениях России и Евросоюза в *тексте 2*, направленный на имплицитного адресата и построенный в рамках конфронтационной стратегии, отражен использованием пяти основных тактик: размежевания и критики, по-

буждения, персонализации и аргументации. Данное имплицитное обращение к руководителям ЕС является ярким примером реализации базовой оппозиции «свой — чужой» (Кишина, 2011, с. 174), имеющей своей целью, с одной стороны, привлечение сторонников (эксплицитный уровень, адресат — граждане Греции), а с другой — упрочение лидирующей роли государства — инициатора интеграции на фоне агональности (имплицитный уровень, адресат — руководители ЕС) на основе субъективной оценки адресата адресантом в указанных тактиках (Митякина, 2022, с. 161). Эта система координат отчетливо выражается противопоставлением *мы* — *они*, которое сопровождается появлением достаточно прозрачных импликаций «свой (друг) → хороший, чужой (враг) → плохой». Здесь адресант выражает, с одной стороны, переживание об ошибках в политике Евросоюза, с другой — возможность их решения (позитивная интенция). Положительная роль России в изменении сложившейся ситуации имплицитирована в тактике самопрезентации: «Вместе с тем считаем, что неразрешимых проблем в наших отношениях с ЕС нет». В описании перспектив сотрудничества стран Евросоюза ведущими становятся тактики побуждения, обещания, предупреждения и прогнозирования.

Включение России в процесс урегулирования ситуации передано через местоимение *мы*, глагол *видеть* (апелляция к очевидности в тактике прогнозирования) в форме первого лица и причастия убежденный с семантикой уверенности в роли именного сказуемого в начале главного предложения: «Для того чтобы вернуться на путь многопланового партнерства, надо лишь отказаться от порочной логики “игры в одни ворота”, на деле учитывать мнение и интересы друг друга». В приведенных примерах тактики предупреждения и побуждения в традиционной терминологии коммуникативной теории могут быть названы неравноправным, персуазивным дискурсом, так как «попытка воздействия осознанно осуществляется одним из коммуникантов» (Kinnevy, 1980, p. 61; Lasswell, 1948, p. 25–42). В заключение *текста 2* используются тактики стратегии конфронтации с элементами стратегии кооперации: сочетаются критика и побуждение к действиям, что иллюстрирует стремление адресанта не только указать на проблемы имплицитно выраженному адресату, но и предложить пути их решения, стимулируя эксплицитного адресата к кооперации.

Общим завершением композиции текстов является желаемое будущее России с обеими европейскими странами. В данных элементах текстов стратегия кооперации представлена тактиками побуждения, обещания и прогнозирования, на языковом уровне выраженными по преимуществу перформативами, а само высказывание носит при этом утверждающий характер, например: «Я хочу надеяться, что сохранилось и огромное уважение ко многим русским солдатам, которые воевали и погибли, освобождая Европу от фашизма» (*текст 1*); «Все это, несомненно, обогатит общественную жизнь России и Нидерландов, позволит нашим гражданам лучше узнать друг друга» (*текст 1*), «Очевидно, что обеспечить “старому континенту” достойное место в новых международных реалиях можно, только объединив потенциалы всех европей-

ских стран, в том числе и России» (*текст 2*). Несомненность в благоприятном будущем сотрудничестве маркируется с помощью вводных слов со значением уверенности («И, конечно, проведение перекрестных Годов создает хороший фон для дальнейшего углубления политического диалога России и Нидерландов»), а гарантия выполненных обязательств со стороны России манифестируется активным использованием личного местоимения 1-го лица («Рассчитываю, что мы будем и впредь наращивать многоплановый диалог, сообщая реализовывать совместные планы»).

6. Заключение

Анализ жанровой структуры и речевых тактик внешнеполитических обращений президента Российской Федерации показывает, что композиционная организация текстов и применяемые в них речевые тактики тесно связаны с выбранной стратегией дискурса — кооперативной или конфронтационной. Важным аспектом является изменение структуры и содержания текстов в зависимости от геополитического контекста после 2014 года: политические изменения неизбежно приводят к эволюции дискурса, что не позволяет ему оставаться в статичном состоянии (Шейгал, 2005, с. 52). Рассмотрение имплицитных и эксплицитных уровней в модели субъектов коммуникации позволяет глубже понять стратегию воздействия на разные уровни аудитории, где эксплицитные и имплицитные адресаты играют разную роль в достижении политических целей.

Жанр «послания» определяет наличие надындивидуального (коллективного) адресата, что особенно ярко выражено в заголовках, где акцентируется внимание на партнерстве России и других государств. Например, заголовок «Россия и Греция: сотрудничество на благо мира и процветания» отражает кооперативную стратегию с эксплицитным акцентом на позитивное развитие двусторонних отношений. В тексте обращения к гражданам Нидерландов жанр поддерживается сходной структурой: «Россия и Нидерланды — традиции историческая преемственность и новые перспективы партнерства». Это позволяет читателю сразу понять основные темы — историю и перспективы партнерства, где Россия неизменно выступает первым субъектом, что подчеркивает ведущую роль страны.

Композиционная структура текстов в обоих случаях однотипна: вступительная часть, основная часть с изложением ключевых моментов сотрудничества и заключительная часть, содержащая видение будущих отношений. В *тексте 1* акцент сделан на исторических связях и сотрудничестве, тогда как в *тексте 2* включен дополнительный блок, посвященный проблемам отношений с Евросоюзом. Изменения в структуре и содержании текстов, обусловленные геополитическим контекстом после 2014 года, демонстрируют, как события на международной арене воздействуют на практики дискурса (Buzan, Lawson, 2015, p. 235–247).

Модель субъектов коммуникации в текстах представлена двухуровневой структурой: эксплицитный коллективный адресат (граждане

конкретной страны) и имплицитный коллективный адресат (руководство ЕС). В текстах эксплицитный уровень представлен кооперативной стратегией, подчеркивающей двустороннее сотрудничество и культурные связи. В *тексте 1* эксплицитные тактики самопрезентации и комплимента направлены на формирование положительного образа России: «На протяжении многих лет Нидерланды входят в тройку основных торговых и инвестиционных партнеров России». Имплицитный уровень в *тексте 2*, напротив, нацелен на конфронтацию с Европейским союзом, что проявляется в тактике размежевания: «Для того чтобы вернуться на путь многопланового партнерства, надо лишь отказаться от порочной логики “игры в одни ворота”». Этот уровень направлен на привлечение внимания к проблемам, связанным с европейской политикой, при этом остается за рамками прямого обращения к гражданам Греции.

Количественный анализ применения речевых тактик в обоих текстах показывает, что в обращении к Нидерландам основными тактиками являются прогнозирование, самопрезентация и информирование (17 % от общего числа употреблений каждой тактики). В тексте к Греции преобладает тактика персонализации (23 %), что усиливает субъективный характер дискурса и направленность кооперативной стратегии. Кроме того, текст к Греции также включает большее количество тактик конфронтации, таких как размежевание и критика (8 %), что свидетельствует о введении элементов конфронтационной стратегии в кооперативный дискурс.

Стоит отметить, что выбор коммуникативных тактик в текстах напрямую определяет использование языковых средств выражения и способствует реализации стратегий кооперации или конфронтации в зависимости от целей / адресата коммуникации. Тактика информирования, являющаяся ведущей во вступительной части обоих текстов, обеспечивает структурирование темы и намерений адресанта посредством четких и понятных формулировок, что создает основу для установления диалога. В *тексте 1* эта тактика дополняется тактикой персонализации и обещания, которые выражаются посредством личного местоимения 1-го лица множественного числа («мы») и составного глагольного сказуемого («постараемся охватить / поддержать», «(постараемся) способствовать»), вспомогательная часть которого выражена глаголом со значением намерения, а инфинитивы «охватить», «поддержать», «способствовать» усиливают перформативный эффект уверенности в выполнении намеченных действий. В основной части текстов анализ речевых тактик, таких как самопрезентация, аргументация, комплимент и персонализация, продемонстрировал их влияние на выбор языковых средств. Например, в *тексте 1* самопрезентация осуществляется через использование глаголов в форме настоящего времени множественного числа («гордимся», «дорожим»), что подчеркивает коллективную идентичность и преемственность исторических связей России и адресатов. В *тексте 2* тактика комплимента формирует поло-

жительное отношение к адресату через глаголы настоящего времени («хорошо помнят»), что создает паритет и демонстрирует уважение к общей истории.

Основные речевые тактики, направленные на эксплицитного адресата (граждан Нидерландов и Греции), отражают кооперативную стратегию. Преобладают такие тактики, как самопрезентация, информирование, комплимент и прогнозирование. Например, в *тексте 1* используется тактика самопрезентации: «Мы гордимся славными страницами общей истории», что помогает создать положительный образ России в сознании аудитории. В *тексте 2* также применяются аналогичные речевые стратегии, где Россия позиционируется как страна, ценящая традиции и культуру: «Прочный фундамент сотрудничества — общие цивилизационные ценности, православная культура». В *тексте 2* добавляются элементы конфронтационной стратегии, направленные на имплицитного адресата — руководителей Евросоюза. Речевые тактики, такие как размежевание и критика, служат для подчеркивания существующих противоречий с ЕС, что демонстрируется в следующих фрагментах: «Однако встречной готовности идти таким взаимовыгодным путем у европейских коллег мы пока не видим. Этот прием создает оппозицию «мы — они» между «нами» (Россией) и «ими» (Евросоюзом), усиливая конфронтационный настрой по отношению к политике ЕС. Таким образом, данный текст реализует две стратегии — кооперативную для эксплицитного адресата (граждане Греции) и конфронтационную для имплицитного адресата (руководители ЕС).

Выбранные тексты демонстрируют гибкость ВПД Президента РФ в части коммуникативных стратегий, которые адаптируются под изменяющийся международный контекст. Языковая вербализация речевых тактик варьируется в зависимости от доминирующей стратегии — кооперативной или конфронтационной. Это позволяет достигать целей коммуникации, управляя восприятием как явных, так и скрытых адресатов.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 22-18-00591 «Прагматическая лингвистика как интерфейс и операциональная система смыслообразования») в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

- Аристотель. Риторика. М., 2007.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 428 — 472.
- Верецагин Е. М., Ротмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к открытости» // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 82 — 93.
- Золян С. Т. Язык политики или язык в политической функции? // Полития: анализ. Хроника. Прогноз. 2018. № 3. С. 31 — 49. <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-31-49>.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и речевые тактики. М., 2008.
- Карамова А. А. Типологический аспект дискурса // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 1А. С. 361 — 370.

Кишина Е.В. Семантическая оппозиция «свой — чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. №4 (48). С. 174 — 179.

Митякина О.В. Оппозиция «свой — чужой» как средство делегитимации политической власти (на материале комментариев англоговорящих пользователей в социальных сетях) // Политическая лингвистика. 2022. №5 (95). С. 156 — 162. http://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_15.

Путин В.В. Россия и Нидерланды — традиции, историческая преемственность и новые перспективы партнерства. 2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/17810> (дата обращения: 18.08.2024).

Путин В.В. Россия и Греция: сотрудничество на благо мира и процветания. 2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/51997> (дата обращения: 18.08.2024).

Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17 : Теория речевых актов. С. 170 — 194.

Туманова Е.О. Политический дискурс как метадискурс в таксономии дискурсивных практик (лингвистический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, №3. С. 925 — 931. <https://doi.org/10.30853/phil20230140>.

Шейгал Е.И. Проблемы анализа политического дискурса // Русский язык в современном обществе: (Функциональные и статусные характеристики): сб. обзоров. Сер.: Теория и история языкознания». Отд. Языкознания. М., 2005. С. 51 — 70.

Austin J.L. How to do things with words. Cambridge MA, 1962.

Buzan B., Lawson G. The global transformation: History, modernity, and the making of international relations. Cambridge, 2015.

Chilton P.A. Analysing political discourse: Theory and practice. L., 2004.

Grice P. H. Studies in the way of words. Cambridge, 1989.

Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge MA, 1993.

Kellermann K. Communication: Inherently strategic and primarily automatic // Communication Monographs. 1992. Vol. 59. P. 288 — 300.

Kinnevy J.L. A theory discourse: the aims of discourse. N.Y., 1980.

Lasswell G. The structure and function of communication in society // The communication of ideas / ed. by L. Bryson. N.Y., 1948. P. 37 — 51.

Swales J. M. Genre analysis: English in academic and research settings. Cambridge, 2008.

van Dijk T. A. Discourse as social interaction. L., 2006.

Об авторе

Иван Алексеевич Костенков — аспирант, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ikostenkov@yahoo.com

Для цитирования:

Костенков И.А. Вербализация коммуникативных стратегий во внешнеполитическом дискурсе (на примере статей — обращений президента России к международной аудитории) // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №2. С. 189 — 207. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-11.

VERBALIZATION OF COMMUNICATIVE STRATEGIES
IN FOREIGN POLICY DISCOURSE:
A CASE STUDY OF THE RUSSIAN PRESIDENT'S ADDRESSES
TO THE INTERNATIONAL AUDIENCE

Ivan A. Kostenkov¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Alexander Nevsky St., Kaliningrad, 236041, Russia,
Submitted on 19.08.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-11

This study is driven by the growing importance of political rhetoric in international relations, where the linguistic tools employed by the speaker serve as instruments for strategically managing the perception of the audience. It also addresses the interplay between language and politics under conditions of global international tensions. The aim of this research is to identify and analyze the verbalization of communicative strategies within the foreign policy discourse of the President of the Russian Federation, using textual addresses to the international audience as a case study. The study focuses on a comparative analysis of dynamic changes in foreign policy discourse, the mechanisms and means of implementing cooperative and confrontational strategies through communicative tactics within a rigid genre framework, and the pragmatic-semantic role of these strategies in achieving extralinguistic objectives. The novelty of this study lies in its comprehensive approach to analyzing the President's foreign policy addresses, integrating linguistic, pragmatic, and genre-discursive aspects. For the first time, a detailed comparison of cooperative and confrontational strategies is conducted through the lens of their linguistic realization in the context of temporal dynamics. It has been determined that the genre structure and linguistic implementation of the President's foreign policy addresses adapt to shifts in the geopolitical context, ensuring the flexibility of foreign policy discourse. The cooperative strategy employed focuses on strengthening Russia's positive image by emphasizing historical ties, shared values, and prospects for partnership, whereas the confrontational strategy utilizes specific tactics to influence implicit audiences. The multi-level approach to audience segmentation enables the President's foreign policy discourse to effectively combine strategic perception management of explicit audiences with addressing implicit political objectives.

Keywords: political discourse, communicative strategies and tactics, subjects of communication, communicative move, speech act theory.

Acknowledgments: This study was conducted with the support of the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00591, "Pragmasemantics as an Interface and Operating System for Meaning-Making") at Immanuel Kant Baltic Federal University.

References

- Aristotle, 2007. *Rhetorika* [Rhetoric]. Moscow (in Russ.).
- Austin, J. L., 1962. *How to Do Things with Words*. Cambridge.
- Bakhtin, M. M., 1986. The Problem of Speech Genres. In: M. M. Bakhtin, ed. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-critical Articles]. Moscow, pp. 428–472 (in Russ.).
- Buzan, B. and Lawson, G., 2015. *The Global Transformation: History, Modernity, and the Making of International Relations*. Cambridge.
- Chilton, P. A., 2004. *Analyzing Political Discourse: Theory and Practice*. London.
- Grice, P. H., 1989. *Studies in the Way of Words*. Cambridge.
- Habermas, J., 1993. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge.
- Issers, O. S., 2008. *Kommunikativnye strategii i rechevye taktiki* [Communication strategies and speech tactics]. Moscow, 288 p. (in Russ.).

- Karamova, A. A., 2017. Discourse: a typological aspect. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and civilization], 7 (1A), pp. 361–370 (in Russ.).
- Kellermann, K., 1992. Communication: Inherently strategic and primarily automatic. In: *Communication Monographs*. Vol. 59, pp. 288–300.
- Kinnevy, J. L., 1980. *A theory discourse: the aims of discourse*. New York.
- Kishina, E. V., 2011. Semantic opposition “Ours – Someone Else” as a realization of the ideological-manipulative potential of political discourses. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 4 (48), pp. 174–179 (in Russ.).
- Lasswell, G., 1948. The structure and function of communication in society. In: L. Bryson, ed. *The Communication of Ideas*. New York, pp. 37–51.
- Mityakina, O. V., 2022. The Opposition of “Own-Alien” as a Means of Delegitimation of Political Power (Based on the Comments of English-Speaking Social Network Users). *Political Linguistics*, 5 (95), pp. 156–162, http://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_15 (in Russ.).
- Putin, V. V., 2013. Russia and Greece: Cooperation for the Benefit of Peace and Prosperity. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/51997> [Accessed 18 August 2024] (in Russ.).
- Putin, V. V., 2013. Russia and the Netherlands: Traditions, Historical Continuity, and New Prospects for Partnership. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/17810> [Accessed 18 August 2024] (in Russ.).
- Searle, J. R., 1986. Classification of Illocutionary Acts. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Iss. 17. Moscow, pp. 170–194 (in Russ.).
- Sheigal, E. I., 2005. Problems of Political Discourse Analysis. In: *Russkii yazyk v sovremennom obshchestve: Funktsional'nye i statusnye kharakteristiki* [Russian language in modern society: Functional and status characteristics]. Moscow, pp. 51–70 (in Russ.).
- Swales, J. M., 2008. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, 260 p.
- Tumanova, E. O., 2023. Political Discourse as a Meta-Discourse in the Taxonomy of Discursive Practices (Linguistic Aspect). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 16 (3), pp. 925–931, <https://doi.org/10.30853/phil20230140> (in Russ.).
- van Dijk, T. A., 2006. *Discourse as Social Interaction*. London, 336 p.
- Vereshchagin, E. M., Rathmayr, R. and Reuter, T., 1992. Speech tactics of the “call for frankness”. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 6, pp. 82–93 (in Russ.).
- Zolyan, S. T., 2018. The language of politics or language in the political function? *Polity: analysis. Chronicle. Forecast*, 3, pp. 31–49, <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-31-49> (in Russ.).

The author

Ivan A. Kostenkov, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: ikostenkov@yahoo.com

To cite this article:

Kostenkov, I. A., 2025, Verbalization of communicative strategies in foreign policy discourse: a case study of the Russian President's addresses to the international audience, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 2, pp. 189–207. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-11.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ НЕДОСКАЗАННОСТЬ В КИНОАННОТАЦИИ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. Д. Прасолова¹, С. Ю. Павлина²

¹Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова,
Россия, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 603155, Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 25/12

Поступила в редакцию 18.05.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-12

В фокусе внимания авторов находятся аннотации к кинофильмам, которые рассматриваются как продвигающие тексты, характеризующиеся лаконичностью, семантической плотностью и намеренной недосказанностью, создающей интригу. Исследование выполнено в русле лингвопрагматики, его целью является выявление механизмов создания интенсиональной недосказанности в киноаннотациях. Новизна работы предопределяется тем, что тексты кинорекламы впервые рассматриваются с точки зрения способов создания семантической неполноты и ее влияния на прагматические свойства текста. Материалом послужили сто аннотаций к российским фильмам, вышедшим в прокат в 2010–2023 годах. Выявляются компоненты их семантической структуры, в которых используется недосказанность. Показано, что в киноаннотациях смысловая неполнота создается при помощи лакун и импликатур, при этом лакунизации может подвергаться любой компонент семантической структуры, включая завязку, информацию о персонажах и хронотоп. Выявлено, что в анализируемых текстах кинорекламы интенсиональная недосказанность чаще всего выражается неявно, а применение инференции способствует лишь частичному восполнению семантической неполноты. При этом интрига сохраняется, что делает фильм привлекательным для потенциального зрителя. Результаты демонстрируют, что в отдельных случаях средства создания интриги выражены эксплицитно, о чем свидетельствуют лингвистические маркеры, указывающие на нехватку информации. Проведенное исследование открывает перспективы для изучения способов создания интриги в таких текстах кинорекламы, как постер и трейлер, а также в текстах коммерческой рекламы.

Ключевые слова: киноаннотация, рекламный текст, интенсиональная недосказанность, интрига, смысловая лакуна, инференция

1. Введение

В современной лингвистической науке пристальное внимание уделяется изучению рекламных текстов, что нашло отражение в появлении отдельной сферы исследований — маркетинговой лингвистики (Борисова, 2016; 2022; Терских, 2017; Балабанова, 2012). В условиях обилия информации, в том числе рекламной, маркетингологи ищут новые способы воздействия на потребителей. Так, современная реклама все чаще представлена семиотически гетерогенными (поликодовыми и

мультимодальными) текстами, что позволяет обеспечить одновременное воздействие на несколько каналов восприятия и повысить эффективность рекламного сообщения (Собянина, 2021; Guan, Forceville, 2022; Forceville, 2022). Кроме того, ключевым средством интенсификации воздействия на реципиента является создание интриги, что выражается в активном использовании тизерной рекламы и различных приемов умолчания. Как показывают экспериментальные исследования восприятия коммерческой рекламы, это позволяет повысить интерес получателя к рекламируемому продукту, причем как в случае с вербальными, так и с семиотически неоднородными рекламными сообщениями (Ruan, Hsee, Lu, 2018; Sevilla, Meyer, 2020).

Современные рекламные тексты, как правило, являются гибридными образованиями и характеризуются интердискурсивностью (Анисимова, 2016; Иванова, 2017). Подобные свойства обнаруживаются, в частности, в текстах кинорекламы, которые находятся на пересечении рекламного и кинодискурсов. К ним относятся киноаннотации (Анисимов, 2020; Тригубова, 2021; 2022), рекламные постеры (Павлина, Прасолова, 2024; Mählknecht, 2015; Nguyen, 2020) и трейлеры (Прасолова, 2023; Kernan, 2004; Maier, 2009; Jensen, 2014; Wildfeuer, Pollaroli, 2017).

Обладая схожими прагматическими свойствами, тексты кинорекламы отличаются в семиотическом плане. Киноаннотации характеризуются монокодовостью, поскольку в них используются лишь знаки естественного языка, в то время как кинопостеры являются поликодовыми текстами, содержащими вербальный и невербальный компоненты (Павлина, Прасолова, 2024). Среди продвигающих текстов кинодискурса наиболее сложную семиотическую композицию имеет трейлер, который следует рассматривать как мультимодальный конструкт, воспринимаемый как визуально, так и аудиально (Wildfeuer, Pollaroli, 2017).

Исследователи отмечают, что для кинорекламы, в частности, для киноаннотаций и трейлеров характерна неполнота представленной информации, выражающаяся в незавершенности повествования (Анисимов, 2020, с. 242; Jensen, 2014, р. 106), что обусловлено малым объемом текстов, а также необходимостью «не раскрывать карты» раньше времени, поддерживая таким образом интерес аудитории к содержанию фильма. В фокусе внимания настоящего исследования находится киноаннотация, которая рассматривается как монокодовый рекламный текст, характеризующийся максимально лаконичной и емкой информационной составляющей, а также интенциональной недосказанностью, призванной заинтриговать зрителя.

Механизмы создания смысловой незавершенности в кинорекламе и ее прагматическая значимость до сих пор не получили должного освещения в лингвистической литературе, что обуславливает актуальность нашей работы. Настоящее исследование направлено на определение жанровых характеристик киноаннотации как одного из видов кинорекламы, анализ способов создания интриги, а также выявление ее роли в реализации аттрактивного потенциала данных видов текстов. *Новизна*

исследования заключается в том, что рекламные жанры кинодискурса впервые рассматриваются в ракурсе создания интенциональной недосказанности и ее влияния на прагматические свойства текста.

2. Теоретические основы исследования

Киноаннотация, находящаяся в центре внимания настоящего исследования, рассматривается нами как один из жанров кинодискурса. Аннотация к фильму, кинопостер и трейлер вторичны по отношению к кинофильму как ключевому компоненту кинодискурса. Они составляют важную часть рекламной кампании, сопровождающей премьеру фильма, и выступают в качестве одного из факторов успешного проката. Киноаннотации, постеры и трейлеры, продвигающие кинофильмы, имеют определенные отличия от коммерческой рекламы. Их содержание и прагматические стратегии обусловлены спецификой рекламируемого объекта, в качестве которого выступает не тот или иной вид товаров или услуг, а *опыт* просмотра конкретного фильма (Staiger, 1990, р. 3). Как следствие, для кинорекламы характерно заимствование имен и образов продвигаемого кинофильма, что позволяет говорить об их тематической общности и характеризовать данные жанры как гибридные образования, соединяющие в себе черты кино- и рекламного дискурсов.

Прагматические характеристики аннотаций к фильмам рассматриваются в работе В. Е. Анисимова (2020). Автор использует термин *синописис*, под которым понимается продвигающий текст, с помощью которого потенциальный зритель может познакомиться с сюжетом и проблематикой кинофильма. Согласно точке зрения В. Е. Анисимова, синописис наряду с кинозаголовком и кинослоганом является одной из малых форм кинотекста. Сложно отрицать, что и синописис, и кинозаголовок направлены на привлечение внимания потенциальных зрителей, однако очевидны их прагматические различия. Заголовок призван прежде всего идентифицировать кинопроизведение, он является структурным компонентом кинотекста, то есть кинофильма как мультимодального конструкта, основанного на синтезе аудиального и визуального (Wildfeuer, Bateman, 2016). Синописис или, в иных терминах, аннотация к фильму выполняет рекламную функцию, искусно дозируя информацию о сюжете, героях и жанре кинопроизведения, создавая интригу и стимулируя адресата к просмотру фильма.

В этом обнаруживается явное сходство аннотации к фильму с книжной аннотацией. В работе, посвященной эволюции этого жанра, О. А. Агаркова и Т. В. Макшанова замечают, что если целью классической книжной аннотации было знакомство читателя с содержанием книги, то в настоящее время аннотации приобрели рекламный характер (2018, с. 595). Согласно Т. В. Анисимовой, в целях рекламы авторы книжных аннотаций знакомят читателя с героями и жанром книги, при этом не раскрывая содержания произведения, а намекая на него (Анисимова, 2011; Анисимова, Ярова, 2016). Для привлечения и удер-

жания интереса читателя, а также для того, чтобы побудить его прочесть рекламируемую книгу, в книжных аннотациях используются вопросно-ответные конструкции и риторические вопросы, прямое обращение к читателю, незаконченные высказывания, создающие интригу (Агаркова, Макшанова, 2018, с. 595). С функциональной точки зрения книжная аннотация сближается с рассматриваемым нами жанром кинорекламы — *киноаннотацией*, которая наряду с кинопостером и трейлером призвана предоставлять информацию о фильме, побуждать потенциального зрителя к просмотру, в том числе используя в качестве мотивирующего средства *механизм недосказанности*.

Среди немногочисленных работ, посвященных лингвопрагматическим свойствам текстов кинорекламы, обращают на себя внимание исследования Д.Л. Тригубовой (2021; 2022). Автор рассматривает синопсис как одну из разновидностей жанра киноаннотации, определяя его как «краткое описание кинопродукта с максимальной информационной наполняемостью и явной или скрытой прагматической формантой интриги» (Тригубова, 2022, с. 56). Говоря о семантической структуре синопсиса, исследовательница называет следующие семантические компоненты: «персонажи», «хронотоп», «действие» и «дополнительная информация». В рамках каждого из них выделяются отдельные субкомпоненты. Так, семантический компонент «персонажи» может включать информацию об основных и второстепенных героях, в состав компонента «действие» могут входить такие элементы, как завязка, развитие, кульминация и развязка, а к «дополнительной информации» относятся сведения о жанре фильма, режиссере, актерском составе и т. д. (Там же, с. 57). Семантическая структура киноаннотации допускает значительное варьирование, при котором некоторые из ее компонентов могут быть не выражены или выражены в неодинаковой степени (Там же).

Важным атрибутом текстов кинорекламы признается наличие интриги, что предполагает сокрытие части значимой информации с целью удержать внимание получателя текста (Тригубова, 2022). Создание недосказанности является эффективным средством прагматического воздействия, нередко используемым в рекламной коммуникации (Голушкина, 2019; Ровнейко, 2022; He, Jiang, Gorn, 2022). Повышенная привлекательность текстов, характеризующихся неполнотой информации, связывается с психологическим эффектом любопытства, возникающим при наличии лакуны между знанием, которым обладает получатель текста, и информацией, которую он желает получить (Sevilla, Meyer, 2018, p. 3). В кинорекламе такой лакуной может являться отсутствующий семантический компонент или субкомпонент: так, для большинства синопсисов характерно описание лишь завязки фильма (Анисимов, 2020, с. 242).

Говоря об информационной неполноте рекламных текстов, следует отличать лакуны, при которых определенная часть информации недоступна получателю текста, и *импликатуры* — смыслы, «которые не нашли вербального и иконического выражения в тексте рекламы, и извле-

каются... в результате инференций как по законам логики, так и на основании широкого круга языковых и энциклопедических знаний адресата» (Прохоров, 2008, с. 140). Имплицитность свойственна продвигающим текстам в силу их структурных особенностей, поскольку в рекламе максимум информации передается минимумом языковых средств (Трайковская, 2015). Заложенные в рекламном тексте импликатуры считаются в результате инференции, под которой понимается мыслительный процесс, позволяющий выйти за пределы буквального значения и увидеть скрытые смыслы (Кубрякова, 2004). Значимость процесса инференции для восприятия текстов киноаннотаций отмечает Д.Л. Тригубова, обращая внимание на то, что отдельные семантические компоненты синопсиса обладают прогностическим потенциалом и позволяют читателям самостоятельно восстановить недостающую информацию (Тригубова, 2021). Таким образом, отсутствие того или иного компонента в семантической структуре рекламного текста не означает, что он не может быть «достроен» получателем на основании логических умозаключений и его собственного культурного багажа.

На основе работ, посвященных продвигающим текстам и жанровым элементам кинодискурса, возможно заключить, что киноаннотация как один из видов кинорекламы имеет определенный репертуар семантических компонентов и отличается сжатой формой подачи информации. Как и для жанра книжной аннотации, для киноаннотации характерно наличие прагматического компонента интриги, призванного вызвать интерес реципиента и привлечь его внимание к рекламируемому продукту.

Анализ теоретических работ в области маркетинговой лингвистики и кинодискурса позволяет сформулировать следующие рабочие гипотезы.

Гипотеза 1: интенциональная недосказанность является обязательным атрибутом киноаннотации как продвигающего текста, который создает аттрактивность и способствует интенсификации воздействия кинорекламы на потенциального зрителя.

Гипотеза 2: интенциональная недосказанность имеет как эксплицитные, так и имплицитные формы выражения, при явном доминировании последних.

Проверка данных гипотез осуществляется в практической части нашего исследования, направленного на выявление способов создания интенциональной недосказанности в киноаннотациях, а также на описание механизмов инференции, создающих интригу и включающих реципиентов в своеобразную игру по частичному восстановлению скрытой информации.

3. Материал и методы исследования

В качестве материала исследования были отобраны 100 киноаннотаций к современным художественным фильмам российского и совместного производства. Источником текстов послужила онлайн-плат-

форма «Кинопоиск». Ее выбор был обусловлен большим объемом и актуальностью представленной информации, широкой известностью среди российских интернет-пользователей и возможностью ставить оценки просмотренным фильмам, что позволило выбрать наиболее популярные кинокартины последних лет. В выборку вошли размещенные на сайте аннотации к фильмам, вышедшим на экраны в период с 2010 по 2023 год и имеющим наибольшее количество оценок пользователей. Нами не рассматривались аннотации к сиквелам и приквелам, поскольку эти тексты рассчитаны на аудиторию, знакомую с ранее вышедшими в прокат фильмами, что предполагает иное соотношение скрытой и известной информации в аннотациях и применение иных приемов воздействия на потенциального зрителя.

В ходе нашего эмпирического исследования выбранные тексты были проанализированы с точки зрения их семантической структуры. Применение смыслового и контекстуального анализа позволило выявить номенклатуру базовых семантических компонентов, характерных для данного жанра продвигающих текстов. На следующем этапе исследования использование качественных и количественных методов было направлено на определение лингвистических средств выражения данных семантических элементов текста и на описание их дистрибуции. Далее был проведен лингвопрагматический анализ текстов выборки, в ходе которого были выявлены смысловые лакуны и имплицатуры, создающие интенциональную недосказанность, а также описаны механизмы инференции, позволяющие частично компенсировать семантическую неполноту рекламного текста.

4. Результаты исследования

4.1. Семантическая структура киноаннотации

Как показал семантический анализ отобранного материала, большинство рассмотренных текстов (82 %) содержат в себе все основные семантические составляющие, включая информацию о персонажах, действии и хронотопе кинопроизведения (табл. 1).

Таблица 1

Семантические компоненты киноаннотации и их дистрибуция

Семантический компонент «персонажи»		Семантический компонент «хронотоп»		Семантический компонент «действие»	
Основные персонажи	99	Место	75	Экспозиция	47
Второстепенные персонажи	64	Время	39	Завязка	92
				Развитие	61
				Кульминация	2
				Развязка	6

Так, семантический компонент «персонажи» присутствует во всех проанализированных текстах киноаннотаций за исключением одного («Солнцепек»), однако значительно различается по степени выраженности и наполнению. В семантической структуре компонента «персонажи» можно выделить такие субкомпоненты, как «главный герой», «второстепенные персонажи», а также набор характеристик, которыми наделяется каждое действующее лицо, включая профессию, социальное положение, возраст, личностные особенности и другие атрибуты персонажа. Лингвистическими средствами их выражения являются лексические единицы соответствующей семантической отнесенности и в особенности антропонимы. Так, имена и прозвища реальных и вымышленных людей используются в 74 из 100 проанализированных текстов (74 %), им сопутствуют имена существительные и прилагательные, указывающие на дополнительные атрибуты персонажа и выступающие в препозитивной позиции или используемые как часть составного именного сказуемого (*автослесарь Николай Сергеев*, «Левиафан»; *Олег — талантливый врач*, «Аритмия»). В тех текстах, где в качестве отдельных семантических компонентов выделяются составляющие «основные персонажи» и «второстепенные персонажи» (64 %), последняя группа, как правило, выражена менее полно: в описании второстепенных персонажей нередко отсутствуют личные имена, вместо которых используются термины родства и личных отношений в сочетании с притяжательными местоимениями, указывающими на связь персонажа с основными действующими лицами (*Гарин сражается с катастрофой... в компании любовника своей жены*, «Метро»). Впрочем, в 21 тексте выборки (21 %) антропонимы отсутствуют и в описании главных героев (*отец семейства решает исполнить мечту всей жизни*, «Родные»; *история о путешествии взрослого героя к своему Бате*, «Батя»). Последнее особенно характерно для аннотаций к фильмам с большим количеством действующих лиц. Так, в аннотации к новогодней комедии утверждается, что ее героями являются *таксист и поп-дива, бизнесмен и актер, сноубордист и лыжник, студент и пенсионерка* («Елки»). Таким образом, семантический компонент «персонажи» потенциально может включать в себя информационные лакуны, закрывающиеся только после того, как зрители посмотрят кинофильм.

Семантический компонент «хронотоп» выражен в проанализированных текстах в меньшей степени, чем компоненты «персонажи» и «действие». Указание на место или время действия фильма было выявлено в 83 из 100 рассмотренных синопсисов (83 %), причем лишь в 31 (31 %) из них присутствуют оба субкомпонента. Средства выражения данного компонента включают в себя лексические единицы со значением пространственно-временной отнесенности, которые выполняют роль обстоятельства в распространенных предложениях (*В ноябре 1941 года в деревне Нефёдовка <...> Николай Ивушкин был вынужден принять командование единственным уцелевшим танком, «Т-34»*) или используются в со-

ставе неполных именных предложений, обычно открывающих собой текст (*Югославия. 1999 год. Российская спецгруппа получает приказ взять под контроль аэродром, «Балканский рубеж»*). К таким единицам относятся, в частности, топонимы, которые используются в 39 из 100 проанализированных синопсисов (39 %) и указывают на место действия кинокартины (*деревня Нефёдовка, Югославия, Москва*).

Наиболее полно семантический компонент «хронотоп» выражен в описаниях к фильмам, посвященным реальным людям и событиям, что в значительной степени определяет ожидания зрителя от просмотра фильма: знание мест и дат, связанных с крупными событиями мировой истории, запускает процесс инференции, позволяющий сделать вывод о жанровой принадлежности и основной сюжетной линии фильма. Так, в приведенных выше примерах номинации *1941 год* и *1999 год* в совокупности с хоронимом *Югославия* призваны вызвать в сознании реципиента ассоциации с соответствующими историческими событиями — с Великой Отечественной войной и конфликтом на территории бывшей Югославии, что, в свою очередь, дает возможность отнести описываемые фильмы к жанру военной драмы. Это позволяет говорить об определенном прогностическом потенциале компонента «хронотоп». С другой стороны, время и место действия фильма может присутствовать в семантической структуре киноаннотации лишь на уровне имплицатуры и выводиться реципиентом посредством инференции. Так, наличие таких историзмов, как *царевич, богатырь*, а также имен собственных *Иван, Конек-Горбунок* в аннотации к семейной комедии («*Конек-Горбунок*») переносит ее действие в мир русских сказок. Отсутствие каких бы то ни было указаний на хронотоп кинопроизведения само по себе способно служить определенным маркером, так как события большей части фильмов разворачиваются в современную его авторам эпоху.

Как и информация о персонажах, семантический компонент «действие» является значимой составляющей семантической структуры синопсиса. Он представлен во всех проанализированных текстах, за исключением одного («*Легенда №17*»). Как показывает наше исследование, семантическая структура компонента «действие» включает следующие субкомпоненты: «экспозиция», «завязка», «развитие», «кульминация», «развязка», однако детальный анализ текстов выборки демонстрирует, что с точки зрения выраженности тех или иных субкомпонентов они отличаются большой вариативностью. Анализ позволил уточнить и расширить репертуар семантических компонентов киноаннотации, описанный Д. Л. Тригубовой (2022). Так почти в половине проанализированных текстов (47 %) был выявлен семантический компонент «экспозиция», отсутствующий в классификации, предложенной Д. Л. Тригубовой. Наблюдения над материалом позволяют расширить и дополнить описанную исследовательницей исходную схему семантических составляющих. Предлагаемая нами структура семантических элементов киноаннотации представлена в следующей схеме (рис. 1).

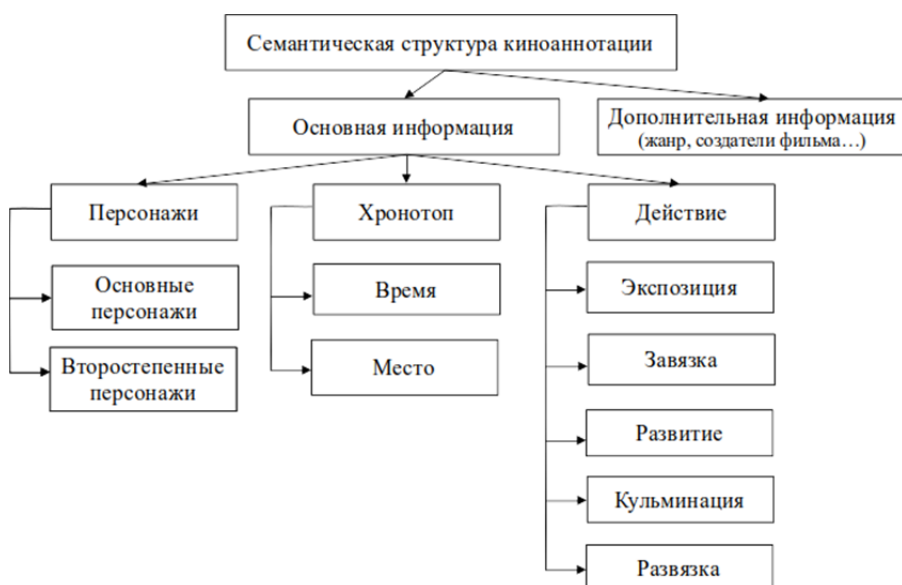

Рис. 1. Схема семантической структуры киноаннотации

Чаще всего в киноаннотациях выборки раскрывается содержание завязки фильма: этот семантический субкомпонент встречается в 92 проанализированных текстах (92 %). В большинстве случаев (62 %) также описывается дальнейшее развитие действия. Это соответствует основной задаче аннотации — кратко познакомить зрителя с содержанием фильма, вызвав интерес к его сюжету. Больше половины текстов выборки могут быть описаны при помощи модели (экспозиция +) завязка + развитие (55 %) или (экспозиция +) завязка (32 %). Вопреки ожиданиям, незначительная часть проанализированных текстов также содержит в себе семантические субкомпоненты «кульминация» (2 %) и «развязка» (6 %), что свидетельствует о нивелировании эффекта недосказанности. Так, в аннотации к семейному фильму сообщается, что герою предстоит *понять, что настоящее чудо — это быть с тем, кого любишь* («По щучьему велению»), а в описании спортивной драмы раскрывается ключевой момент сюжета: *Таким триумфом стали легендарные «три секунды» — победы сборной СССР по баскетболу на роковой мюнхенской Олимпиаде 1972 г. («Движение вверх»)*. По всей видимости, неполнота информации о таких значимых элементах сюжета, как кульминация и развязка, не является абсолютно обязательным условием создания интриги в тексте. Следует отметить, что сюжет второго фильма основан на реальных событиях, в силу чего потенциальному зрителю может быть заранее известна развязка картины. Особенности создания интриги в аннотациях к таким кинопроизведениям будет рассмотрена далее в разделе, посвященном механизмам создания интенциональной недосказанности. В целом отличительной особенностью семантического компонента «дей-

ствие» следует признать значительную степень информационной неполноты, что предопределяется ограниченным размером текста и необходимостью создания прагматического эффекта интриги.

Основными лингвистическими средствами, используемыми при создании семантического компонента «действие», служат личные формы глаголов в прошедшем и настоящем повествовательном времени (27-летний московский мажор Григорий *ошалел* от безнаказанности, «Холоп»; Молодой биолог Виктор Служкин *идет* работать учителем географии... «Географ глобус пропил»). Кроме того, значения, связанные с действием фильма, выражаются при помощи неличных форм глагола, в частности деепричастий (*Узнав* о неизлечимой болезни, отец семейства *решает* исполнить мечту всей жизни, «Родные»), а также существительных со значением действия: *подвиг, поражение, приключение* и т. п. Реже используются глаголы в форме будущего времени. Они встречаются как в утвердительных, так и в вопросительных предложениях, и связаны с реализацией семантического субкомпонента «развитие»: *И кто бы мог подумать, что судьбы людей **окажутся** в руках простого сантехника. Но **удастся** ли ему что-то изменить и **предотвратить** катастрофу?* («Дурак»). К средствам выражения этого субкомпонента относятся и глагольные сочетания со значениями модальности и проспекции, также отражающие направленность действия в будущее: *Ей **придется** преодолеть неуверенность и страхи...* («Вызов»); *раненому Комлеву **предстоит** проделать* немислимый путь, *превозмогая мороз, боль и голод...* («Летчик»).

Таким образом, киноаннотация представляет собой неполный в информационном отношении рекламный текст, в котором в силу его компактности, а также необходимости поддержания интриги не раскрывается значительная часть информации о рекламируемом продукте (кинофильме). Наиболее часто в данных продвигающих текстах отражена информация об основных персонажах и завязке действия фильма, в то время как дальнейшее развитие сюжета, как правило, не раскрывается, создавая интригу. Интересным результатом анализа эмпирического материала является то, что лакунизации может подвергаться любой семантический элемент аннотации, включая сведения о персонажах и хронотопе, а в некоторых случаях и сама завязка действия. При этом часть лакун может быть заполнена реципиентом текста самостоятельно в ходе процесса инференции, что особенно ярко проявляется на примере семантического компонента «хронотоп». Определению лингвопрагматических характеристик семантических лакун и инференции посвящен следующий раздел статьи.

4.2. Механизмы создания интриги в киноаннотации

Как показывает изучение отобранных аннотаций к фильмам, они характеризуются интенциональной информационной неполнотой, создающей прагматический эффект интриги. На следующем этапе исследования рассмотрению подлежат маркеры, сигнализирующие о недосказанности, которая призвана привлечь внимание адресата, заставить его спрогнозировать потенциальное развитие сюжета или определить

жанровую принадлежность рекламируемого фильма. Анализ данных маркеров позволяет утверждать, что они имеют как явное, так и неявное выражение. В ходе исследования нашла подтверждение гипотеза о том, что в текстах кинорекламы эксплицитные маркеры недосказанности представлены менее, чем их имплицитные аналоги. В частности, формально-семантические единицы, эксплицирующие наличие лакуны в семантической структуре текста, были выявлены лишь в 18 из 100 проанализированных киноаннотаций, что составляет 18 % выборки.

К средствам экспликации интриги в первую очередь относятся вопросительные предложения. Они встречаются в 11 из проанализированных текстов (11 %). Примером может служить аннотация к новогодней комедии «Елки-иголки»:

Катя – ландшафтный дизайнер. 31 декабря она развозит новогодние елки заказчикам. Последняя елочка из невыполненного заказа могла бы стать единственным Катиным гостем на Новый год, но мама полна решимости познакомить дочь с молодым человеком. Чтобы избежать этой участи, девушка соглашается встретить дядю, своего соседа из Чикаго. С этого момента для нее начинается самый длинный день уходящего года: она заберет не того дядю из аэропорта, встретит мужчину, будет скрываться от преследования бандитов... а в Новый год снова окажется у своей елки, но одна ли?

С точки зрения семантической структуры рассматриваемый текст содержит все основные составляющие, включая информацию о главных и второстепенных персонажах (*Катя – ландшафтный дизайнер; мама, сосед из Чикаго, бандиты*), времени действия (*31 декабря, Новый год*) и сюжете картины. Семантический компонент «действие» включает субкомпонент «завязка», выраженный глаголами в настоящем времени и глагольными сочетаниями (*мама полна решимости познакомить дочь, девушка соглашается встретить дядю...*), а также субкомпонент «развитие», выраженный глаголами в форме будущего времени (*она заберет не того дядю из аэропорта, встретит мужчину, будет скрываться...*). Информация о хронотопе кинопроизведения представлена неполно и включает лишь указание на день, в течение которого разворачиваются события фильма. Однако процесс инференции, опирающийся на наличие в тексте реалий (*ландшафтный дизайнер, аэропорт*), имени главной героини (*Катя*), а также фоновые знания реципиента, позволяет восстановить недостающие элементы картины и поместить действие фильма в современный российский мегаполис. В приведенном примере отсутствуют такие составляющие семантического компонента «действие», как «кульминация» и «развязка». Фрагмент *а в Новый год снова окажется у своей елки, но одна ли?* эксплицирует наличие лакуны в семантической структуре текста и побуждает реципиента искать ответ на поставленный вопрос, стимулируя таким образом его интерес к просмотру фильма.

В большинстве рассмотренных случаев вопросительные предложения эксплицируют семантические лакуны, связанные с развязкой кинопроизведения. Однако ответ на поставленный вопрос может выходить за рамки базовой семантической структуры киноаннотации. Так, содержание остросюжетной драмы «Жить» описывается в аннотации следующим образом:

Дикие места. Трое преследуют пожилого охотника и молодого парня. Один — проводник, второй — боец. Незнакомые, чуждые друг другу люди должны вместе выжить и добраться до города. Какова цена жизни? На этот вопрос каждый ответит по-своему.

Несмотря на свою лаконичность, приведенный выше текст включает в себя все основные семантические компоненты киноаннотации — сведения о персонажах фильма, хронотопе и действии. Как и в рассмотренной ранее аннотации к фильму «Елки-иголки», в нем отсутствуют субкомпоненты «кульминация» и «развязка». Вопросительное предложение *Какова цена жизни?* не только эксплицирует наличие смысловой лакуны, но и отсылает к центральной теме фильма, заставляя зрителя задаться экзистенциальным вопросом еще до знакомства с кинопроизведением и побуждая его посмотреть фильм. Таким образом, в создании интриги оказываются задействованы не только элементы поверхностной структуры сюжета, но и более глубокие смысловые уровни кинопроизведения, включая его тему и авторский замысел.

Другим средством экспликации смысловых лакун и, следовательно, создания интриги, являются прилагательные *загадочный*, *таинственный* и производные от них наречия, то есть лексические единицы со значением *нехватки* информации. Такие единицы, создающие интенциональную недосказанность, встречаются в 4 из проанализированных текстов (4 %). Так, в аннотации к военному триллеру «Красный призрак», действие которого происходит в годы Великой Отечественной войны, говорится о том, что немецкие военные разыскивают *таинственного солдата по прозвищу Красный призрак*, который *появляется из ниоткуда*, *в одиночку убивает захватчиков* и так же *загадочно исчезает*. Несмотря на то что в рассматриваемом рекламном тексте присутствует семантический компонент «персонажи», выраженный словосочетаниями *группа советских солдат*, *немецкий отряд*, *каратель вермахта*, а также антропонимом (прозвищем) *Красный призрак*, в нем не содержатся какие-либо дополнительные сведения о главном герое, включая его настоящее имя, что порождает смысловую лакуну, эксплицируемую семантикой прилагательного *таинственный* и наречия *загадочно*, характеризующих персонаж. Это фокусирует внимание реципиента на отсутствии значимой информации и заставляет его предположить, что она может быть найдена в тексте самого произведения, что потенциально способно побудить его к просмотру рекламируемого фильма.

Наконец, еще одним видом маркеров интриги выступают глаголы интеллектуальной деятельности, особенно использующиеся в отрицательной форме. Такие единицы были выявлены в 6 из отобранных текстов (6 %). Примером может служить аннотация к биографическому художественному фильму «Калашников», где, в отличие от рассмотренных ранее текстов, смысловой лакуной выступает завязка и развитие, а не развязка фильма:

Калашников. Все знают эту фамилию, но не все знают, какой долгий и тернистый путь прошел парень-самоучка, чтобы в 28 лет создать легендарный автомат АК-47, который по сей день является символом оружейной мысли нашего времени.

Эта особенность связана с тем, что рекламируемый фильм посвящен реальной исторической личности, чье основное достижение — создание знаменитого автомата — уже является частью фоновых знаний адресата. В то же время более ранняя биография Михаила Калашникова действительно не так известна потенциальным зрителям, что подчеркивается использованием глагола *знать* в тексте киноаннотации. Таким образом создатели продвигающего текста указывают на предполагаемый пробел в знаниях получателя и предлагают ему восполнить его, посмотрев рекламируемый фильм.

В рамках одного рекламного текста могут использоваться несколько различных средств маркирования смысловых лакун. Примером является аннотация к комедийному фильму «Хэппи-энд»:

Загадочный мужчина приходит в себя на пляже в Таиланде. Он не помнит ни своего имени, ни причины, по которой оказался так далеко от дома. Говорит он только по-русски и отличается крайне скверным характером, однако быстро осваивается на новом месте, налаживает связи и даже организует авантюрный бизнес. И вроде все в его жизни снова благополучно, но один вопрос остается unanswered: для чего же он все-таки прилетел на другой конец света?

Главная интрига текста — личность главного героя — подчеркивается трижды: эпитетом *загадочный*, характеризующим персонаж, указанием на то, что сам герой *не помнит* своего имени и, наконец, вопросительным предложением, еще раз акцентирующим внимание читателя на отсутствии информации о личности и мотивах главного действующего лица.

Помимо сугубо лингвистических средств выражения интриги, в ряде текстов выборки используются паралингвистические средства, призванные подчеркнуть незавершенность предложений. К ним, в частности, относится многоточие, использующееся в 11 из проанализированных текстов (11 %). Примером может служить фрагмент аннотации к фильму «О чем говорят мужчины»: *Из этих разговоров — это мы точно знаем — многие женщины узнают о себе очень много нового...* В данном случае многоточие несет особую смысловую нагрузку, маркируя стратегическую недосказанность в тексте аннотации. Таким образом, данное паралингвистическое средство служит одним из способов создания интриги в кинорекламе (табл. 2).

Таблица 2

**Лингвистические и паралингвистические маркеры
интенциональной недосказанности**

Лингвистические средства	Количество аннотаций	Примеры
Вопросительные предложения	11	<...> И кто бы мог подумать, что судьбы людей окажутся в руках простого сантехника. Но удастся ли ему что-то изменить и предотвратить катастрофу? («Левиафан»)

Окончание табл. 2

Лингвистические средства	Количество аннотаций	Примеры
Глаголы интеллектуальной деятельности в сочетании с отрицанием	6	Калашников. Все знают эту фамилию, но не все знают , какой долгий и тернистый путь прошел парень-самоучка, чтобы в 28 лет создать легендарный автомат АК-47, который по сей день является символом оружейной мысли нашего времени. («Калашников»)
Прилагательные и наречия с семантикой нехватки информации	4	<...> В этом же доме решает обосноваться хорошо вооруженный немецкий отряд во главе с карателем вермахта, который ищет таинственного солдата по прозвищу Красный призрак. Он появляется из ниоткуда, в одиночку убивает захватчиков и так же загадочно исчезает. («Красный призрак»)
Паралингвистические средства	Количество	Примеры
Многоточие	11	<...> А уж если у них впереди два дня <...> то можете быть уверены, что за это время они успеют обсудить немало тем... И еще. Из этих разговоров – это мы точно знаем – многие женщины узнают о себе очень много нового...

Рассмотренные примеры позволяют говорить о репертуаре лингвистических и паралингвистических средств, эксплицирующих наличие смысловых лакун в киноаннотации. Они побуждают реципиента восстановить недостающую информацию, посмотрев фильм. Менее ясным представляется механизм создания интриги в тех рекламных текстах, где подобные маркеры отсутствуют. С одной стороны, как было продемонстрировано выше, неполнота представленной информации в той или иной степени характерна для всех рекламных текстов рассматриваемого типа. С другой стороны, то, что в тексте опускается часть значимой информации о рекламируемом продукте (кинофильме), никак не эксплицируется в большинстве проанализированных киноаннотаций. Чтобы объяснить механизм создания интриги в таких текстах, необходимо обратиться к понятию инференции. Как мы указывали ранее, процесс инференции, основанный на логических суждениях и фоновых знаниях реципиента, позволяет получателю информации восстановить пропущенные семантические компоненты, такие как хронотоп фильма, тем самым самостоятельно заполнив образовавшиеся смысловые пробелы. На примере аннотации к остросюжетной драме «Огонь» можно проследить, как тот же ментальный процесс позволяет частично восстановить отсутствующий в тексте семантический компонент «развязка»:

После гибели подчиненного бывалый инструктор бригады пожарных Алексей Соколов хотел было уволиться, но лето в России – жаркая пора. Взяв в

команду шестым нахального новичка, парня своей дочери, Соколов отправляется на очередное задание в Карелию. И это задание будет гораздо сложнее, чем он мог себе представить.

Наибольшим прогностическим потенциалом в приведенном тексте обладают семантические компоненты «персонажи» (*инструктор бригады пожарных*) и «хронотоп» (*лето, жаркая пора, Карелия*). Топоним *Карелия* ассоциируется в сознании российского зрителя с густыми хвойными лесами, что в совокупности с семантическим наполнением кинозаголовка *Огонь* и словосочетаний *бригада пожарных, жаркая пора* позволяет предположить, что центральной сюжетной линией фильма является борьба героев с лесным пожаром. Прилагательное *нахальный*, используемое для описания второстепенного персонажа, говорит о возможном конфликте между героями, который, вероятно, будет выступать в качестве параллельной сюжетной линии. Таким образом, благодаря процессу инференции получатель рекламного текста самостоятельно воссоздает более полную картину сюжета фильма. Однако не вся информация может быть выведена из предложенного текста. Для читателя остается загадкой, каким образом будут разрешены обозначенные конфликты, и какие дополнительные препятствия возникнут перед героями фильма. Как представляется, инференция поддерживается психологическим фактором любопытства, возникающим у потенциального зрителя, поскольку процесс извлечения скрытой информации схож с разгадыванием кроссворда. В то же самое время инференция позволяет лишь частично компенсировать смысловую недосказанность, сохраняя общую интригу, что также интенсифицирует прагматическое воздействие рекламного текста.

Способность зрителя предугадать возможное развитие сюжетной линии в значительной степени обусловлена его предыдущим опытом знакомства с кинофильмами того же жанра, однако, несмотря на универсальность и предсказуемость фабульной основы кинопроизведения, конкретные детали и сюжетные особенности уникальны для данной конкретной кинокартины и могут стать известными зрителю только после просмотра фильма. Анализируя соотношение привычного и нового в кинорекламе, американская исследовательница трейлеров Л. Кернан указывает, что данный продвигающий текст базируется на привлекательности сюжета фильма для аудитории. При этом независимо от типа сюжета он одновременно содержит как универсальные черты, знакомые зрителю благодаря (предположительно) имеющемуся у него опыту, так и специфичные нарративные элементы, свойственные только рекламируемому фильму (Kernan, 2004, p. 43). Иными словами, интерес потенциального зрителя к рекламируемому кинопродукту во многом определяется сочетанием знакомых, привычных и в силу этого предсказуемых нарративных универсалий и конкретных сюжетных особенностей, которые опускаются в рекламном тексте. Таким образом, в процессе инференции в сознании адресата возникает новая лакуна — разрыв между известной и неизвестной ему информацией, — которая может быть заполнена только при знакомстве с текстом фильма.

Другим примером, иллюстрирующим роль инференции в создании прагматического эффекта интриги, может служить аннотация к спортивной драме «Лед»:

С самого детства Надя верила в чудеса. Она представляла себе, как выходит на лед под овации публики и танцует свой самый красивый танец. И вот, благодаря вере и упорству, Надя становится знаменитой фигуристкой. Но когда ее мечты о громких победах, красивой жизни и прекрасном принце уже, кажется, готовы исполниться, судьба преподносит ей настоящее испытание.

Семантический компонент «действие» в приведенном выше продвигающем тексте содержит субкомпоненты «экспозиция» и «завязка». Глагольные и именные словосочетания *выходит на лед, становится знаменитой фигуристкой, громкие победы* выстраиваются в единую семантическую цепочку и формируют в сознании получателя образ спортивной карьеры главной героини, в то время как словосочетание *верить в чудеса* и существительное *мечты* передают идею сильной мотивации персонажа. В противоположность этому последующие события фильма описываются существительным *испытание*, обладающим широким значением и дающим лишь общее представление о дальнейшем развитии сюжета. Таким образом, семантический компонент «развитие» остается для получателя текста лакуной, которая заполняется им самостоятельно в процессе инференции на основе логических умозаключений и предшествующего опыта просмотра фильмов данного жанра. Результатом может стать следующая восстановленная структура нарратива: 1) героиня мечтает стать фигуристкой и добивается успехов в спорте (известная информация); 2) героиня сталкивается с трудностями, препятствующими ее спортивной карьере, например травмой; 3) возникает конфликт между желанием персонажа и его реальными возможностями; 4) конфликт разрешается, когда героиня возвращается в спорт или находит смысл жизни в другой деятельности (рис. 2). Как и в рассмотренном ранее случае, фабула повествования предсказуема в общих чертах, однако ментальный процесс восстановления нарративной структуры порождает новые лакуны, связанные с конкретными обстоятельствами и способами разрешения конфликтов, что и вызывает интерес получателя текста к рекламируемому продукту.

В процессе анализа выборки было обнаружено небольшое количество текстов, в которых на первый взгляд отсутствует прагматический элемент интриги. Так, в аннотации к фильму «Легенда №17», состоящей из одного неполного именного предложения (*История жизни хоккеиста Валерия Харламова*), не выявлены семантические компоненты «хронотоп» и «действие». Восполнение недостающей информации за счет инференции оказывается возможным только в том случае, если получатель текста обладает фоновыми знаниями о главном герое фильма, которым является реально существовавшее лицо. Вероятно, основным фактором создания интриги в данном случае является разрыв между имеющимися у адресата знаниями и той информацией, которой он хотел бы обладать. Поскольку объем фоновых знаний о хоккеисте Вале-

рии Харламове будет индивидуальным у каждого из потенциальных зрителей, прагматический эффект интриги будет реализовываться в каждом случае по-разному.

Рис. 2. Схема процесса инференции при восприятии рекламного текста (на примере аннотации к кинофильму «Лед»)

Стратегическая недосказанность так или иначе присутствует во всех киноаннотациях выборки. Это указывает на то, что прагматическая составляющая интриги является значимым фактором формирования аттрактивного потенциала рекламного текста.

5. Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что информационная неполнота в той или иной мере характерна для всех киноаннотаций. Это связано как с ограниченным объемом текстов, относящихся к данному жанру, так и с необходимостью формирования устойчивого интереса к рекламируемому продукту. С точки зрения смысловой структуры текста наиболее часто лакунизации подвергаются составляющие семантического компонента «действие», такие как информация о кульминации и развязке фильма. Это дает возможность предположить, что намеренное опущение информации о развитии сюжета кинопроизведения способствует созданию стратегической недосказанности, которая значима для повышения аттрактивности текста киноаннотации. В тех

немногочисленных случаях, когда развязка не подвергается семантическому опущению, эффект интриги сохраняется благодаря лакунам, возникающим между фоновыми знаниями адресата и информацией, эксплицитно или имплицитно представленной в аннотации к фильму.

При анализе прагматической составляющей текстов аннотаций к фильмам были выявлены две стратегии создания интриги — явная и скрытая. Сущность первой состоит в намеренном привлечении внимания реципиента к семантическим лакунам текста за счет использования лингвистических маркеров, указывающих на нехватку информации. Анализ показывает, что в качестве эксплицитных средств авторы киноаннотаций используют вопросительные предложения, лексемы со значением нехватки информации, глаголы мыслительной деятельности, а также паралингвистические средства (к примеру, многоточие). В ходе исследования нашла свое подтверждение гипотеза о том, что в текстах кинорекламы семантическая неполнота в меньшей степени выражается с помощью эксплицитных маркеров, в то время как в большинстве случаев интенциональная недосказанность носит имплицитный характер.

Исследование показывает, что скрытая стратегия создания интриги является доминирующей. В ее основе лежит инференция — ментальный процесс, позволяющий адресату восполнить имеющиеся лакуны, основываясь на собственных фоновых знаниях и логических умозаключениях. Будучи продуктом массовой культуры, жанровое кино обладает ограниченным набором основных сюжетов, что делает предсказуемыми сюжетные ходы отдельного кинопроизведения. Однако процесс инференции позволяет воссоздать сюжетную линию лишь в самых общих чертах, в то время как частные особенности киноповествования остаются в границах смысловой лакуны. Таким образом, обе стратегии создания интриги и повышения аттрактивности продвигающего текста основаны на осознаваемом получателем разрыве между имеющимся знанием и информацией, необходимой ему для воссоздания полной картины.

Результаты исследования проливают свет на возможные механизмы формирования стратегической недосказанности в текстах киноаннотаций. Это открывает перспективы для изучения способов создания интриги в других продвигающих жанрах кинодискурса, таких, к примеру, как кинопостер и трейлер. Остается открытым вопрос о том, является ли интрига ключевым фактором привлекательности текста или решение потенциального зрителя в значительной степени определяется другими свойствами текста (к примеру, его связностью и экспрессивностью). Кроме того, ждет решения вопрос о сравнительной эффективности имплицитных и эксплицитных способов создания интриги в тексте киноаннотации. Все это предполагает эмпирическое исследование интенциональной недосказанности в аспекте ее восприятия потенциальными зрителями. Помимо подтверждения основной гипотезы к результатам исследования относится уточнение существующей классификации семантических компонентов киноаннотации, а также создание типологии средств, эксплицирующих наличие смысловых лакун в рекламных текстах.

Полученные результаты позволяют утверждать, что дальнейшее изучение особенностей семантической неполноты, создающей интригу, в жанрах кинорекламы является актуальным и перспективным направлением в области исследования кинодискурса с позиций маркетинговой лингвистики.

Приложение

Список проанализированных фильмов

1. «По щучьему велению»
2. «Холоп»
3. «Батя»
4. «Т-34»
5. «Майор Гром: Чумной Доктор»
6. «Последний богатырь»
7. «Конек-Горбунук»
8. «Легенда № 17»
9. «Баба Яга спасает мир»
10. «Дурак»
11. «Чебурашка»
12. «Огонь»
13. «Движение вверх»
14. «Я худею»
15. «О чем говорят мужчины»
16. «Балканский рубеж»
17. «Калашников»
18. «Домовой»
19. «Своя война. Шторм в пустыне»
20. «Мира»
21. «Мистер Нокаут»
22. «Битва за Севастополь»
23. «Призрак»
24. «Экипаж»
25. «Уроки фарси»
26. «Родные»
27. «1941. Крылья над Берлином»
28. «Летчик»
29. «Монах и бес»
30. «Серебряные коньки»
31. «Метро»
32. «Солнцепек»
33. «Свободные отношения»
34. «Елки»
35. «Как Витка Чеснок вез Лёху Штыря в дом инвалидов»
36. «Тренер»
37. «Баба Мороз и тайна Нового года»
38. «28 панфиловцев»
39. «Турист»
40. «Подольские курсанты»

41. «Вася не в себе»
42. «Лед»
43. «Брестская крепость»
44. «Вызов»
45. «Хоккейные папы»
46. «Хардкор»
47. «Неадекватные люди»
48. «Молодой человек»
49. «Левиафан»
50. «Хэппи-энд»
51. «Поиск»
52. «Снегирь»
53. «Географ глобус пропил»
54. «Я на перемотке!»
55. «Люби их всех»
56. «Самый Новый год!»
57. «Красный призрак»
58. «Сестренка»
59. «Громкая связь»
60. «Текст»
61. «Мальдивы подождут»
62. «Хитровка. Знак четырех»
63. «Казнь»
64. «Аритмия»
65. «Легенда о Коловрате»
66. «Салют-7»
67. «Повелитель ветра»
68. «Елки-иголки»
69. «Отель “Белград”»
70. «Время первых»
71. «Он — дракон»
72. «На Луне»
73. «Семейный бюджет»
74. «Ночная смена»
75. «Доктор Лиза»
76. «Завод»
77. «Без меня»
78. «Duxless»
79. «Каникулы президента»
80. «Артек. Большое путешествие»
81. «Мастер и Маргарита»
82. «Доктор»
83. «Рядовой Чээрин»
84. «Бендер: Начало»
85. «Жить»
86. «Родители строгого режима»
87. «Лев Яшин. Вратарь моей мечты»
88. «Пара из будущего»
89. «Старые пишки»
90. «Нелюбовь»
91. «Гоголь. Начало»

92. «Жили-были»
93. «Околофутбола»
94. «Этерна: Часть первая»
95. «Майор»
96. «Бык»
97. «Сердце пармы»
98. «Чук и Гек. Большое приключение»
99. «Стрельцов»
100. «Многоэтажка»

Список литературы

Агаркова О.А., Макишанова Т.В. Эволюция прикнижной аннотации // Мир науки, культуры, образования. 2018. №2 (69). С. 593 – 595.

Анисимов В.Е. Кинозаголовок, синопсис и слоган кинофильма как функционально-прагматические единицы кинотекста (на материале современного французского кинодискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, №1. С. 240 – 245. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.48>.

Анисимова Т.В. Принципы классификации жанров рекламы книги // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15, №4. С. 104 – 113. <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.11>.

Анисимова Т.В., Ярова И.В. Реклама в издательском деле. Ижевск, 2011.

Балабанова И.Я. Лингвопрагматика рекламного текста (на материале русского и французского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №20 (274). Филология. Искусствоведение. Вып. 67. С. 27 – 30.

Борисова Е.Г. Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы // Верхневолжский филологический вестник. 2016. №4. С. 140 – 143.

Борисова Е.Г. Что дает маркетинговая лингвистика маркетингу и лингвистике? // Маркетинговая лингвистика: Закономерности продвигающего текста / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М., 2022. С. 4 – 10.

Головушкина М.В. Социолингвистический анализ английских рекламных слоганов // Наука. Общество. Государство: электронный науч. журнал. 2019. Т. 7, №2 (26). URL: <https://elib.pnzgu.ru/library/1572633257> (дата обращения: 04.05.2024).

Иванова С.В. Актовая речь как гибридная полидискурсивная практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21, №1. С. 141 – 160. <http://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-141-160>.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Павлина С.Ю., Прасолова О.Д. Формирование когезивных связей в поликодовом тексте кинопостера // Верхневолжский филологический вестник. 2024. №1 (36). С. 133 – 140. http://doi.org/10.20323/2499_9679_2024_1_36_133.

Прасолова О.Д. Рекламный ролик к фильму как компонент кинодискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2023. №3 (63). С. 93 – 104. <http://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-93-104>.

Прохоров А.В. Понимание рекламного текста: имплицирование информации и инферентный вывод // Вестник Тамбовского университета. 2008. №9 (65). С. 139 – 143.

Ровнейко М.А. Интрига как триггер продвижения продукта // NovaInfo. 2022. №132. С. 33. URL: <https://novainfo.ru/article/19135> (дата обращения: 03.05.2024).

Собянина В.А. Аргументация как способ воздействия в рекламных текстах и ее языковые особенности // Маркетинговая лингвистика в цифровую эпоху : сб. науч. ст. М., 2021. С. 16 – 21.

Терских М.В. Взаимодействие вербального и визуального компонентов в метафоризированных текстах социальной рекламы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. №3 (16). С. 76 – 84.

Трайковская Н.П. Процесс инференции и имплицитные смыслы в понимании рекламных текстов // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. №24 (221). Вып. 28. С. 109 – 111.

Тригубова Д.Л. Характеристики компонента 'персонажи' в смысловой структуре киноаннотаций // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1: Филология. 2021. №4 (113). С. 32 – 39.

Тригубова Д.Л. Языковые средства реализации компонентов семантической структуры аннотаций к российским кинофильмам // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : матер. VI междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2022. С. 55 – 60.

Forceville C. Visual and multimodal communication across cultures // The Cambridge handbook of intercultural pragmatics / ed. by I. Kecskés. Cambridge, MA, 2022. P. 527 – 551. <http://doi.org/10.1017/9781108884303.022>.

Guan Y., Forceville C. Making cross-cultural meaning in five Chinese promotional clips: metonymies and metaphors // Intercultural Pragmatics. 2020. Vol. 17, №2. P. 123 – 149. <http://doi.org/10.1515/ip-2020-0007>.

He D., Jiang Y., Gorn G.J. Hiding in the crowd: Secrecy compels consumer conformity // Journal of Consumer Research. 2022. Vol. 48, №6. P. 1032 – 1049. <http://doi.org/10.1093/jcr/ucab036>.

Jensen Ch. S. Reduced narration, intensified emotion: The film trailer // Projections. 2014. Vol. 8, №1. P. 105 – 125. <http://doi.org/10.3167/proj.2014.080107>.

Kernan L. Coming attractions: Reading American movie trailers. Austin, 2004.

Mahlknecht J. Three words to tell a story: the movie poster tagline // Word & Image. 2015. №31. P. 414 – 424. <http://doi.org/10.1080/02666286.2015.1053036>.

Maier C.D. Visual evaluation in film trailers // Visual Communication. 2009. Vol. 8, №2. P. 159 – 180. <http://doi.org/10.1177/1470357209102112>.

Nguyen T. T. L. A multimodal discourse analysis of romantic comedy movie posters // VNU Journal of Foreign Studies. 2021. Vol. 37, №3. P. 79 – 93. <http://doi.org/10.25073/2525-2445/vnufs.4647>.

Ruan B., Hsee Ch.K., Lu Z.Y. The teasing effect: An underappreciated benefit of creating and resolving an uncertainty // Journal of Marketing Research. 2018. Vol. 55, №4. P. 556 – 570. <http://doi.org/10.1509/jmr.15.0346>.

Sevilla J., Meyer R.J. Leaving something for the imagination: The effect of visual concealment on preferences // Journal of Marketing. 2020. Vol. 84, №4. P. 1 – 18. <http://doi.org/10.1177/0022242919899393>.

Staiger J. Announcing wares, winning patrons, voicing ideals: Thinking about the history and theory of film advertising // Cinema Journal. 1990. Vol. 29, №3. P. 3 – 31. <http://doi.org/10.2307/1225178>.

Wildfeuer J., Pollaroli Ch. Seeing the untold: Multimodal argumentation in movie trailers // Multimodal argumentation and rhetoric in media genres. Amsterdam ; Philadelphia, 2017. P. 189 – 215.

Wildfeuer J., Bateman J. Film text analysis. New perspectives on the analysis of filmic meaning. N. Y., 2016.

Об авторах

Ольга Дмитриевна Прасолова — аспирант, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-9304-5918

E-mail: prasolovaolga2014@yandex.ru

Светлана Юрьевна Павлина — кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия.

ORCID ID: 0000-0002-8304-795X

E-mail: spavlina@hse.ru

Для цитирования:

Прасолова О. Д., Павлина С. Ю. Интенциональная недосказанность в киноаннотации: прагматический аспект // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 2. С. 208 — 233. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-12.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

PRAGMATICS OF INTENTIONAL OMISSION IN A FILM SYNOPSIS

Olga D. Prasolova¹, Svetlana Yu. Pavlina²

¹ Nizhny Novgorod Linguistics University,
31a Minina St., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

² HSE University,
25/12 Bolshaya Pecherskaya St., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

Submitted on 18.05.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-12

This article explores film synopses that are treated as advertising texts characterized by semantic density and succinctness. They contain purposeful omission aimed to intrigue recipients and stimulate them to watch the film. The research is set in the framework of linguapragmatics and its goal is to reveal the ways intentional omissions work in film synopses. This research is novel as film advertisements have not been viewed through the lens of the means aimed at creating omission of information and their effect on the text pragmatics. The sample includes 100 film synopses for Russian films spanning 2010 – 2023. The analysis of the elements of their semantic structure shows that in film synopses, semantic incompleteness takes the shape of semantic gaps and implicatures. Importantly, it affects any element, including the inciting incident, personages and spatial and temporal settings. The findings reveal that the intentional omission is predominantly implicit and the employment of inference cannot fill all semantic gaps, thus intrigue is preserved. However, in some film synopses intrigue is expressed explicitly. Our findings show the range of linguistic markers signaling the intentional omission of information in sample texts. This research paves the way for further investigations into how intrigue is created in promotional film texts, such as posters and trailers. It may also be valuable for studies in commercial advertising.

Keywords: synopsis, advertising text, purposeful omission, intrigue, semantic gap, inference

References

- Agarkova, O.A. and Makshanova, T.V., 2018, The evolution of annotations for books. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2 (69), pp. 593 – 595 (in Russ.).
- Anisimov, V. Ye., 2020. Title, Synopsis and Slogan as Functional and Pragmatic Elements of Film Text (by the Material of the Modern French Film Discourse). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (1), pp. 240 – 245, <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.48> (in Russ.).
- Anisimova, T.V. and Yarova, I.V., 2011. *Reklama v izdatel'skom dele* [Advertising in publishing business]. Izhevsk (in Russ.).
- Anisimova, T.V., 2016. Principles of classification of book advertising genres. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 15 (4), pp. 104 – 113, <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.11> (in Russ.).
- Balabanova, I. Ya., 2012. Linguo-pragmatics of the advertising text (based on the material of Russian and French). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvoovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological Sciences], 20 (274), pp. 27 – 30 (in Russ.).
- Borisova, Ye.G., 2016. Marketing linguistics: prospects and trends. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verhnevolzhski philological bulletin], 4, pp. 140 – 143 (in Russ.).
- Borisova, Ye.G., 2022. What can marketing linguistics offer to marketing and linguistics? In: Ye.G. Borisova and L.G. Vikulova, eds. *Marketingovaya lingvistika: Zakonomernosti prodvigayushchego teksta* [Marketing linguistics: the properties of the promotional text]. Moscow, pp. 4 – 10 (in Russ.).
- Forceville, C., 2022. Visual and multimodal communication across cultures. In: I. Kecskés, ed. *The Cambridge Handbook of Intercultural Pragmatics*. Cambridge, pp. 527 – 551, <http://doi.org/10.1017/9781108884303.022>.
- Golovushkina, M.V., 2019. Sociolinguistic analysis of English advertising slogans. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 7 (2). Available at: <https://elibr.pnzgu.ru/library/1572633257> [Accessed 4 May 2024] (in Russ.).
- Guan, Y. and Forceville, C., 2020. Making cross-cultural meaning in five Chinese promotional clips: metonymies and metaphors. *Intercultural Pragmatics*, 17 (2), pp. 123 – 149, <http://doi.org/10.1515/ip-2020-0007>.
- He, D., Jiang, Y. and Gorn, G.J., 2022. Hiding in the crowd: Secrecy compels consumer conformity. *Journal of Consumer Research*, 48 (6), pp. 1032 – 1049. <http://doi.org/10.1093/jcr/ucab036>.
- Ivanova, S.V., 2017. Commencement Speech as a Hybrid Polydiscursive Practice. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (1), pp. 141 – 160, <http://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-141-160> (in Russ.).
- Jensen, Ch.S., 2014. Reduced Narration, Intensified Emotion: The Film Trailer. *Projections*, 8 (1), pp. 105 – 125, <http://doi.org/10.3167/proj.2014.080107>.
- Kernan, L., 2004. *Coming Attractions: Reading American Movie Trailers*. Austin.
- Kubryakova, Ye.S., 2004. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechey s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: gaining the linguistic knowledge. Parts of speech from the cognitive perspective. Language in the process of world cognition]. Moscow (in Russ.).
- Mahlknecht, J., 2015. Three words to tell a story: the movie poster tagline. *Word & Image*, 31, pp. 414 – 424, <http://doi.org/10.1080/02666286.2015.1053036>.
- Maier, C.D., 2009. Visual evaluation in film trailers. *Visual Communication*, 8 (2), pp. 159 – 180, <http://doi.org/10.1177/1470357209102112>.

Nguyen, T.T.L., 2021. A Multimodal Discourse Analysis of Romantic Comedy Movie Posters. *VNU Journal of Foreign Studies*, 37 (3), pp. 79–93, <http://doi.org/10.25073/2525-2445/vnufs.4647>.

Pavlina, S. Yu. and Prasolova, O.D., 2024. Building cohesive links in multimodal texts of film posters. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verhnevolzhski philological bulletin], 1, pp. 133–140, http://doi.org/10.20323/2499_9679_2024_1_36_133 (in Russ.).

Prasolova, O.D., 2023. Film Trailers as a Component of Film Discourse. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin], 3 (63), pp. 93–104, <http://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-93-104> (in Russ.).

Prokhorov, A.V., 2008. Advertising text understanding: implicating information and inference. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 9 (65), pp. 139–143 (in Russ.).

Rovneyko, M.A., 2022. Intrigue as a trigger of product promotion. *Novainfo*, 132, p. 33. Available at: <https://novainfo.ru/article/19135> [Accessed 3 May 2024] (in Russ.).

Ruan, B., Hsee, Ch.K. and Lu, Z.Y., 2018. The Teasing Effect: An Underappreciated Benefit of Creating and Resolving an Uncertainty. *Journal of Marketing Research*, 55 (4), pp. 556–570, <http://doi.org/10.1509/jmr.15.0346>.

Sevilla, J. and Meyer, R.J., 2020. Leaving Something for the Imagination: The Effect of Visual Concealment on Preferences. *Journal of Marketing*, 84 (4), pp. 1–18, <http://doi.org/10.1177/0022242919899393>.

Sobyagina, V.A., 2021. Argumentation as a persuasive means in advertising texts and its linguistic properties. *Marketingovaya lingvistika v tsifrovuyu epokhu: sbornik nauchnykh statei* [Marketing linguistics in the digital era: collected papers]. Moscow, pp. 16–21 (in Russ.).

Staiger, J., 1990. Announcing Wares, Winning Patrons, Voicing Ideals: Thinking about the History and Theory of Film Advertising. *Cinema Journal*, 29 (3), pp. 3–31, <http://doi.org/10.2307/1225178>.

Terskikh, M.V., 2017. Interaction of verbal and visual components in metaphorized texts of social advertising. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research], 3 (16), pp. 76–84 (in Russ.).

Traykovskaya, N.P., 2015. The process of inference and implicit meanings in the understanding of advertising texts. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities], 24 (221), pp. 109–111 (in Russ.).

Tryhubava, D.L. 2021. Features of the ‘characters’ component within the semantic structure of film annotations. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya* [Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology], 4 (113), pp. 32–39 (in Russ.).

Tryhubava, D.L., 2022. The verbalization of means of the semantic structure components of Russian film annotations. In: *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokul'turologiya: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya: materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: current issues and development prospects. Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference]. Minsk, pp. 55–60 (in Russ.).

Wildfeuer, J. and Bateman, J., 2016. *Film Text Analysis. New Perspectives on the Analysis of Filmic Meaning*. New York.

Wildfeuer, J. and Pollaroli, Ch., 2017. Seeing the untold: Multimodal argumentation in movie trailers. In: *Multimodal argumentation and rhetoric in media genres*. Amsterdam; Philadelphia, pp. 189–215.

The authors

Olga D. Prasolova, PhD student, Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-9304-5918

E-mail: prasolovaolga2014@yandex.ru

Dr Svetlana Yu. Pavlina, Associate Professor, HSE University, Nizhny Novgorod, Russia.

ORCID ID: 0000-0002-8304-795X

E-mail: spavlina@hse.ru

To cite this article:

Prasolova, O. D., Pavlina, S. Yu., 2025, Pragmatics of intentional omission in a film synopsis, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 2, pp. 208–233. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-12.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — до 1,5 п.л.; научного сообщения — до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary — после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала пе-

речисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках. Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148—167.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

- Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D.A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K.G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143—155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83—101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

- Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

- Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/slovo/rules/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;

- the title of the article in English and Russian, all lowercase;

- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;

- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;

- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;

- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

- References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

- If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshnej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja prioritety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

- In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

- References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an A4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at <https://journals.kantiana.ru/slovo/rules/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
 - a) whether the content of the article corresponds to its title;
 - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
 - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
 - d) whether the article contains original research;
 - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
 - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2025

Том 16
Vol.
№ 2

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА: PRAGMALINGUISTICS:
В ПОИСКАХ СИНТЕЗА IN SEARCH OF SYNTHESIS

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *I. Dementev, P. Shcherbakov*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 30.04.2025 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21,0
Тираж 300 экз. (1-й завод — 40 экз.). Заказ 52
Свободная цена

Signed 30.04.2025
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 21,0
Edition 300 copies (first print: 40 copies). Order 52
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia